

О. В. ГАЙЛЬ



30

ЛУННЫЙ
ПЕРЕЛАЕТ

ОТТО ВИЛЛИ ГАЙЛЬ

ЛУННЫЙ ПЕРЕЛЕТ

Перевод И. БЕККЕРА.

Предисловие и научная редакция Я. И. ПЕРЕЛЬМАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
Ленинград
1930

O. W. GAI_L
Hans Hardts
Mondfahrt

ТИПОГРАФИЯ
«КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»
имени ВОЛОСАРСКОГО
* ЛЕНИНГРАД
ФОНТАНКА 57

ПРЕДИСЛОВИЕ

На тему о путешествии на Луну имеется в мировой литературе, вероятно, до сотни романов, — в том числе такие классические в своем роде произведения, как «Вокруг Луны» Жюля Верна и «Первые люди на Луне» Уэллса. Чтобы заслужить право на внимание, новый роман на ту же тему должен обладать крупными достоинствами. Роман немецкого писателя О. В. Гайля имеет то крупное преимущество, что он технически реален. Перед нами не утопия, не фантазия, а повесть о будущем, — быть может, уже не столь далеком.

Жюль Верн, описывая фантастическую пушку, выбросившую трех смельчаков далеко в мировое пространство, не думал, конечно, о том, чтобы измыщленное им средство перелета на Луну может быть когда-нибудь осуществлено: подобная затея не имеет никаких шансов воплотиться в действительности. Еще меньше может притязать на это остроумная выдумка Уэллса, — непроницаемое для тяготения вещество: снаряд, покрытый слоем «кеворита», переносит героев романа на Луну¹. Совершенно иначе

¹ Ана из этой идеи, обнаруживающей ее несостоятельность, как и избор проекта Жюля Верна, интересующиеся могут найти в книге Я. И. Перельмана «Межпланетные путешествия», ГИЗ, 1929 г.

обстоит с основной мыслью романа Гайля: она технически осуществима, если не сейчас, то в более или менее близком будущем. Весь роман — художественная популяризация проекта межпланетного путешествия, тщательно разработанного германским физиком проф. Германом Обертом.

Автор предлагаемого романа имеет перед своими предшественниками то преимущество, что живет в эпоху, когда мысль о межпланетных перелетах перестала быть заманчивой мечтой и превратилась в научно продуманный замысел. Проблема находит свое разрешение в использовании ракеты — замечательного орудия, которому техника до сих пор не находила достойного применения.

Теория ракеты впервые математически разработана в применении к межпланетным перелетам (в 1901 г.) замечательным русским изобретателем К. Э. Циолковским, ныне еще здравствующим, который и признается во всем мире основоположником звездоплавания¹. Первые опытные исследования над ракетами высокого полета были выполнены в 1919 г. американским физиком проф. Роб. Годдардом, независимо от Циолковского, разработавшим и теоретическую сторону дела. И, наконец, в самые последние годы, наряду с русским и американским исследователем, выступил со своими замечательными работами германский физик проф. Оберт. Он завершил труды своих предшественников созданием ряда проектов ракетных аппаратов для полета за пределы атмосферы, в пустоту мирового пространства. Достаточно перелистать его последнюю книгу «Пути к звездоплаванию» (увенчанную премией Французского астрономического общества), чтобы

¹ «Звездоплавание» — плавание в мировом пространстве (как воздухоплавание — плавание в воздухе).

удостовериться, насколько подробно разработаны им смелые проекты полетов к крайним границам атмосферы, в мировое пространство, на Луну, на другие планеты — все то что еще так недавно служило лишь сюжетом фантастических романов.

На этом материале и построен роман О. В. Гайля, представляющий собой, как уже упомянуто, удачный опыт беллетристической популяризации идей вождя германских звездоплавателей. До какой степени проникся романист идеями Оберта и его единомышленников, видно, между прочим, из того, что в своих научных трудах германский физик охотно цитирует страницы из произведений Гайля в тех случаях, когда желает дать наглядное представление о той или иной стороне своих проектов.

Надо заметить вообще, что на родине Гайля идея звездоплавания получила наиболее плодотворное развитие. Ни в какой другой стране не сделано так много для разрешения этой проблемы, как в Германии, имеющей наиболее богатую литературу по этому предмету. Здесь имеется «Союз звездоплавания», насчитывающий несколько сот членов и издающий специальный журнал «Ракета». В Германии производились довольно успешные опыты применения ракет к движению автомобиля, саней и аэроплана. В настоящее время (конец 1929) там подготавливаются многообещающие испытания ракетных аппаратов, испытания, долженствующие в случае успеха далеко продвинуть вперед проблему завоевания межпланетных пространств. Мы еще вернемся к этим опытам после того, как выясним принципы, лежащие в основе звездоплавания.

Почему в поисках аппарата, могущего вынести человека в мировое пространство, остановились именно на ракете? Главная причина та, что ракета — единственное орудие,

на котором осуществим управляемый полет в пустоте. Дирижабль и аэроплан могут двигаться только в газовой среде достаточной плотности; в разреженные слои атмосферы, лежащие выше 13 километров, не проникал ни один дирижабль, ни один аэроплан, и вряд ли когда-нибудь эти аппараты смогут продвинуться сколько-нибудь заметно дальше этой границы. Пушка, быть может, и могла бы со временем забросить снаряд далее пределов атмосферы или даже до Луны (для этого нужно сообщить снаряду начальную скорость около 12 километров в секунду). Но летящее пушечное ядро — снаряд неуправляемый: его положение и скорость в каждой точке пути заранее предопределены и не могут быть изменены усилиями пассажиров ядра. Кроме того, пушечное ядро свою огромную скорость приобретает так быстро, что пассажиры неизбежно должны погибнуть от сотрясения.

Ракета от всех этих недочетов свободна. Что такое ракета? В простейшем виде — в форме тех увеселительных ракет, которые всем, вероятно, случалось видеть во время народных празднеств — это трубка, наполненная медленно сгорающим порохом. При зажигании пороха ракета взлетает вверх. Есть не мало людей, которые убеждены, что «ракета в полете отталкивается от воздуха тою струею горячих газов, которые вытекают из ее трубки при горении». Это совершенно ошибочное представление. Ракета движется по другой причине — по той же самой, по какой «отдает» стреляющее ружье или пушка. Когда пороховые газы выбрасывают пулю или снаряд в одну сторону, они с такою же силою давят и во все другие стороны. Но все боковые давления уравновешивают друг друга; одно лишь давление назад остается неуравновешенным: оно то и увлекает оружие назад, порождает отдачу. Отдача зависит

вседело от тех газов, которые возникают внутри оружия; значит в пустоте ружье отдавало бы не менее сильно, чем в воздухе.

То же самое происходит и при горении ракеты: газы, образующиеся в ней от горения пороха, стремительно вытекают из отверстия трубы, а сама трубка отталкивается при этом в обратном направлении. Будет ли вокруг ракеты воздух или нет — зажженная ракета все равно полетит в пустоте даже лучше, чем в атмосфере, потому что воздух служит лишь помехой ее движению.

Вообразите огромную ракету с каютой для пассажиров, с большим запасом горючего, с особым устройством для управления взрыванием, — и вы получите представление о дирижабле, «звездолете», для полетов в пустоте межзвездного пространства. Каюта его должна быть устроена примерно так, как в современной подводной лодке: в ней должны находиться приборы для замены израсходованного кислорода свежим, запасы пищи, питья, набор инструментов для ориентирования и многое другое.

Теория показывает, что для одоления земного притяжения звездолет должен направиться в мировое пространство со скоростью не менее 12 километров в секунду. Самые мощные артиллерийские орудия не сообщают своим снарядам такой скорости. Можно ли надеяться достичь ее для ракеты?

Чем дольше горит ракета, чем больше из нее вытекло газов, тем большую скорость она накапляет: к скорости, полученной в предыдущую секунду, прибавляется скорость, развивающаяся в следующую; кроме того, по мере сгорания запаса горючего, ракета становится легче и приобретает от одного и того же напора газов большую скорость. Если, к тому же, взрывные газы сами вытекают весьма

стремительно, то ракета к концу сгорания способна накопить значительную скорость. Можно в точности вычислить, какое количество какого горючего должно быть сожжено в ракете данного веса, чтобы накопить ту или иную желаемую скорость. Расчет дает твердое основание утверждать, что при надлежащем выборе горючего требуемая для звездоплавания скорость безусловно может быть достигнута.

Не надо думать, что лучше всего заряжать ракету сильно взрывчатыми веществами. Порох для звездолета прежде всего чрезвычайно опасен: при зажигании может сразу взорваться весь его запас и уничтожить межпланетный корабль. Есть и другая причина, побуждающая отказаться от пороха и искать других веществ для заряжения звездолета. Скорость, с какою вытекают газообразные продукты горения пороха, недостаточно велика для надобностей звездоплавания. Вопреки распространенному мнению, взрывчатые вещества освобождают при горении меньше энергии, нежели такие вещества, как водород, нефть, бензин, сгорающие в кислороде.

Поэтому изобретатели звездолетов предусматривают лишь использование таких веществ, как сжиженный водород, нефть, бензин, спирт, горящих со сжиженным кислородом. (Водород и кислород нужно брать в жидким, а не в газообразном виде, для того, чтобы не пришлось пользоваться тяжелыми толстостенными резервуарами).

До самого последнего времени не удавалось изготовить ракету с жидким горючим. Первая такая ракета небольших размеров сооружается лишь в настоящее время (декабрь 1929 г.) профессором Обертом.

Первые этапы звездоплавания имеют не небесные, а земные цели. Это прежде всего — подъем небольших ракет без пассажиров, с самопущущими приборами, на

высоту 70—100 километров для изучения высших, еще совершенно не исследованных слоев земной атмосферы. Видоизменением этой «метеорологической» ракеты явится ракета «фотографическая», снимающая местность с большой высоты; она найдет себе применение в военном деле. Другое видоизменение — «карографическая» ракета:ущенная над неисследованными частями земной поверхности (Африка, Гренландия и др.), она заснимет на кинематографической ленте ландшафты, которых не видел ни один человеческий глаз.

За ракетами этих трех типов последует «почтовая» ракета, также без пассажиров. Она сможет в полчаса перенести груз в несколько тысяч писем из Европы в Африку или обратно. Передача содержания всех этих писем по телеграфу заняла бы несравненно больше времени и обошлась бы гораздо дороже.

Пятым этапом будут аэропланы, снабженные ракетой вместо мотора. Они будут переносить пассажиров на огромные расстояния через верхние, крайне разреженные слои атмосферы, развивая скорость до тысячи и более метров в секунду. Эти «ракетопланы» явятся непосредственными предшественниками пассажирских звездолетов, которые вначале будут совершать вылеты за атмосферу, не удаляясь глубоко в мировое пространство, а затем предпримут и настоящие межпланетные перелеты — на Луну, на Марс, на Венеру.

Чтобы облегчить читателю понимание многих мест романа, необходимо остановиться немного на тех своеобразных ощущениях, которые придется пережить пассажирам межпланетного корабля. Мы говорим не о звездных ландшафтах за окнами звездолета, а о явлениях внутри самой каюты и внутри тела пассажира.

В коротких словах дело сводится к тому, что все вещи внутри звездолета будут во время полета иметь ненормальный вес. В те короткие промежутки времени, когда работает взрывной аппарат ракеты, звездолет движется либо ускоренно, либо замедленно, причем быстрота нарастания или замедления скорости в несколько раз больше, чем для тела, свободно падающего на землю. Это скажется внутри каюты в том, что все вещи делаются там в несколько раз тяжелее своего нормального веса. Пассажиры не составят исключения и почувствуют себя отяжелевшими. Опыты показали, что человек безвредно может переносить лишь трехкратное увеличение своего веса, и потому проектируя звездолеты, устраивают их так, чтобы усиление тяжести в них никогда не превышало трехкратного. Это достигается путем надлежащего регулирования быстроты сгорания запаса горючего.

Еще более необычайные явления наступают внутри звездолета, как только горение заряда прекращается и небесный корабль начинает двигаться, как свободно брошенное тело. Вещи внутри звездолета и сам звездолет движутся при этом с одинаковой быстротой, не отставая и не опережая друг друга. Поэтому они не давят друг на друга, иными словами — вещи в звездолете становятся словно невесомыми. Отсутствие веса в течение большей части перелета — пожалуй, самое любопытное и необычайное ощущение из всего, что доведется пережить будущему звездоплавателю. Состояние невесомости само по себе безвредно, но чтобы жить в такой обстановке, придется отказаться от многих глубоко-укоренившихся привычек и приобрести новые.

Прочие особенности научной и технической стороны лунного перелета разъяснены в романе с достаточной

ясностью (немногие обмолвки автора частью исправлены, частью оговорены при редактировании перевода). Прочти роман, читатель окажется до известной степени в курсе современной постановки проблемы звездоплавания.

Заслуживает быть отмеченным необычайный успех, выпавший на долю этого произведения. Роман, впервые появившийся в середине 1928 года, успел выдержать на родине ряд повторных изданий (предлагаемый перевод выполнен с 7-го издания) и переведен на шесть иностранных языков: французский, голландский, датский, норвежский, финский, венгерский.

Несколько слов о личности молодого автора. Отто Виль Гайль родился в 1896 г. Проделав военную кампанию 1914 — 1918 в качестве артиллерийского офицера германской службы, он по окончании войны изучал математику и электротехнику, но не мог найти своим знаниям непосредственного профессионального применения. Испытывая крайнюю нужду, буквально голодая, он в 1924 г. написал свой первый роман «Выстрел во вселенную», сразу получивший широкую известность. Дальнейшими произведениями были: «Камень с Луны», «На ракете во вселенную» (популярно-научная книга) и, наконец, — тот роман, который сейчас лежит перед читателем.

Я. Перельман



ГЛАВА 1

Двенадцать часов семь минут

Двухместный автомобиль Томми Бигхеда¹ медленно катил по дороге в Детройт.

Одинокий пешник, позевывая, откинулся на мягкую спинку закрытой машины. Одной рукой он держался за руль, в другой была толстая сигара, которой он то и дело затягивался, выпуская клубы дыма. Томми Бигхед не замечал, до чего душно стало в его тесной закрытой машине.

Вообще говоря, Томми не привык передвигаться со скоростью 20 километров в час. Наоборот, восемь цилинров его Форда обычно развивали максимальную скорость. Недаром Бигхед считался самым ловким репортером «Вечерней почты Мичигана».

Едва в каком-нибудь, даже самом захолустном городке штата Мичиган, случалось какое-либо происшествие, тотчас же оказывался там Томми Бигхед со своим неизменным: «В чем дело?» А спустя какой-нибудь час после происшествия на всех углах Мичигана красовались уже его отчеты о случившемся. Он готов был с кем угодно итти в pari, что его никто не опередит, но редко находились охотники вступать с ним в спор: все знали, что ловкий Томми не хвастает зря.

¹ Бигхед — буквально: «толстоголовый» (по-английски).

Теперь он не без причины так безжалостно тратил свое драгоценное время. Он присутствовал сейчас на лодочных гонках и так часто повторял свое неизменно «в чем дело», что в горле у него пересохло — приходилось неоднократно смачивать его ледяным лимонадом из бара. Этот холодный лимонад почему-то имел вкус коньяка, и в итоге голова Томми стала такой тяжелой, словно он надел на нее водолазный шлем. А Томми прекрасно знал, что после изрядной порции «лимонада», когда голова отягощена «водолазным шлемом», лучше ехать как можно медленнее.

Мотор шумел легко и однотонно, точно оса. Томми чувствовал себя усталым, до того усталым, что готов был даже соснуть. Машина замедляла ход и, описывая неуверенные кривые, катилась по боконечному, залитому солнцем шоссе.

Тихий звук неожиданно нарушил полудремотное состояние Томми. Он вскочил и не без испуга заметил, что какой-то незнакомец, — крупная фигура в кожаном костюме, — стоял на подножке машины и энергично стучал в окошко.

Томми быстро пришел в себя.

«Этот человек не похож на грабителя», — подумал он, и так проворно пустил в ход тормоз, что машина со скрипом и шумом отскочила назад. В тот же момент Томми приоткрыл дверцу.

— Что это значит? — крикнул он далеко недружелюбно.

Незнакомец соскочил с подножки и, вежливо поклонившись, произнес:

— Простите за беспокойство, сэр. Я желал бы только знать, который час?..

— Что? Из-за такого пустяка вы остановили меня на полном ходу! — возмутился Томми. — Как могли вы позволить себе нечто подобное? Это возмутительно! — негодовал Томми.

— Вряд ли можно говорить о полном ходе, — спокойно взорвал незнакомец. — Во всяком случае, вы должны быть мне благодарны за то, что я вас разбудил: вы легко могли очутиться в канаве.

— Гм, — пробормотал Томми, и на лице его показалася чуть более дружественная улыбка. — Вы правы, сэр; я вам очень благодарен. Скажите, чем могу быть полезен? Не угодно ли вам поехать со мной?

— Нет, я в Детройт не собираюсь. Я хочу только знать, который час.

«Чудак», — подумал Томми, вынимая часы. — Теперь ровно 12 часов семь минут.

— 12 часов семь минут, — повторил незнакомец. — Весьма признателен. Ваши часы точны?

— Разве можно себе представить Томми Бигхеда с неверными часами!

— Очень рад познакомиться, мистер Биг...

— Бигхед, сэр, — сказал немного обидевшись Томми. — Неужели вам незнакомо имя лучшего репортера во всем Мичигане?

— Это вы? — и незнакомец чуть-чуть улыбнулся.

— Да.

— В таком случае, я могу отблагодарить вас за вашу любезность, мистер Бигхед. У меня имеется интересное сообщение для вашей газеты.

— А! — обрадовался Томми и с любопытством высунулся из окна. — Скорее, в чем дело? Держу пари, что через час ваше сообщение уже выскочит из ротационной машины. — Он проворно выхватил блокнот и карандаш.

— Запишите, что сегодня в 12 часов 7 минут вы разговаривали со мной.

— Дальше?

— Больше ничего. Это все.

Томми внимательно посмотрел на незнакомца, словно сомневаясь в его здравом уме, и с неудовольствием сказал:

— Я готов съесть свой автомобиль, если это известие заинтересует хотя бы одного читателя моей газеты. Идете в пари?

— Мне очень жаль ваш славный автомобиль, ибо ваша встреча со мной без сомнения представляет огромный интерес для всех читателей. Вам придется даже выпустить экстренное сообщение.

— Человече! Вы страдаете спином! — воскликнул заинтересованный репортер, выскочив из машины. — Кто же вы: сиамский король или чемпион бокса?

— Меня зовут Ганс Гардт. Я — немец, и полагаю, что в Штатах не найдется и десяти человек, которые слышали бы мое имя, — ответил спокойно незнакомец, вынимая какой-то пакет из кармана куртки. — Я вам кое-что привез, мистер Бигхед. Бутылка пива, весьма редкая вещь в безалкогольной стране. Выпейте за наше общее здоровье.

Томми был убежден, что встретился с сумасшедшим. Все же он взял завернутую в газету бутылку решив поскорей отвязаться от странного незнакомца.

— Еще маленькая просьба, — прибавил Ганс Гардт. — Вы ведь знаете, что мы, немцы, любим порядок. Не будете ли любезны расписаться в получении этой бутылки?.. — Он протянул свой дорожный паспорт.

Томми ничего не оставалось, как исполнить просьбу.

— Вы можете прислать мне и счет, — сказал он резко, написав несколько слов в паспорте.

— Этого не понадобится. Однако, вы забыли отметить время — 12 часов 7 минут.

Томми исполнил и эту просьбу.

— Еще что?

— Больше ничего. Благодарю вас.

— Ну, прощайте, сэр.

— До свиданья, мистер Бигхед, — сказал немец, — и не забудьте про экстренный выпуск. Ровно 12 часов 7 минут!

«Сумасбродный чудак!» — проворчал Томми и пустил машину полным ходом.

Когда Томми через несколько минут обернулся, немца уже не было. Он, новидимому, свернулся куда-то в сторону. Томми стал недоверчиво разворачивать бутылку.

«Любопытно, что сунул мне этот чудак», — подумал он, откупоривая бутылку и нюхая ее содержимое. Действительно, в бутылке оказалось настоящее мюнхенское пиво, и Томми Бигхед, самый ловкий репортер Мичигана, не мог отказать себе в удовольствии залить досаду на незнакомца несколькими глотками.

ГЛАВА 2

Бутылка пива

Ровно через полчаса Томми входил в редакцию «Вечерней почты Мичигана».

— Алло, Томми, — приветствовал его главный редактор. — Вы знаете уже последнюю новость?

— Конечно, мистер Тиллер.

— Нет, Томми, не знаете, не можете этого знать, разве только вы были сего утра в Германии...

— В Германии? Нет, по немца... — он остановился, а затем прибавил: — А дальше, старина, что вы хотели рассказать?

— Сейчас получена телеграмма из Берлина: немцы опять делают попытку перелететь через океан.

— Это все? — заметил презрительно Томми. — Не проходит недели, чтобы газеты не шумели о новых попытках перелета. Немцы не удовлетворяются уже чисто спортивными предприятиями, вроде перелета Келя из Ирландии в Нью-Фаундленд. Им хочется установить регулярное воздушное сообщение между Америкой и Европой.

— Да, да, Томми, но, повидимому, это еще долго останется неосуществимой мечтой. Никто не в силах бороться с постоянными западными ветрами; даже наш Линдберг не решился предпринять такой полет. Он полетел только из Америки в Европу, а обратный путь предпочел проделать на пароходе. Бедняга, который теперь попы-

тается совершить перелет Европа — Америка, вынужден будет под страхом насмешек повернуть с полпути обратно, или же потонуть в море, как случилось со многими смельчаками до него.

— Как его зовут? — спросил Томми.

— Погоди-ка, — шеф-редактор стал рыться в пачке телеграмм. — Вот телеграмма, вот-вот... Этот новый летчик, вероятно, страшный чудак: но погордился даже как следует рекламировать предварительно свое предприятие. Ни каких интервью, никаких разговоров с представителями печати, и вдруг, в один прекрасный день, пускается в путь без всякого шума. Лишь за две минуты до старта он подошел к механику и велел взять курс на Америку, словно собирался сделать увеселительную прогулку.

Томми был в восторге.

— Молодец парень! Он не трещал о себе, как все его предшественники.

— Да, — согласился Тиллер. — И по одному этому мне хотелось бы, чтобы этот Ганс Гардт благополучно совершил свой полет...

Тиллер не стал больше говорить, ибо Томми Бигхем, самый ловкий репортер Мичигана, вдруг вскочил, словно его подбросила пушка, и схватил свечу за горло.

— Томми... — еле прохрипел испуганный до смерти редактор.

Репортер от устия его и пустился в пляс в кабинете редактора, стал швырять стулья, сбросил книгу бумаг и книг на пол с таким шумом и треском, что окна задрожали.

— Балбес! Осел! — подобные нежные выражения так и сыпались из уст Томми.

Изумленный и испуганный редактор вытаращил глаза и с ужасом следил за дикими движениями своего сотрудника.

— Скажите, пожалуйста, Томми, вы это от жары или болезни объясняете?

Томми вдруг остановился, хотя его руки продолжали еще делать бессмысленные движения в воздухе. Он взял стул, усевшись, сунул сигару в угол рта и сказал с кажущимся спокойствием:

— Вы печатаете сообщение о полете Ганса Гардта?

— Оно уже в паборной.

— Великолепно. Тогда прибавьте... Нет, нет, выпустите экстренный листок... Ганс Гардт благополучно высадился в Америке. Полет немца из Европы в Америку удался блестяще...

— Томми, — сказал опять редактор мягким тоном, — Томми, меня беспокоит ваше здоровье. Вы больны. Желаете получить отпуск?

— Перестань пороть чепуху, старина! Что станется с газетой, если Томми Бигхед взьмет отпуск?

— Да, Томми... Но откуда вы знаете, что этот полет совершился благополучно? Вам это приснилось?

— Нет, — отчеканил Томми. — Я говорил с Гардтом ровно час назад.

Редактор громко расхохотался.

— Томми, — гремел он, — вы галлюцинировали! Вам необходим отпуск. Известно ли вам, когда был старт?

— Нет.

— В 16 часов 30 минут...

— Значит, вчера, после обеда, в половине шестого? Оп, однако, чертовски быстро летел!..

Томми рухнул, держась за бока.

— Нет, Томми, не вчера, а сегодня, сегодня после обеда в 4 часа 30 минут.

— Чепуха! Ведь теперь час дня...

— Да, по нашему времени, Томми. Но сообщение получилось из Германии, а в средней Европе время на шесть часов впереди. 16 часов 30 минут минус шесть. Это значит 10 часов 30 минут. Так?

Томми беспокойно ерзая на стуле.

— По нашему времени старт был сегодня утром в 10 часов 30 минут. Но ведь это же совершенно невозможно!

— Почему?

— Потому что в двенадцать часов я говорил с Гансом Гардтом, — стоял Томми на своем.

— Вы видели сон на яву, Томми. Вы, вероятно, слишком много глотнули лимонада. Неужели вы серьезно

думаете, что человек в состоянии перелететь Атлантический океан ни больше, ни меньше как в полтора часа?

— Нет.

Томми больше ничего не сказал. Несколько минут он сидел без движения на стуле.

— О чём задумались, Томми?

— Я думаю, что Томми Бигхед вполне созрел для сумасшедшего дома, — сказал покалыванию Томми. Он стал мять свою угасшую сигару, словно искал в ней объяснение неизвестной загадки.

Тиллер наклонился к нему, желая выразить свое сожаление.

Внезапно лицо Томми осветилось радостной улыбкой.

— А бутылка? — крикнул он и помчался по коридору на улицу. Схватив в автомобиле подарок Ганса Гардта, он оттолкнул встретившегося мальчика и ворвался снова в кабинет Тиллера.

— Стариша! — крикнул он еще за дверью. — Призраки подносили когда либо подарки?!. Вот попробуйте-ка, настояще мюнхенское экспортное пиво, оно только немного согрелось.

— Это дал вам Ганс Гардт? — Тиллер недоверчиво покачал головой.

— Да, да, в 12 часов 7 минут, в 30 километрах к югу от Детройта. Хотите пари?

Тиллер задумался. Он знал, что Томми зря не предлагает пари.

— Гм — пробормотал он. — Во всяком случае это любезный призрак Но как вы объясняете все это?

— Слышали сказку про зайца и орла?

— Нет.

— Потому-то вы и не понимаете. Я считаю обоих Гардтов орлами.

— Обоих?..

— Ясно, что их двое. Один Ганс Гардт в Европе сделал вид, будто собирается лететь через Атлантический океан, а другой околачивался здесь в окрестностях Детройта и удостоил меня этого милого подарка. Чтобы доказать

свое алиби, он заставил меня расписаться в получении на его паспорте. Теперь вы раскусили эту махинацию?

Томми с торжеством посмотрел на шефа, гордясь своим ясным и острым умом. В прекрасном настроении он стал разворачивать бутылку. Вдруг глаза его застыли, и, словно лишившись сил, репортер упал на стул.

— Томми? — Озабоченный Тиллер подбежал к репортеру.

— Читайте, — прошептал беззвучно Томми.

Редактор схватил газету, в которой была завернута бутылка и, едва начав читать, побледнел.

— «Мюнхенские последние новости», вечерний выпуск от 17-го июля, — прочел он и посмотрел на Томми. Тот с усталой улыбкой показал ему на стенной календарь.

— Мюнхенская газета от сегодняшнего числа, — бормотал Тиллер. Как она попала сюда?

— Ганс Гардт... принес... эту газету... сюда, — стонал Томми — действительно, в полтора часа...

В кабинете редактора стало тихо. Лишь из соседней комнаты доносился стук пишущих машин.

ГЛАВА 3

Дыра в небе.

Водолазный шлем исчез с головы Томми. Восемь цилиндр в его машины, с жужжанием развиив максимальную скорость, мчали репортера из Детройта.

Он не обращал ни малейшего внимания на те проклятия, которые со всех сторон раздавались по его адресу. Обеими руками крепко держался он за рулевое колесо и с величайшим вниманием лавировал среди многочисленных других автомобилей, встречавшихся по пути.

Быстро промелькнули последние кабачки в южной части города, за ними показались склады, пустыри и на конец,—тихие поля; дорога была свободна. Томми увеличивал скорость, стрелка быстро подвигалась, показала 120 километров в час и подвигнулась еще дальше. Томми мчался с такой быстротой, что перестал различать отдельные деревья аллеи по обеим сторонам шоссе; они слились в сплошную лесную чащу.

Фред Тиллер, шеф-редактор, сидевший рядом с Томми, осторожно прикоснулся к его руке:

— Не будьте легкомысленны, Томми: 140 километров в час опасная игра!

Томми рассмеялся.

— Который час?

— 1 час 25 минут.

— Великолепно!—Бешеная езда продолжалась.

Прошло еще пять минут. Наконец, бешеный ездок замедлил ход и, внимательно осматриваясь кругом, остановился.

— Вот место, где ровно 90 минут назад меня остановил Ганс Гардт.

— Куда он направился после этого?

— Не знаю, — ответил Томми с огорчением. — У меня на голове был шлем, и я ничего не видел. Надо поискать.

Томми поехал медленно, и оба пущинка внимательно смотрели по сторонам д'роги.

— Вот направо полевая тропинка, Томми. Быть может...

— Посмотрим.

Автомобиль резко повернул направо и поехал по протянутой вожами дороге. Томми проклинал выбоины и камни, которые посыпались по пути, затрудняя и замедляя езду.

Дорога повела по пшеничным полям, а затем свернула мимо кустов высокого терновника.

— Гоп-ли! — закричал Томми и схватился за тормоз. Он едва не наскочил на огромный высоко нагруженный грузовик, который показался из-за кустарника и чуть не опрокинул элегантный двухместный автомобиль Томми.

Дорога была до того узка, что всем машинам никак нельзя было проехать. Томми ничего не оставалось сделать, как дать ход назад.

— На какого черта в такое пустынное место прикатил этот гигант? — удивился Тиллер.

Томми, который осаживал машину на поля, вынужден был следить за тем, что происходило позади его, и не имел времени задуматься над этим вопросом.

— Тут, пожалуй, мы можем свернуть назад в поле.

Но он не заметил заросшей травой канавы, отделявшей дорогу от поля. Зад ее левое колесо машины подало в канаву, правое сделало несколько оборотов в воздухе, и автомобиль полетел над канавой.

— Бог таk история! — рассвирепел репортер, открыв дверцы и высокочив из автомобиля.

Грузовик медленно приближался на расстояние трех метров, но проехать дальше не мог.

— Алло! — крикнул Томми шоферу. — Нет ли у вас
шишил?

Тот покачал головой, улыбнулся и стал медленно сме-
зять с высокого сидения.

— Как вы, собственно, попали сюда со своим огром-
ным грузовиком? В чем дело?

Шофер показал рукой назад, но ничего не ответил.

— Что это за бочки, которыми вы так нагрузились? —
продолжал расспрашивать Томми, но шофер пожал плечами и продолжал молчать. От него ничего нельзя было
добиться. Трое рабочих, сидевшие на бочках, были немы,
как рыбы.

Единственной заботой Томми было вытащить свою ма-
шину из канавы и пустить ее. Шофер извлек шпиль, три его
товарища явились на помощь, и все вместе стали выта-
скивать автомобиль.

Томми использовал этот момент, чтобы ближе позна-
комиться с заинтересовавшим его грузом. Он всунул палец
в открытую втулку одной бочки и осторожно лизнул его
языком.

— Ага! — проворчал он сквозь зубы. — Посмотрите-ка, —
мигнул он Тиллеру. — Хотите получить премию, мистер
Тиллер? Укажите полиции на этих ребят: крупные
алкогольные контрабандисты!

— Пустые бочки ровно ничего не доказывают, Томми, —
сказал редактор, улыбаясь.

Вдруг он подскочил.

— Прислушайтесь-ка Томми! Сышите?

Томми бежал уже вперед. Быстрыми шагами мчался он
к холму, Тиллер — за ним. Рабочие также бросили работу
и усреднили свои взоры на запад.

Внезапно раздался треск, словно от взрыва бомбы,
и опять наступила тишина.

— Постойте, Томми! — кричал Тиллер бегущему ре-
портеру.

— Некогда, — ответил тот. — Тут за холмом спрятан
Ганс Гардт и...

Раздался снова треск, еще сильнее, чем раньше.
Что-то зашипело, зашумело.

— Смотрите! — закричал Томми, и остановился, запыхавшись.

В расстоянии метров 800 на западе показался гигантский самолет, который поднялся над краем холма. Крылья его ярко блестели на солнце.

— Опоздали! — в отчаянии застонал Томми. Он стоял с раскрытым ртом и глядел на самолет, который, делая крутые виражи, быстро уносился на восток, оставляя за собой беловатый след. Самолет становился все меньше и меньше, и скоро исчез из виду.

— Странная машина! — сказал Тиллер, догнав репортера.

— Да, действительно, такой могучий корпус на таких маленьких крыльях...

— Вы слыхали когда-либо, чтобы пропеллер порождал такие ужасные звуки?

— Нет, мистер Тиллер, звуки пароходной сирены пропеллер издавать не в состоянии, и никакой бензиновый мотор не оставляет за собой такого туманного хвоста. Удивительная, сказочная машина...

Самолет казался темной точкой на синем небе. Тиллер и Томми поворачивали головы во все стороны, чтобы следить за полетом этой таинственной машины.

— Не могу себе представить, каким образом эта штука в 90 минут проделала расстояние в десять тысяч километров, — заметил задумчиво Тиллер. — Кажется, она летает не быстрее наших самолетов.

— Тише! — закричал вдруг возбужденный Томми. — Вы видели молнию?

— Тысяча чертей! В чем дело? Эта штука взорвалась!.. Проклятье, мы не захватили биноклей...

Позади самолета блеснула молния, и все кругом окуталось облаком дыма. Через несколько секунд послышались отголоски далеких звуков, которые вскоре замерли.

Самолет исчез. Остались лишь светлые полосы дыма на безоблачном небе, постепенно рассеиваемые ветром.

Некоторое время все молчали, затем Тиллер произнес дрожащим голосом:

— Случилось несчастье, Ганс Гардт погиб...

— Нет, не верю этому, — сухо ответил Томми.

— Но ведь после взрыва машина исчезла! Неужели вы еще видите ее?

— Нет, не вижу ничего, кроме дыма.

— Куда же девался самолет?

— Он, вероятно, сделал дыру в небе и прорвался туда, старина Тиллер.

Заметив, что редактор обиделся и молчит, Томми прибавил:

— Не огорчайтесь, мистер Тиллер. Неужели вы думаете, что машина, которая может сделать 9000 километров в 90 минут, так же проста, как обыкновенная машина? Я полагаю, что подъем, который мы видели, был лишь увертюрой к путешествию. Настоящий полет начался после этого странного взрыва. Как именно — я, к сожалению, не могу себе представить. Быть может, в самом деле помогла какая-то дыра в небе. Эти немцы, просто черти какие-то! Мой покойный отец также эмигрировал в Штаты из Германии; он всегда говорил: немцы обладают идеями, а американцы на них наезжаются.

Во время этой необычной для Томми длинной речи Фред Тиллер не выпускал из глаз автомобиль. Рабочие, паконец, вытащили его из канавы и отодвинули так далеко, что грузовик мог проехать.

Томми, — заметил Тиллер, — эти люди уезжают, не дожидаясь даже нашей благодарности.

— Не беспокойтесь, мистер Тиллер: я заметил номер грузовика — Ф 2001. Эта молчаливая шайка алкогольных контрабандистов имеет, я убежден, какое-то отношение к Гансу Гардту. Ну, я заставлю их говорить. Хотите пари?

ГЛАВА 4

Ф 2001

На обратном пути редактор, пользуясь сообщениями Томми, написал подобный отчет о перелете Ганса Гардта для вечернего выпуска газеты. Подъехав к редакции, он немедленно отправил рукою в наборную. Томми же устремился к телефону.

— Алло! Центральную. Есть? Дайте Büro по заявкам автомобилей... Есть? Добрый день, сэр. Говорит Томми Бигхед из «Вечерней Почты». Будьте добры выяснить, кому принадлежит двадцатитонный грузовик Ф 2001... Да, Ф 2001. Пожалуйста...

Не прошло и полутора минуты, как появился ответ.

— Ф 2001 заявлен экспедиционной конторой «Братья Лангфильдс», на 8-й улице.

— Великолепно, сэр. Благодарю вас.

Томми нашел в книге телефон конторы этой фирмы и позвонил.

— Лангфильдс, — послышался женский голос.

— Доброе утро, мисс. Мне необходим тотчас же тяжелый грузовик, по крайней мере двадцатитонный...

— Очень сожалею, но наш двадцатитонный грузовик сегодня занят. Быть может, вам угодно будет взять две меньшие машины?

— Нет, мне необходим большой грузовик.

— Он уже взят...

— Может быть, вы разрешите мне столкнуться с клиентом? Как его зовут?

— Мистер Гардт.

Томми улыбнулся и сказал таким тоном, словно очень обрадовался полученному сообщению:

— Вот как? Мистер Гардт? Весьма истати, это мой старый знакомый. Он все еще живет в «Метрополе»?

— Нет, сэр, в отеле «Мак Алланс» на Бостонской улице.

— Да, да, совершенно верно. Как я мог спутать! Именно в «Мак Алланс». — Затем он прибавил словно вскользь: — Жаль, я хотел посетить его, но он, к сожалению, уехал в Европу...

— Вы ошибаетесь: мистер Гардт две минуты назад был у нас...

Томми был до того ошарашен этим ответом, что повесил трубку, забыв даже поблагодарить девушку.

«В чем дело? Как это могло случиться? Неужели Гардт здесь?»

Некоторое время Томми не мог притти в себя от охватившего его изумления. Мысли у него спутались, и он с большим трудом пытался разобраться в создавшемся положении.

— Неужели мы ошиблись? — пробормотал он весьма недовольный и вышел на улицу.

Он немедленно поехал на Бостонскую улицу, остановился у отеля «Мак Алланс» и зашел туда.

— Да, да, сэр, — любезно отвечал портье на его вопрос. — Мистер Гардт уже 14 дней живет у нас в комнате № 45, — он посмотрел на доску с ключами. — Кажется, он сейчас дома: ключа от № 45 тут нет.

Томми послал с мальчиком свою визитную карточку мистеру Гардту. Немедленно получился ответ по телефону:

— Мистер Гардт ждет вас в курительной комнате на восьмом этаже, — сказал портье.

Томми с нетерпением поднялся на лифте.

ГЛАВА 5

Тайна Ганса Гардта

— Мистер Томми Бигхед — доложил мальчик и исчез.

Томми очутился перед худым, невысокого роста, неврачным господином. Трудно было определить возраст этого человека. Маленькая выхоленая бородка и скучное, немного морщинистое лицо не соответствовали подвижным, молодым, живым глазам, которые блестели сквозь роговые очки и невольно привлекали к себе внимание.

— Простите, сэр, — сказал Томми с непривычной для него вежливостью. — Вероятно, произошла ошибка. Я хотел видеть мистера Гардта.

— Это я. Чем могу служить?

Томми посмотрел в лицо этому седому человеку, поклонился головой и спросил:

— Вы знаете меня, сер?

— Вы Томми Бигхед из «Вечерней Почты Мичигана», — ответил тот, улыбаясь. — Вы только что прислали мне свою визитную карточку.

— Да, да, но раньше вы видели меня когда-либо?

— Не имел чести встречаться с вами.

— В таком случае, вы не тот Ганс Гардт, которого я ищу.

Старик подозрительно поглядел на Томми.

— Я не Ганс Гардт, — сказал он. — Я Александр Гардт, доктор Александр Гардт. Я немецкий археолог и намерен-

таясь еще сегодня отправиться в Нью-Йорк, а завтра утром — на пароходе в Гамбург. Вы удовлетворены, мистер Бигхед?

— Вот как! — сказал задумчиво Томми, переступая с ноги на ногу. Он долго не решался задать собеседнику вопрос, знает ли он Ганса Гардта, а когда, наконец, набрался храбрости и спросил, то с замиранием сердца ждал холодного — «нет». Он готов был встретить во всеоружии те трудности, которые стали бы перед ним в результате такого ответа. Меньше всего намеревался Томми спасовать перед доктором. Он подготовил уже ряд вопросов, которыми намеревался забросать немца, лишь бы добиться от него истины.

Велико было изумление Томми, когда доктор Гардт спокойно ответил:

— Да, Ганс Гардт мой племянник. Если вы намереваетесь говорить с ним, вы опоздали. Правда, он сегодня был недалеко отсюда, но теперь, — доктор посмотрел на часы, — Ганс, вероятно, уже в Германии. Садитесь, пожалуйста, мистер Бигхед...

Томми сел на предложенный ему стул и беспомощно оглянулся. Теперь, когда он так близок к разрешению мучившей его загадки, как раз случилось то, что он меньше всего мог ожидать.

Томми Бигхед, самый ловкий репортер Мичигана, попытки не имел, о чем спросить дядю Ганса Гардта.

— Мистер Гардт, — замигался он, — если бы вы это сказали кому-нибудь другому, тот наверное вызвал бы немедленно психиатра...

— Очень рад, что вы обо мне лучшего мнения. Если вас кое что интересует, спрашивайте.

Томми охватила непривычная робость перед этим маленьким уравновешенным человеком. Он чувствовал себя очень плохо, когда умные глаза ученого устремлялись на него.

— Ганс Гардт, действительно, прилетел сегодня из Германии в полтора часа? — спросил Томми, все еще продолжая сомневаться.

— Да. Перелет от Фридрихсгейфена на Боденском озере до Детройта продолжался 92 минуты.

— Каким образом смог он в такое невероятно короткое время совершить перелет через Атлантический океан, с востока на запад, перелет, который представляет такие огромные трудности для всех других летчиков? Неужели Ганс Гардт так всемогущ, что в состоянии остановить морские бури?

— Конечно, нет. Но он избрал путь, где нет никаких бурь и ветров.

— Никак не могу себе представить, где мог он найти такой путь!

Доктор Гардт задумался, а затем сказал:

— Разве вы не знаете, мистер Бигхед, что на высоте около 15 тысяч метров и выше нет никаких ветров?

— Вот как, — отозвался Томми, — значит, Ганс Гардт добился небывалого до сих пор рекорда высоты?

Ученый удивился.

— Да, но и на высоте 15 километров нельзя покрыть 100 километров в течение 90 минут. Ни одна машина мира не могла бы преодолеть сопротивления воздуха, которое при такой быстроте неизмеримо увеличивается. Нет, Ганс Гардт должен был забраться значительно выше, да, значительно выше. Я думаю, он временами летел на высоте 800 километров над земной поверхностью.

На лице репортера было написано беспредельное изумление.

— Но, мистер Гардт, — воскликнул он наконец, — вы фантазируете! Ведь на такой высоте нет воздуха, да и вообще...

— Совершенно верно, мистер Бигхед; путь лежал внон воздушной оболочки Земли в пустоту, нес противляющееся пространство. В этом-то и заключается весь секрет неслыханной быстроты перелета.

В комнате воцарилась тишина. Томми задыхался, словно проглотил слишком большой кусок, застрявший у него в горлании.

— Должен признаться, сэр, — сказал он наконец, — что я начинаю сомневаться в своем здравом уме. Я прекрасно понимаю, что в безвоздушном пространстве можно развить большую скорость, чем в атмосфере, где всякое

движение встречает противодействие. Но каким образом самолет может вообще держаться в пустом пространстве? Насколько мне известно, полеты возможны именно потому, что машины своими крыльями опираются о воздух. Я готов вынить всю воду из озера Эри, если самолет, очутившись в безвоздушном пространстве или обломав свои крылья, не рухнет тотчас же вниз.

Бигхед говорил с большим пылом. Доктор Гардт молча встал со своего места, взял туго набитую подушку, лежавшую на кушетке, и отошел с нею в дальний угол комнаты.

— Внимание, сэр. Ловите! Гон-ла!.. — И размахнувшись, он бросил репортеру подушку.

Томми не оказался достаточно ловким, чтобы поймать подушку, и она угодила ему в голову.

— Позвольте, сэр, — закричал он. — Что за шутки?

— Я хотел показать вам, что предмет и без крыльев может летать, — ответил ученый, усаживаясь опять против Томми. — Неужели вы думаете, что эта подушка нуждается в воздухе для перелета от моей руки до вашей головы?

— Нет, — сказал пораженный Томми.

— Тогда возьмите обратно свое обещание осушить озеро...

— Гм, — пробормотал репортер, теребя воротник своей рубашки, словно ему стало в неё тесно:

— Начинаю понимать... Ганс Гардт вовсе не летел через океан, он был каким-то образом переброшен по дуге из Германии к нам. Так, что ли?

При этом он внимательно следил за лицом своего собеседника, а когда тот кивнул в знак согласия, Томми вскочил:

— Но здесь ставьте точку, сэр, — воскликнул он с репортерской развязанностью. — Если я завтра утром напечатаю, что нашелся человек, который добровольно был выстрелен из большой пушки через Атлантический океан, меня немедленно подвергнут линчеванию, и к обеду я буду мертв!

— Вы и не должны рассказывать таких басен вашим читателям, мистер Бигхед.

Томми похолодел.

— Значит, вы смеялись надо мной, сэр? Имейте в виду, что я хороший боксер.

— В чём дело? Ведь эта гигантская пушка, сознайтесь, собственная ваша выдумка. Разве я говорил о пушке?

— Нет, но, быть может, вы хотели меня олурачить?

Доктор Гардт задумался на минуту, а потом сказал топом, совсем отличным от того, с которым он до сих пор вёл беседу:

— Одно из двух: или бросьте ваши глупые шутки, или же вам придется отказаться от моего общества...

Томми тихо сказал:

— Простите, мистер Гардт, но я должен сознаться, что слова ваши выше моего понимания.

— Вам надо только немного вдуматься. Если бы мой племянник согласился, чтобы им выстрелили из гигантской пушки, он упал бы замертво, и вы не имели бы удовольствия пить сегодня мюнхенское пиво, которым он угостил вас.

— Вы знаете об этом?

— Племянник рассказал мне о своей встрече с вами. Вы, вероятно, никак не могли понять, на что понадобилась ему ваша квитанция с точным обозначением времени. Теперь вы поймете, что ему необходимо было письменное удостоверение постороннего человека о своем прибытии в Америку, чтобы указать в Германии продолжительность перелета. Простая случайность, что именно вы оказались этим лицом.

Томми опять рассмеялся.

— Надеюсь, он не очень обиделся за то, что я его принял за беглеца из сумасшедшего дома!

— Неужели в Америке принято все то, что непонятно, ссыпывать непременно с сумасшедшим домом и психиатрами?

— Дело не столько в нас, сколько в грандиозности вашего предприятия, сэр, — заметил Томми. — Но будьте добры, продолжайте рассказ. Какая сверх-естественная сила перебросила Ганса Гардта на 9 000 километров за такой срок, не превратив его в кисель?

— Эта сверх-естественная сила называется спиртом. Да, сэр, — прибавил он быстро, заметив недоверчивое вы-

ражение на лице Томми. — К сожалению, я сейчас ничего больше не могу прибавить; для первого раза хватит. Не сомневаюсь, что тираж вашей газеты увонится, как только появится в ней статья о полете Ганса Гардта.

— Жаль, что вы не можете мне сказать, какую роль при этом играл спирт; это было бы особенно интересно в Америке. Боюсь, что мне никто не поверит, и доброе имя Томми Бигхеда пострадает напрасно.

— Вам должны будут поверить, сэр. У вас в руках вещественное доказательство. Разве вы не обратили внимания на газету, в которой была завернута бутылка мюнхенского пива?

— Совершенно верно, сегодняшний номер мюнхенской газеты все подтверждает. Вы правы, сэр. Никто не посмеет усомниться в этом факте.

— Очень рад, что вы обратили внимание на газету. Племянник не мог указать вам на это обстоятельство, иначе вы бросились бы за ним, а этого он хотел избежать во что бы то ни стало. Никто, кроме некоторых посвященных, не должен был видеть машину.

Томми промолчал о том, что он хотя мельком, но все же заметил машину.

— Каким образом такое предприятие могло быть подготовлено и осуществлено в строжайшем секрете от всего мира?

— Очень просто: те, кто знали, не болтали о нем, — сказал доктор улыбаясь.

— В Америке это было бы совершенно невозможно, — честно сердечно признался Томми. — Но почему же я удостоился чести получить от вас так много сведений о предприятии? Ведь вы даже не взяли от меня никаких обещаний молчать...

— Можете говорить и писать, сколько вашей душе угодно. Первый опыт моего племянника блестяще удался; он оставил теперь Америку, и нет оснований продолжать секретничать. Наоборот! Мы теперь заинтересованы в том, чтобы успех моего племянника стал известен всему миру. Нам необходимо собрать крупные средства для постройки новой, более совершенной машины. Предприятие, кото-

рым племянник мой намеревается теперь заняться, потребует сотен тысяч марок, а те средства, которые находились до сих пор в нашем распоряжении, почти исчерпаны. Томми задумался. Повидимому, у него возникла блестящая идея и, словно наэлектризованный, он наклонился к собеседнику:

— Вам нужны деньги, мистер Гардт?

Тот утвердительно кивнул головой.

— Сколько?

— Минимум миллион марок.

— Я доставлю вам 200 000 долларов¹ — сказал Томми решительно.

— У кого?

— В тресте, которому принадлежит «Вечерняя Почта Мичигана». Вы получите деньги, распоряжайтесь ими, как вам угодно; никаких отчетов от вас не потребуют.

— Но ведь какие-либо условия будут при этом выставлены? Никто ведь не дарит миллиона, а всего менее американцы.

— Само собой, мистер Гардт, но наши условия не будут вам в тягость.

— А именно? — спросил Гардт, видимо заинтересовавшийся предложением Томми.

— Вы продолжаете сохранять ваше предприятие в том же секрете, как и раньше. Вы не будете сообщать газетам никаких сведений, не дадите никому никаких интервью. Немедленно проteleграфируйте племяннику в Германию, чтобы он молчал до тех пор, пока вы не поговорите с ним сами. Я полагаю, что до получения вашей телеграммы, в газеты ничего не проникнет.

— И все? За это вы дадите такую огромную сумму?

— Нет, сэр, еще одна мелочь, — Томми многозначительно подмигнул. — Ваш племянник будет работать в полнейшем секрете, и одноко, газеты всего мира будут писать о его деле. Откуда они будут черпать свои информации? Из единственного источника, от единственного корреспондента, уполномоченного самим Гардтом, и этим корреспондентом

¹ Свыше 800 000 марок.

будет Томми Бигхед, — продолжал Томми торжественно. — А он уж заставит всех оплачивать свои отчеты так, что вернет все свои деньги, да еще и с процентами. Идет?

— Ваше предложение кажется мне приемлемым, мистер Бигхед, — сказал он задумчиво. — Но я не могу ничего решить без согласия моего племянника.

— Ладно, тогда отложите свой отъезд до завтра и пошлите сейчас радио-телеграмму племяннику. Я отправлю ее, как газетную телеграмму, это ускорит дело. Через пять часов вы получите ответ. А я пока поговорю со своим шефом, мистером Тиллером, чтобы он гарантировал вам эту сумму. Если Ганс Гардт примет предложение, мы завтра едем в Германию вместе. О.д.л. райт?

Доктор Гардт был ошарашен той быстротой, с которой действовал этот американец. Но предложение привлекало его, и он дал свое согласие.

— Еще одно, мистер Гардт, — сказал Томми, вставая и прощаясь. — Не посвятите ли вы меня пока в цели и задачи ближайшего предприятия вашего племянника? Полет в Австралию?

— Дальше, сэр, гораздо дальше...

— А, понимаю, — воскликнул живо Томми. — Полет вокруг земного шара? Великолепная затея!

Гардт покачал головой и улыбнулся:

— Дальше, еще дальше, — повторил он.

— Еще дальше? — изумился Томми. — Дальше как будто некуда.

Немец подошел близко к репортеру, так близко, что чуть не прикоснулся к нему и посмотрел серьезно ему в глаза.

— Вы первый ч. жой человек, мистер Бигхед, который узнает это. Прыжок через океан был лишь опытом, маленькой предварительной пробой, такой же жалкой пробой, как тот прыжок, которым братья Райт, тридцать лет назад, начали свои полеты.

— А истинная цель? — спросил Томми.

— Полет во вселенную. Ганс Гардт желает быть первым человеком, который покинет земной шар!

ГЛАВА 6

Андерль

В тот самый момент, когда Томми Бигхед, нагруженный сенсационными новостями, катил в ранний полуденный час в редакцию, по другую сторону Атлантического океана уже смеркалось; серые сумерки медленно подвигались на широкую волнующуюся поверхность Боденского озера.

Высокие горные вершины на юге пылали в последних лучах заходящего солнца. Лучи кое-где еще боролись с тенями свинцово-серого неба, а Венера, яркая вечерняя звезда, уже сияла над лесистыми холмами западного берега озера.

Ветер, волновавший днем водную поверхность, теперь затих; последние замирающие волны тихо катились к берегу.

На авиазаводе, расположенному к северу от Фридрихс-графена, также все успокоилось. Лишь на пловучей верфи можно было заметить несколько человек, возившихся у большого прожектора.

Далеко на море тихо качалась моторная лодка, которая казалась чуть заметной темной точкой. Якори были спущены, и замирающие волны мягко касались корпуса лодки.

Механик у руля посмотрел на часы и озабоченно сказал.

— Неужели с ним что-нибудь случилось? Девятый час...

— Молчи, — ответил ему другой, по имени Андерль. — Ра весь уши и слушай внимательно.

Андерль говорил на народном баварском наречии, и речь его была так же груба, как и то кожаные брюки, которые он носил уже не первый год. Никто, однако, не обижался на его грубоватость. Прежде всего, Андерль умел придавать своим грубым выражениям такой милый, простосердечный юмор, что любители посмеяться всегда были на его стороне. Кроме того, было не безопасно связываться с этим могучим, здоровенным медведем. Тому, кто испробовал его кулаки — не поздоровилось. В итоге все относились к Андерлю с известным уважением.

Три года назад, когда Андерль приехал сюда из Баварии и поступил на верфь в качестве механика, он был лишь одним из многих. Ничем не выделялся он из общей массы механиков и никто не обращал на механика Альдреаса Линдпойнтера особого внимания. Но вскоре все изменилось.

Прежде всего на него обратили внимание, когда он упорно отказался переменить свой обычный вид и надеть синий костюм механика. Казалось, кожаные брюки прислали к нему.

Андерлю трудно было привыкнуть обращаться к кому бы то ни было на «вы». Часто он «тыкал» старшего мастера и инженера. Однажды, когда главный конструктор верфи, Ганс Гардт, вызвал его, чтобы поручить сделать бензиновый насос особо трудной конструкции, Андерль был так восхищен проектом, что забыл о всех формах чинопочтания и сказал:

— Будет сделано. На Андерля можешь смело положиться!..

Шеф только улыбнулся, но с тех пор новичок получил прозвище «Андерль», совершенно вытеснившее его настоящее имя.

Гардт скоро понял, что этот грубоватый, искренний, неотесанный парень, способнее иных инженеров, и привлек его к секретным работам своей опытной мастерской. Тут-то и оказалось, что Андерль умеет не только прекрасно работать, но и молчать, как мертвый глухонемой.

Понемногу он стал самым доверенным лицом у главного конструктора Ганса Гардта. Отсюда и пошла слава Андерля.

По неизвестной причине произошел однажды взрыв в мастерской. В несколько секунд все здание было охвачено пламенем. Андерль и два его товарища успели спастись, но Ганс Гардт исчез. Как разъяренный бык, бросился Андерль в огонь.

— Гардт торчит в аккумуляторном, — зарычал он, бросился бежать и с такой силой вышиб дверь, что щипки разлетелись во все стороны. Гардт, оглушенный дымом и газами, выделявшимися из аккумуляторов, лежал без сознания у батареи.

Андерль схватил этого крупного человека и взвалил его на плечи с такой легкостью и проворством, словно это была кукла. Он поехал с ношей через пылающие балки и рушащиеся стены на двор. Одежда на них горела, но Андерль ни на что не обращал внимания. С Гардтом на спине пустился он бегом к озеру и вместе с живой ношей бросился в воду.

Гардт много дней был между жизнью и смертью. Андерль также получил сильные ожоги, но он согласился только на перевязки и ни на минуту не отходил от постели своего больного начальника. Когда Гардт пришел в себя и узнал, кто его спас от смерти, он схватил обеими руками руку Андерля и сказал ему:

— Никогда я этого не забуду, Андерль, так и знай.

Гигант Андерль плакал от радости, что главный конструктор обратился к нему на «ты».

С тех пор Андерль стал тенью Гардта и незаменимым его помощником. Ассистент, искусный механик, доверенный друг — все соединилось в Андерле. Он был единственным человеком в мире, который был точно осведомлен о грандиозных тайцах и замыслах Ганса Гардта.

ГЛАВА 7.

Прыжок через океан

Два человека, очутившиеся вечером на моторной лодке, внимательно прислушивались. Где-то шумел пароход, сигнализировали моторные лодки; с берега доносились звуки мчащегося курьерского поезда.

Андерль обратился к товарищу:

— Ты что-нибудь слышишь?

Тот отрицательно покачал головой.

— А мне показалось, что... Вот я снова слышу...

Откуда-то издалека доносились глухие, слегка смычные звуки, словно по ту сторону гор начинала разыгрываться гроза. Шум продолжался всего секунды три, затем все опять замерло.

— Звуки мне знакомы, — сказал Андерль, и его широкое лицо засияло от радости. — Это он! Он уже проник в атмосферу, иначе мы не услышали бы этих взрывов. Скоро он будет здесь.

Прошло еще пять минут. Звуки не повторялись.

— Ты ошибся, Андерль, — заметил моторист.

— Чепуха! Посмотри-ка...

Высоко на небе засверкала слабая звездочка, погасла и опять замерла.

— Знаки Морзе. Неужели ты думаешь, что ангелы на небе знают азбуку Морзе? Это — Гардт. Дай ход, иначе опоздаем.

Мотор заработал, и нос лодки, пенясь, стремительно прорезал водную поверхность.

В верфи начали действовать прожекторы; лучи их, точно светящиеся пальцы, нашупывали темневшее небо. Самолет ярко осветился, попав в поле действия прожектора.

— Еще не скоро он появится здесь, — крикнул инженер, управлявший прожекторами.

— да, — согласился Аnderль, — ему надо еще изрядно полетать.

Точка на небе描画了 four large circles over the lake, and at each circle descended lower and lower, and then flew away far to the north, and for a short time disappeared.

— Машина должна еще побороться с противодействием воздуха, — сказал Аnderль.

Когда машина вновь показалась, она находилась на расстоянии около 200 метров над землей. С шумом метнулась она вниз. Целый фонтан вспенился, когда самолет коснулся поверхности воды. Противодействие воды быстро поглотило скорость машины, и она, наконец, остановилась.

Гигантская металлическая птица, словно призрак, скользила в ярких лучах прожекторов.

К таинственной машине прежде всего приблизилась лодка Аnderля.

Точно крыша, распостерлись над Аnderлем и над его лодкой крылья летательного аппарата.

Быстро взобрался Аnderль по лестнице на гладкий корпус машины и через круглое, сильно-увеличительное стекло окошка заглянул внутрь герметически закрытой маленькой кабинки капитана.

При свете электрической лампочки сидел тот, в котором едва можно было узнати Ганса Гардта из-за толстого кожаного шлема, покрывавшего его голову.

Аnderль, прекрасно знакомый с конструкцией машины, повернул клапан. Со свистом устремился воздух из кабинки, пока внешнее и внутреннее давления не выравнялись. Изнутри открылся люк.

— Привет, г-н Гардт, — воскликнул восхищенный Аnderль, махнув своей зеленой шляпой.

— Здравствуй, Айдерль, — последовал дружеский ответ
— Все благополучно?
— Да, Айдерль, вполне.

Айдерль даже крякнул от удовольствия — и этим разговор кончился.

Моторная лодка увлекла машину на пристань; там она была установлена при помощи крепких цепей и якоря. Только после этого Гардт спустился на пловучий мост.

Перелет через океан удался.

Очень маленькая группа людей собралась сюда поздравить счастливого летчика с благополучным возвращением. Правда, было известно многим, что Гардт совершил полет в Америку, но за исключением лишь некоторых посвященных, никому и в голову не приходило, что он вернется обратно в тот же день.

Прибытие больших летательных машин в верфь было обычным явлением; никто поэтому не заинтересовался и теперьшим прилетом.

Таким образом, перелет через океан Ганса Гардта начался и закончился без всякого шума, без приемов представителей печати и без торжественных речей.

Летчику это было только приятно. Он провел чрезвычайно трудный и напряженный день, и страшно устал. Теперь он ограничился только тем, что подоровался с инженерами и в сопровождении коммерческого директора верфи, Кампенкеля, поехал домой.

Айдерль уселился возле шофера. Он был так горд, словно сам совершил этот удачный перелет в Америку.

— Итак, ты, действительно, были сегодня днем в Америке? — захотел еще раз удостовериться иректор, который никак не мог освоиться с совершившимся фактом.

— Конечно! Ровно в 12 часов 7 минут по американскому времени я подарил там одному американскому журналисту бутылку пива. Бедняга! На одной строка не сможет он написать о моем предприятии.

Кампенкель крепко пожал руку инженера и взволнованiem, дрожащим голосом сказал:

— Простите, я до сих пор сомневался в успехе вашего дела. Такой старый человек, как я, не в состоянии так



легко понять все новое. Вам удалось блестяще доказать, что ракета с жидким горючим действительно в состоянии сделать все то, на что вы раньше считывали. Теперь я не сомневаюсь, что вам удастся преодолеть и силу земной тяжести. К сожалению, я этого не могу объять. При мысли о том, что человеку удастся покинуть Землю, у меня начинает кружиться голова.

— Моя поездка прошла не совсем так, как я предполагал, — заметил Гардт. — Правда, в начале все шло хорошо. Высоты 4000 метров я достиг очень просто, словно на обычной машине. Только после этого решился я сделать первый бросок. В продолжении 120 секунд полным ходом работали все дюзы ¹. Благодаря реакции вытекающего газа, скорость нарастала на 30 метров в секунду и, таким образом, в течение этих двух минут я достиг скорости в 3600 метров в секунду. Когда взрывной аппарат был остановлен, моя машина продолжала лететь, словно брошенный камень. По истечении 30 минут я опять коснулся верхних воздушных слоев, проделав свыше 5000 километров. При втором броске выходные дюзы действовали только на половину. Пролет оказался соответственно короче, и мне пришлось в третий раз пустить взрывной механизм, чтобы достичь американского берега.

— Чем объясняете вы это ослабление?

— Причина, вероятно, в охлаждении труб во время свободного полета через безвоздушное пространство. Вспомните, что я большей частью находился вне атмосферы, в холодном мировом пространстве. В дальнейших конструкциях необходимо будет принять меры для предварительного нагрева дюз.

— В мировом пространстве! — повторил директор задумчиво. — Но рассказывайте дальше... Спуск?

— О, это прошло вполне благополучно. Я стал спускаться вниз, и воздух при этом действовал, как тормоз, но все же не оказывал чрезмерно сильного противодействия, иначе мой аппарат воспламенился бы. Когда я довел воздушным торможением скорость до 100 метров

¹ Трубы ракетного аппарата.

в секунду, я мог уже спускаться, как на обычной машине. Небольшое, уединенно расположенное озеро к югу от Детройта, которое разыскал доктор Гардт, оказалось чрезвычайно удачным местом для спуска и старта. — Но в виду того, что мне пришлось сделать, вместо предположенных двух прыжков — три, запасы горючего оказались исчерпанными. Не позабываясь мой дядя, который ради этого задержался в Детройте, о доставке необходимого горючего, я знал бы там крепко. Не легко ему было, вероятно, достать такое большое количество спирта в «сухой» Америке!

Инженер замолчал.

— А обратный перелет?

— Тут у меня было маленькое приключение. К американскому алкоголю, повидимому, кое-что подмешивают, что значительно уменьшает его горючесть. Я хотел развить максимальное ускорение, чтобы возможно раньше приобрести необходимую скорость для броска. А тут-то — Гардт странно улыбнулся — получалась слишком сильная для меня искусственная тяжесть. У меня едва хватило силы пустить в дело дюзы для свободного полета. Некоторое время, повидимому, я находился в бессознательном состоянии. Правда, пока я летел свободным броском, это не представляло особенной опасности. Но если бы я не пришел во-время в себя, машина моя попав в атмосферу безусловно сгорела бы.

— Какой ужас! — воскликнул директор. — Вообще было слишком рискованно пускаться в первый полет одному. Это ведь игра со смертью. Но вас никак нельзя было удержать.

— Иначе было невозможно... Вы ведь знаете, что для постройки машины на двоих у нас не было средств. Никто не хочет давать денег, не убедившись раньше в осуществимости проектов. Будем надеяться, что, может быть, теперь нам удастся получить государственную субсидию.

— Гм, несмотря на ваш блестящий успех, это вряд ли легко осуществить, — сказал задумчиво директор. — Достать деньги в обнищавшей Германии на дело, которое не может

тотчас же приносить доходов, — об этом не может быть и речи.

— Да, к сожалению, вы правы, — сказал Гардт. — Вряд ли удастся добыть что-нибудь для предстоящего путешествия на Луну.

Автомобиль остановился перед виллой Гардта. Андерль раскрыл дверцы.

— Андерль, — сказал Гардт выходя, — если у нас будут деньги, мы совершим следующее путешествие вместе.

Андерль улыбнулся, обнажив свои прекрасные зубы.

— Не прика ето ли взломать кассу Госбанка?

Гард улыбнулся:

— Ты, пожалуй, и с этим бы справился. — Что там у тебя?

Андерль подал инженеру бумажку.

— Телеграмма! Пришла незадолго до вашего прибытия. Так как она из Америки от дяди, то я решил, что в ней наверное кое-что важное. Оттого я и захватил ее с собой.

— Томми Бигхед? — сказал Гардт, читая телеграмму. Он вспомнил сцену с бутылкой пива и улыбнулся. — Прочтите, пожалуйста, г. Камагенкель. Нам предлагают миллионы. Я полагаю, это дело рук добрейшего дядюшки Алекса.

Инженер похлопал Андерля по плечу:

— Не придется тебе, видно, взламывать кассы Госбанка... Обойдемся и без этого.

ГЛАВА 8

Проект

В ближайшее же дни на восточном берегу Боденского озера началась лихорадочная работа. Ганс Гардт принял за постройку своего большого аппарата немедленно, не дожидаясь приезда американцев.

Он сразу же телеграфировал о своем согласии на предложение Томми Бигхеда. Это предложение, разрешившее ленский вопрос, имело то преимущество, что Гардт мог продолжать работы самостоятельно, не отдавая никому отчета.

У Кампенкеля были кое-какие сомнения по поводу этого американского способа финансирования, но Гардт заметил ему, улыбаясь:

— Пусть этот репортер пишет все, что ему угодно. Что не подлежит опубликованию, того я ему все равно не скажу. Кроме того, я даже рад, что при мне будет человек, который избавит меня от возни с газетчиками.

Постройка началась. Прежде всего была приобретена для верфи свободная полоса земли у озера.

Хо мы к востоку от озера представляли собой естественный грунт дороги для старта. В долинах между холмов были установлены мостовые быки, неровности были снесены, и через образовавшиеся таким образом искусственные и естественные опорные пункты были переброшены крепкие железные рельсы.

Мало-по-малу вырос прямой рельсовый путь шириной в 12 метров и длиной почти в 2 километра, тянувшийся от будущей площадки для старта несколько сот метров горизонтально. Незаметно поднимаясь все выше и выше, он заканчивался на самом высоком пункте холмов, образуя место, удобное для броска.

Гардт проводил ежедневно целые часы на постройке, наблюдал за работой, производил испытания крепости фундамента, а в лаборатории делал исследования качества строительных материалов. В то же время в различных мастерских верфи изготавливались отдельные части аппарата. Работы были в полном ходу, когда приехал представитель печати, Томми Бигхед.

Гардт был до того занят своими работами, что даже забыл послать на вокзал встречать своего дядю и иностранного гостя. Он был занят испытаниями действия температуры на металла берилий, из которого изготавливалась посовая часть аппарата, когда перед лабораторией остановился автомобиль.

— Посмотри-ка, Андерль, кто там, — сказал он своему ассистенту, не отрываясь от работы.

— Впустить или вышвырнуть?

— Да узнай раньше, кто там.

Большими шагами пошел Андерль навстречу прибывшим. Его лицо расплылось в радостную улыбку, когда он увидел маленького худощавого человека, из карманов которого торчали курительные трубки: Андерль узнал доктора Александра Гардта.

— Здраво, доктор, — крикнул он. — Пожалуйста, входите...

— Ба, Андерль! Как дела? — приветствовал его доктор.

— Спасибо, ве иколепно! Стои! — крикнул он вдруг, заметив, что и Бигхед собирается войти. — Этот парень должен остаться здесь. Чужому не место в лаборатории.

Томми Бигхед вынул свою неизменную бразильскую сигару изо рта, бросил на Андерля уничтожающий взгляд и сказал:

— Что за странный тип? В Америке держали бы взаперти шутов в таком костюме.

Эти слова задели чувствительное место Андерля.

— Что ты сказал? — рассвирепел он. — В таком костюме! Ты, верно, не видал никогда кожаного костюма? Ах ты, чортова кукла!..

Томми беспомощно посмотрел на своего спутника.

— На каком языке говорит этот человек? Я ничего не понимаю.

К счастью, во время появился Ганс Гардт, и Андерль лишился возможности преподать американцу урок крепкого баварского наречия.

Ему неприятно было видеть, как Ганс Гардт сердечно приветствует этого человека; в плохом настроении он быстро исчез за спиной своего шефа. Позже, когда Андерль был формально представлен американцу, а тот спокойно похлопал баварца по плечу, словно это был забавный, хотя и злой пудель, Андерль, пробормотав: «Проклятый чорт!», повернулся и вышел, не произнося ни слова.

Томми был заинтересован в том, чтобы как можно скорее получить материал для газеты; поэтому он сразу перевел разговор на главную тему, — на строящийся аппарат.

Лаборатория разочаровала репортера. На стенах висели карты и диаграммы, у окна стоял большой рабочий стол, заваленный чертежами; кроме многочисленных проводов, соединенных на одной мраморной доске, и длинного стола с массой проводов, трубок и реторт, ничего не указывало на то, что тут созидаются чудо техники.

— Я много не смогу вам показать, — начал Гардт свои объяснения, — но на основании расчетов и планов вы сами вынесете ясное представление о проекте.

— Пожалуйста, без расчетов, г-н Гардт, — отбоярился репортер. — Ничего я в этом не понимаю, а читатели и вовсе не хотят их знать. Скажите мне прежде всего, при чем тут спирт?

Гардт улыбнулся:

— Знаете ли вы, что такое ракета, мистер Бигхед?

— О, да, я не раз видел их взлет на празднествах.

— Ну, вот, мой аппарат будет ракета, только гигантских размеров, т. е. аппарат, наполненный громадным ко-

личеством высокосортных взрывчатых веществ. В специальном помещении, в особом очаге, эти взрывчатые вещества будут постепенно взрываться. Образующиеся при этом газообразные продукты устремятся через узкие воронкообразные трубы вниз, а под действием обратного давления сама ракета устремится вверх. Так как это движение вызывается исключительно отдачей, то оно совершенно не зависит от окружающего воздуха. Именно в безвоздушном пространстве ракета может развить всю свою силу. Вот, в сущности, и все.

— Великолепно! Это поймет каждый читатель. Но почему до сих пор никто еще не построил такую гигантскую ракету, если это так просто?

— Ничего не поделешь, — улыбнулся Гардт. — Ведь кто-нибудь должен же начать; случайно этим человеком оказался я. Дело все же не так просто. Все дело в горючем, которое должно обладать такой высокой теплопроизводительностью, чтобы скорость вытекающих газов равнялась от четырех до пяти тысяч метров в секунду. Все известные до сих пор сорта пороха далеко недостаточны для этой цели. Не мало пришлось работать, прежде чем удалось мне добиться такой конструкции ракеты, которая дала возможность применить гораздо сильнее действующее жидкое горючее.

— Ага, спирт!

— Да, спирт. Высокосортный спирт в соединении с веществом, содержащим кислород и дающим необходимое для горения количество кислорода, значительно превосходит по химической энергии нитро-целлюлозный порох. Но еще сильнее действует сжиженный водород, горящий с кислородом. Этим ценным горючим и будут заполнены наши баки на ракете.

— С помощью ракет вы и совершили свой полет через океан?

— Конечно! В обыкновенном аэроплане я поставил, в виде опыта, вместо моторов и пропеллеров ряд ракетных труб, благодаря которым я и мог развить скорость от трех до четырех тысяч метров в секунду, — конечно, в безвоздушном пространстве. В воздухе такая скорость

совершенно немыслима. Она неприменима при обычных полётах на небольшие расстояния. При небольшой скорости расход энергии относительно слишком велик и перекомичен. Для больших же скоростей, при которых только ракетный мотор и может работать с пользой, наша Земля... — Гардт на момент остановился и, устремив на репортера улыбающиеся глаза, прибавил: — наша Земля слишком мала...

— То есть, как это мала? Было бы великолепно в несколько минут проехать из Нью-Йорка в Капштадт.

— Этого, к сожалению, никогда не удастся осуществить. Как вам объяснить? Представьте себе, что на высокой горе стоит гигантская пушка, которая извергает горизонтально гранату. Эта граната, под влиянием силы притяжения земли, вромчится по кривой линии на землю. Если выпустить гранату с большей силой, сообщить ей большую скорость, она пролетит по кривой значительно дальше. Вы понимаете меня?

— Великолепно!.. Чем бльше начальная скорость, тем большая дальность полета гранаты.

— Совершенно правильно! Но это увеличение имеет вполне определенную границу. Если начальная скорость равна 8 000 метров в секунду, дальность полета должна быть так велика, что ракета должна обойти кругом всего земного шара... Граната уже не упадет на землю, но будет кружиться вокруг Земли, как маленький спутник. Если же скорость выстрела будет еще больше, дойдет до 11 000 метров в секунду, то Земля вообще не сможет удержать эту гранату. Снаряд удалится в мировое пространство, олишет ветвь параболы и уже не вернется обратно. Понимаете ли вы теперь, почему такая большая скорость не может быть использована для передвижения в пределах земного шара?

— Это очень жаль, — сказал Томми. — Итак, каждый предмет может стать небесным кораблем, если он каким-нибудь образом приобретет скорость 11 километров в секунду?

— Вы меня очень хорошо поняли, мистер Бигхед. Все дело в том, чтобы добиться этой космической скорости,

и притом не сразу, как при выстреле, но постепенно, чтобы люди могли выдержать искусственную тяжесть. Эту задачу может разрешить лишь ракета. Ее дюзы должны работать до тех пор, пока надлежащим темпом не будет достигнута нужная скорость. Ракета тогда сделает свое дело, и небесный корабль будет продолжать двигаться без затраты энергии по своему космическому пути сам собой, как пушечное ядро.

— И вы надеетесь добиться необходимой скорости 11 километров в секунду?

— Безусловно! При пробном полете через океан мой сверх-аэроплан, питаемый спиртом, развил почти 4 000 метров в секунду. Благодаря усовершенствованием я на второй машине разовью скорость 5 000 метров и...

— Но ведь этого недостаточно?

— Сейчас строящийся аппарат также не предназначается к полету в мировое пространство. Для этой цели он не приспособлен. Крылья были бы лишь бесполезным балластом в пустом пространстве, а спирт, который благодаря своей тяжеловесности¹ вполне пригоден для того, чтобы пробить воздушную броню, оказался бы там чересчур слабым. Этот новый ракетоплан должен служить лишь вспомогательной машиной при старте настоящего «небесного корабля». Как только будет достигнута максимальная скорость в 5 000 метров, ракета отделяется от аэроплана и, так как ей уже не нужно преодолевать сопротивление воздуха, она легко сможет самостоятельным взрыванием увеличить свою скорость еще на 6 000 метров. И пока вспомогательный аппарат с пустыми баками спустится на землю, гладкая, бескрылая ракета, наполненная взрывчатым веществом, вынесет пассажиров далеко за пределы земного шара. Итак, из сложной стартовавшей машины выделится лишь одна небольшая часть — звездолет, — которая достигнет Луны, а при возвращении на Землю будет иметь лишь 60-ю часть веса первоначальной сложной машины. Таким образом, на каждый

¹ По сравнению с жидким водородом, который вдвадцать легче спирта.

килограмм полезного груза будет приходиться такая огромная масса горючего, что трудный вопрос о преодолении земного притяжения отпадает.

Томми Бигхед с большим трудом мог следить за мыслями своего собеседника. Он думал лишь о том, как из всего этого сделать интересную статью для газеты.

В разговор вмешался доктор Александр Гардт:

— По правде говоря, тут кое-что для меня неясно, — сказал он, затянувшись из своей трубки. — Каким образом сможет человек жить в таком звездолете, если будет лишен всех необходимых для существования условий; воздуха, атмосферного давления, тепла, даже веса своих собственных членов?

— Это как раз легко преодолимые трудности, дядя Алекс; я просто захвачу с собой кусок земной обстановки и все, что необходимо для жизни, в том числе табак и твои трубки... Ты спросил бы лучше, как можно будет обследовать Луну.

— Что! — опять вмешался в разговор Томми. — Вы хотите полететь на Луну?

— Не при первом полете... Первая поездка ставит себе исключительно научные цели. Но при второй экспедиции я обязательно попытаюсь высадиться на Луну. Ясно, что пассажиры должны иметь возможность покинуть звездолет.

— Высадится на безвоздушную Луну?

— О, мы покинем звездолет не только при высадке на Луну, но и при свободном полете в пространстве...

Томми решил, что инженер сошел с ума. Но он все же вежливо сказал:

— Не будет ли это утопией?..

Гардт приоткрыл дверь кабину, помещающейся в стене лаборатории. Дверь была обита резиной и снабжена пневматическими затворами.

— Две вещи, — за исключением холода, который легко преодолеть, — делают как будто невозможным для человека пребывать в безвоздушном пространстве, — сказал Гардт. — Это — отсутствие атмосферного давления и воздуха для дыхания. Вот в этой кабине я сейчас при помощи центро-

бесшного насоса так разрежу воздух, что создам условия, господствующие в бархатном пространстве.

Гости с величайшим вниманием следили за движением руки Гардта, который вынул из ящика какой-то сверток и развернул его:

— Вот изобретенный мною костюм из прорезиненной кожи, несколько похожий на костюм водола а; он абсолютно непроницаем для воздуха. Благодаря особым воздушным резервуарам, внутри костюма можно всегда иметь достаточно воздуха, чтобы поддерживать в нем давление одной атмосферы, совершенно независимо от внешних условий. Быть может, кто нибудь из вас согласится надеть этот костюм?

Бигхед внимательно рассматривал материал и шлем, который отличался от костюма, но от предложения Гардта надеть его отказался, предоставив роль опытного кролика Андерлю.

Не говоря ни слова, Андерль облачился в этот фантастический костюм. Гардт надел на его голову тяжелый шлем и плотно привинтил к шлему резервуар с кислородом. Затем Андерль вошел в кабину. Всякий другой на его месте кряхтел бы под тяжестью такого костюма.

Гардт сунул ему в руку горячую свечу и закрыл дверь, через окошко которой можно было наблюдать за всем, что делается внутри. Электрический колокольчик, который Гардт включил перед закрытием двери в кабину, заработал, и звуки его были ясно слышны.

Насос начал работать. Свеча вспыхнула и погасла. Звонок стал звонить все тише и тише, пока его вовсе не стало слышно, хотя язычок продолжал работать. Тогда инженер остановил насос.

— Теперь в кабине, если не считать тяжести и тепла, установились те же условия, что и в мировом пространстве. Несмотря на это, мой ассистент, с которым мы не можем сейчас разговаривать, чувствует себя прекрасно.

Томми заглянул в окошко кабину и расхохотался. Действительно, Андерль представлял собой довольно комическую фигуру. Костюм раздулся и придал фигуре вид резиновой игрушки.

Широкая, круглая фигура разгуливала по кабине, поднимая и опуская руки, полекакивала и вообще вела себя непринужденно. Без сомнения, Андерль чувствовал себя там прекрасно.

Гардт открыл маленький клапан; воздух со свистом устремился в кабину, звонок зазвенел опять, и фантастическая фигура приобрела нормальные формы.

— В таком водолазном костюме,—сказал дядя Алекс, когда Андерль сбросил с себя тяжелый костюм,—можно пожалуй просуществовать в безвоздушном пространстве. Но как представишь ты себе движение человека в пространстве, где не будет силы притяжения и где человек, следовательно, не будет иметь веса?

— Конечно, отсутствие тяжести будет на первых порах действовать на путешественников ошеломляюще. Но это дело привычки. В конце концов ведь безразлично, будут ли пассажиры парить внутри корабля или витать вне его. Отсутствие тяжести неизбежно.

У Томми Бигхеда, долго молчавшего, было теперь такое лицо, словно у него от долгих размышлений разболелась голова. Он был поэтому очень рад, когда дядя Алекс сказал, что разговоров на этот раз хватит.

У него все же один вопрос остался, и когда он пожимал на прощание руку Ганса Гардта, он спросил:

— Скажите, пожалуйста, какие цели преследуете вы в конце-концов вашим изобретением?

— В конце-концов, — повторил Гардт, потягиваясь,— в конце-концов я хочу добиться того, чтобы неисчерпаемые запасы тепловой энергии Солнца служили на пользу человечеству. Далеко в пространстве будут устроены силовые станции, огромные солнечные рефлекторы, которые дадут возможность сконцентрировать в любом пункте земного шара огромную массу энергии. А это, в свою очередь, даст возможность превратить обширные пространства полярных стран в плодородные земли. Человечество не будет больше зависеть от иссякающих запасов угля на Земле и уничтожит в зародыше всякие попытки войны. На Земле возникнет изобилие и благосостояние, и счаст-

ливый род человеческий будет жить свободным и единым.
Вот конечная цель моего изобретения.

Глаза Айдерля засветились гордостью при этих словах шефа. Он состроил американскую гримасу, которая, по-видимому, должна была обозначать: «Как это нравится тебе, идиот?»

Но тот сказал:

— Хорошо, господин Гардт. Все это будет отлично принято «Вечерней Почтой». Бьюсь об заклад, что ровно через час экстренное издание будет красоваться на всех углах Детройта.

Дядя Алекс улыбнулся:

— Вы, очевидно, забыли, мистер Бигхед, что вы сейчас в Европе.

— Ладно. Ну, так через три часа. — ответил он.

ГЛАВА 9

Карусель

Прошли месяцы.

Чрезвычайно суворая, но сухая зима благоприятствовала работам на Боденском озере. В процессе работы Гардт вынужден был притти к весьма неприятному заключению, что он недооценил предстоящие расходы; смета значительно превысила его предположения.

Он телеграфировал Томми в Детройт, и его газетный концерн выразил согласие на увеличение сметы расходов. Ему ничего другого делать не оставалось, ибо если бы предприятие не удалось привести к благополучному концу, то все вложенные Бигхедом капиталы погибли бы безвозвратно.

Ганс Гардт работал без устали. Он получил продолжительный отпуск и мог все свое время отдать постройке аппарата. Благодаря его неутомимой энергии, в конце января дорога для старта и аппарат были готовы.

Когда дело дошло до вопроса об участниках полета, Гардт послал дяде официальное приглашение принять участие в экспедиции.

Приглашение Гардта поставило его дядю — уже не молодого ученого — в весьма затруднительное положение. С одной стороны, его пугала грандиозность предприятия, с другой он — смущался перед неминуемой мировой славой.

Ганс Гардт сумел, однако, рассеять его сомнения.

— Дядя Алекс, — сказал он, — чтобы наша поездка имела научное значение, необходимо участие в ней человека, который знает минералогию и химию. Подумай только: сколько открытий можно будет сделать на древней Луне! Кроме того необходимо, чтобы те немногие люди, которым, быть может, придется целыми неделями пробыть вместе в тесном помещении, по крайней мере, хорошо понимали друг друга, как, например, мы с тобой. Да и твои медицинские знания могут пригодиться.

Противодействие ученого стало ослабевать.

— Ну, что ж, я еду с тобой, — сказал он, — но с условием, что ты в своем замечательном пебесном крейсере не вывесишь плаката «куриль воспрещается».

Третьим пассажиром должен был быть Андерль, на которого Гардт мог всецело положиться.

Для руководства вспомогательной машиной, которая по завершении своих функций, должна была спуститься на Землю, Гардт выбрал двух инженеров, которых он специально подготовил и инструктировал для этой дели.

Последние недели до отъезда промчались быстро, в бешеноей работе. Предварительно надо было испытать пригодность всех участников полета. В полете предстояло встретиться с такими новыми условиями, влияние которых на здоровье человека нельзя было предвидеть. Предположив даже, что невесомость при свободном полете в пространстве не вызовет особых осложнений, все же нельзя было забывать о той опасности, которая была связана с увеличением веса при подъеме.

Чтобы действовать наверняка, Гардт соорудил испытательный аппарат, который имел форму карусели. Аппарат должен был увлекать кандидатов в быстрое круговое движение, центробежная сила увеличивала вес пассажиров, и имелась возможность изучать действие этой усиленной тяжести на испытуемых.

Гардт надеялся таким образом исчерпать вопрос об участниках полета, но при этом он совершенно упустил из виду Томми Бигхеда, который непременно желал принять участие в полете.

— Об этом не может быть и речи, мистер Бигхед,— заявил Гардт американцу, крайне возмущенному тем, что его не приглашают принять участие в полете.— Ракета построена для трех человек, которые и полетят.

— Тогда этот Андерль должен остатся,—упрямо настаивал Бигхед.

— Но вы ведь не обладаете опытом и знаниями Андерля, которого хотите заменить. Каждый участник полета должен быть готов в любую минуту заменить меня в управлении аппаратом. Мы можем очутиться в таком положении, когда малейшая ошибка может грозить всем гибелью.

— Есть. Я стану учиться. Я опытный шофер, не раз управлял аэропланом и вообще умею учиться всему тому, что нужно знать...

— Несколько не сомневаюсь в ваших способностях, но времени осталось мало, чтобы успеть изучить все необходимое и приобрести надлежащий опыт. Через десять дней мы отправляемся. Откажитесь от этой мысли, мистер Бигхед.

— Нет,—твердо заявил Томми.—Я хочу и должен лететь с вами, чтобы иметь возможность давать подробные отчеты. Тогда я смогу покрыть все расходы, которые мы произвели на машину. Вы не можете мне в этом отказать.

Томми выпустил густое облако дыма из своей бразильской сигары. Видно было, что он будет твердо настаивать на своем решении.

Гардт понял, что упорного американца не переубедить словами, и заявил:

— Ладно, если вы физически достаточно крепки и выносливы, я вас возьму вместо Андерля. Но вы должны подвергнуться испытанию.

Томми презрительно улыбнулся. Он не выглядел хиным и слабым.

— Оол райт,—согласился он.—Что я должен делать? Задушить руками быка?

— Вряд ли это потребуется при полете. Посмотрим лучше, как подействует на вас усиленная тяжесть.

Гардт позвал Андерля, который, узнав, о чем идет речь, скрчил с рдитую физиономию. Он, однако, ничего не возразил и ворча пошел за Гардтом.

Испытательный аппарат был выстроен на свободной ровной площадке. Он состоял из крепкого, длиной в 18 метров, железного рычага, который вращался над землей, подобно стрелке циферблата. На обоих концах этой громадной часовой стрелки висели на крепких шарнирах небольшие гондолы. Как только вся система приводилась в движение, гондолы немедленно начинали двигаться по кругу, как в карусели. Чем быстрее вращалась карусель, тем сильнее было действие центробежной силы на сидящих в гондоле. Карусель приводилась в движение электромотором.

Гард распорядился сделать несколько пробных оборотов, а затем предложил американцу занять место в одной из гондол.

— Этот аппарат беспристрастно решит спор между вами и Андерлем. Я буду увеличивать скорость, и кто дольше выдержит усиленную тяжесть, тот предпримет полет на Луну. Согласны?

— Есть! — сказал Томми и сел в гондолу. Предстоящая дуэль казалась ему шуткой.

Андерль, который удобно расположился в противоположной гондоле, крикнул:

— Ничего, господин мистер, если я явлюсь к тебе на похороны в кожаном костюме?..

Томми окинул Андерля презрительным взглядом.

— Как только давление покажется вам слишком сильным, мистер Бигхед, поверните этот рычаг, — показал Гард, — мотор будет выключен.

— Не понадобится, — сказал репортер уверенно, — я не спасую перед этим парнем.

— Но я настоятельно советую вам не затягивать сознания, — предупредил его инженер. — Усиленная тяжесть замедляет сердцебиение. Самый лучший американский журналист не сможет писать статей, если будет мертв.

Томми сделал движение рукой, которое должно было означать: — «Меня не запугаешь!»

— Глубоко дышите, ровно, спокойно, но как можно глубже.

— Начинайте, — скомандовал Томми.

Гардт нажал плечами, отошел, нажал рычаг и медленно пустил карусель в движение.

Андерль затянул веселую песенку, словно находился на народном празднике, и весело подмигнул своему шефу. Томми, лежа на спине в своей гондоле, совершенно не двигался.

Аппарат вращался все быстрее и быстрее. Тахиметр показывал 5, 8, 10 оборотов в минуту.

От большой быстроты вращения гондолы приняли наклонное положение.

При 16-ти оборотах в минуту давление было в два с половиной раза больше напряжения земной тяжести и равнялось давлению в ракете при нормальной работе дюз. Гондолы со свистом прорезывали воздух.

Даже Андерль замолк. На секунду Гардт удержал этот темп, чтобы испытуемые привыкли к давлению. Затем, он опять осторожно нажал рычаг.

Он озабоченно покачал головой, когда и при 20-ти оборотах оба кандидата не прибегли к помощи своих спасательных рычагов. Давление достигло уже границы того, что нормальные здоровые люди способны вынести. Гондолы мчались с быстротой курьерского поезда.

Гардт не решался увеличивать быстроту после того, как аппарат достиг 22-х оборотов в минуту. Он понял, что оба упрямца скорее согласятся погибнуть, чем уступить друг другу. Он выключил мотор. Быстрота вращения стала постепенно уменьшаться, и наконец гондолы остановились.

Никто не двигался. Андерль тяжело дышал, лежа в своей гондоле, но радостно и успокоительно улыбнулся инженеру. У Томми был очень скверный вид. Лицо позеленело, тело судорожно подергивалось. Но он тоже не очень сильно пострадал, и через несколько минут настолько пришел в себя, что с помощью Гардта благополучно вылез из гондолы.

Шатаясь, как пьяный, Томми стоял на широко расставленных ногах и озирался блуждающим взором. У него был безумный вид, словно он еще не совсем пришел в себя и не понимал, что кругом него делается.

Андерль также шатался, но, взглянув на соперника, сразу пришел в себя.

— Ну что, кряхтишь, мой дружок из Америки? — спросил он шутливым, почти ласковым тоном.

Томми долго смотрел на своего противника. Ненемного лицо его ожижилось, и к нему стала возвращаться способность речи.

— Ладно, — сказал он. — Я, значит, победил?

Андерль расхохотался.

— Если ты мог еще терпеть, то почему же ты выключил мотор?

— Стойте, — вмешался Ганс Гардт, — никто из вас не выключал. Испытание кончилось вничью. Вопрос лишь в том, кто лучше перенес давление.

Томми посмотрел на Андерля, у которого был такой свежий, здоровый вид, словно ничего не произошло.

— Протесую, — крикнул он так громко, насколько ему позволили силы. — Тут что-то неправильно.

— Ты что сказал? Мы что, жулики? Кто — Гардт или я?..

С быстротой молнии Андерль схватил руку Томми и так ее прижал, что тот упал на колени. Это произошло столь быстро, что Гардт не успел ничего предпринять.

— Отпусти его, Андерль! — закричал он гневно. — Что это тебе пришло в голову!..

— Кто выносилнее, — спросил рассвирепевший Андерль, — он или я?

Гардт должен был скрыть улыбку. Томми был так беспомощен в громадном кулаке Андерля, что при всем желании нельзя было решить вопроса в пользу американца.

— Мистер Бигхед, — сказал он, когда Андерль выпустил американца, — испытание кончилось вничью, желаете повторить?

Томми застонал.

— Нет, — сказал он, повернулся и ушел.

Так победил Андерль, но Томми стал его ожесточеннейшим врагом.

ГЛАВА 10

Старт

Наконец наступил долгожданный день старта. Ганс Гардт настоятельно просил Томми Бигхеда держать в полной тайне день, назначенный для старта, во избежание каких-либо осложнений. Но все же это стало известно, и утром 8 февраля площадь старта была окружена кино-съемщиками, корреспондентами и просто любопытными, которые прорывались сквозь ограждавшую площадь проволоку, чтобы посмотреть на корабль вблизи. Но стража, поставленная заблаговременно Томми Бигхедом, зорко следила за репортерами и бесцеремонно удаляла всех, кто не за пасся пропуском.

Сам Томми не мог спастись от интервьюеров всех стран и народов; перед его домом стояли длинные очереди любопытных репортеров.

Андерль весь день возился с машиной. Он внимательно осмотрел и испытал отдельные ее части и позаботился о том, чтобы тщательно взвешенный багаж и продовольственные запасы были надлежаще размещены по пассажирским кабинам ракеты.

Контрабандным путем ухитрился он захватить с собой небольшую клетку с желтой жалобно чирикающей канарейкой. Он знал, что Гарт нежно любит эту птицу и в часы досуга охотно прислушивается к ее пению.

Гардт и дядя Алекс провели свой последний день на Земле, катаясь в маленькой лодке по озеру.

Молча смотрели они на покрытые снегом горы и леса и безмолвно прощались не только с горами и лесами своей родины, но и вообще с матерью-землей, с воздухом и теплом, с царством людей.

Что ждет их в ближайшие часы и дни? Успех или гибель?

Суждено ли будет им еще вдыхать воздух Земли, чувствовать под ногами траву полей, запах расцветающей весны,—или же ждет их смерть в мраке и холода страшного одиночества?

Ганс Гардт стянул с себя сентиментальное настроение, которое грозило охватить его в часы прощания с Землей.

— Должно удастся! — прошептал он и взглянул на часы.

Между тем, у старта скопилась огромная толпа. Собравшиеся здесь с часами терпеливо ожидали грядущего события, вытягивали свои шеи, стараясь что-нибудь увидеть, но при всем желании ничего не видели, кроме солидного навеса, под которым скрывался корабль.

Из-под навеса шли рельсы, которые по железнодорожной дамбе поднимались к холму, расположенному на востоке.

Уже смеркалось, когда Ганс Гардт прибыл, наконец, на площадь старта. Вместе с ним в автомобиле сидели доктор Александр Гардт, Томми Бигхед и директор Кампенкель.

У Томми Бигхеда было странное выражение лица. Он все время молчал, изредка улыбался, словно задумав какую-то остроумную выходку. На обращенные к нему вопросы он давал рассеянные и бессвязные ответы.

Тихий шепот пронесся в толпе, когда автомобиль проехал через ограждение.

Андерль, в обычном своем костюме, подошел к Гардту и, вытянувшись перед ним, сказал:

— Готово!

Гардт поблагодарил его и направился к навесу, ярко освещенному прожектором.

Тут находилась мощная машина. Это был огромный, имеющий форму сахарной головы, металлический корпус,

уселенный круглыми оконцами и кончавшийся спереди слегка притупленным носом. На заднем краю, между рулями устойчивости зияло отверстие главной большой трубы.

Ракета лежала между двумя корпусами гигантского сверх-самолета, дюзы которого были смонтированы в оба крыла; эта машина была похожа на ту, на которой Ганс Гардт перелетел Атлантический океан.

Люди казались муравьями в сравнении с этой фантастической воздушной машиной.

По знаку Гардта, раскрылись ворота навеса, и яркие прожекторы прорезали темноту. Управляемая невидимыми силами, машина стала медленно продвигаться вперед и скользнула на поезд, состоящий из маленьких вагонеток на рельсах.

Как только поезд показался из-под навеса, раздались оглушительные крики толпы — «ура!»..

Машина остановилась: в круглых окошечках ракеты показался свет, крышки люков застучали, веревочные лестницы были спущены вниз.

Толпа сохраняла гробовую тишину.

Вот какова эта сказочная машина, о которой в последние месяцы так много писали в газетах! Небесный корабль из алюминия и бериллия должен был вынести трех смельчаков за пределы Земли и завоевать для человечества звездное пространство.

Победит ли человеческая энергия исполинскую силу Земли и Солнца? Выдержат ли эти решительные люди борьбу с демоническими силами небытия? Удастся ли им действительно воздвигнуть мост через ужасающие пропасти мирового пространства?..

Гардт повел нескольких журналистов, тщательно отобранных Томми, по веревочным лестницам внутрь ракеты.

Около поса ракеты крупными желтыми буквами блестела надпись —

«В И Л А Н Д»

— Удачное название! — заметил один из посетителей. — Виланд — сказочный кузнец, прототип немецкого инженера и техника.

Люк вел в маленькую кабину, в которой едва могли поместиться два человека.

— Этот воздушный шлюз, — объяснил инженер, — является единственным входом в те помещения ракеты, куда вообще возможно проникнуть. Непроницаемые для воздуха двери дают возможность покинуть ракету даже в пустом пространстве. Когда входишь в кабину, немедленно закрывается внутренняя дверь и открывается внешняя. Вот почему воздушное давление внутри помещения остается при выходе неизменным.

Через эту кабину гости вошли в ярко освещенное помещение, имевшее вид усеченного конуса.

— Камера для наблюдения, — продолжал свои объяснения Гардт. — Внизу находится такое же помещение, которое наполовину является спальней, наполовину — кухней.

— Внизу? — переспросил один репортер, словно он услышался.

— Ах да, — улыбнулся Гардт, — я должен объяснить вам, что мы понимаем здесь под словами «внизу» и «наверху». Обычно мы под словом «низ» понимаем направление тяжести, т.е. направление в центру Земли. Но когда дюзы начинают работать, тяжесть направлена от носа корабля к дюзам; поэтому на нашем языке нос корабля всегда находится наверху, а дюзы — внизу. Такое расположение в состоянии покоя должно казаться вам весьма странным, как и та своеобразная форма камеры для наблюдений, которую вы сейчас видите; но при подъеме эта камера повернется вверх, и гладкая верхняя круглая стена станет тогда нашим полом. Большая часть нашего путешествия протечет в среде без тяжести, где вообще понятия о «верхе» или «низе» отпадают. Вот почему вы не найдете в нашей машине никаких ступеней, а лишь легкие веревочные лестницы, которые могут быть спущены в случае нужды. Где нет силы тяжести, лестницы и ступени только мешают. Лучшим средством передвижения в таком случае являются поручни на всех стенах и полах. При самом отлете, т.е. в тот небольшой промежуток времени, пока действует сила тяжести, никто на корабле вообще не должен двигаться.

Гости осторожно продвигались по снабженной окнами камере наблюдений и с любопытством оглядывались вокруг.

— К сожалению, я лишен возможности объяснить вам вкратце назначение всех тех многочисленных аппаратов, которые, как вы видите, прикреплены здесь к стенам. На распределительной доске сходятся провода от различных инструментов, которые регулируются электрическим током. Вместо ненужных здесь компасов, у нас имеется целая система гироскопов, которые в любой момент указывают положение ракеты и изменение ее скорости и направления. Три особые пружины, соответственно трем координатам пространства, показывают ускорение, а остальные аппараты автоматически подсчитывают по ускорению и времени скорость машины и, следовательно, пройденное пространство.

«Целый ряд стрелок, соединенных с ввинченными в разных местах манометрами, гигрометрами и с внешними анероидами дают полную и ясную картину внешнего и внутреннего состояния среды. Различные рычаги обслуживают насосы, накачивающие горючее, и другие приспособления. Слабый нажим регулирует работу всей машины.

«Самые важные приспособления — это сильный рычаг, который регулирует приток горючего в камеры сгорания, и над ним стрелка, показывающая абсолютное ускорение. Ярко-красная черта на скале — граница между жизнью и смертью. До тех пор, пока ускорение не превышает 40 метров в секунду — никакая опасность не угрожает жизни пассажиров. Но едва стрелка перешагнет через эту границу, отмеченную ярко-красной чертой, мы будем раздавлены усиленной тяжестью.

Гости боязливо осматривали стрелки и рычаги, избегая касаться чего-либо.

Большие чертежные доски с циркулями, вычерчивающими конические сечения¹ служили для нанесения в любой момент местоположения ракеты. Стены были использованы до максимума.

¹ Коническими сечениями называются три кривые: эллипс, парабола и гипербола. Небесные тела под действием притяжения движутся по этим кривым.

— В передней (а на нашем языке в самой верхней) части имеются плотно свернутые три спасательных парашюта с поверхностью 120 квадратных метров каждый. В случаях крайней необходимости, когда машина при высадке откажется работать, экипаж корабля сможет при спуске воспользоваться этими парашютами. Надеюсь все же, что нам не придется к ним прибегнуть.

— Не покажете ли вы нам и других помещений корабля? — спросили журналисты.

— Какие же еще помещения? Спальню, маленькую кухню, или же каютовую, где хранятся запасы? Вряд ли это представляет какой-либо интерес.

— Но ведь колossalный «Виланд» должен иметь и ряд других помещений, кроме этой пары маленьких камер?

— Конечно, — улыбнулся Гардт. — Гремучий газ! Весь остальной корпус состоит главным образом из баков для горючего вещества, куда нельзя войти. Впрочем — сказал он, взглянув на часы, — я вынужден просить уважаемых гостей покинуть корабль. Уже около шести часов, и в нашем распоряжении всего 30 минут.

Эта просьба была исполнена весьма неохотно. У журналистов было еще очень много вопросов, но Ганс Гардт не давал больше никаких объяснений. Он еще раз повторил свою просьбу и вместе с журналистами покинул корабль.

Буря восторженных апплодисментов разразилась, едва Гардт показался на старте. Тщетно пытался он успокоить толпу. Он спешил и ограничился лишь крепкими рукопожатиями при прощании с почетными гостями.

Томми Бигхеда вигде не было видно. Гардт послал человека разыскать американца во что бы то ни стало, но все поиски были тщетны: Томми исчез.

— Чудак не может забыть, что Андерль победил его, — сказал огорченный дядя Алекс, взбираясь в ракету.

Ганс Гардт пожал плечами.

— Гм! Я понимаю, что он чувствует себя обиженным, но не прощаться — это уж слишком! Я все же не могу больше ждать Томми; каждая секунда промедления нарушает наши планы.

Он дал некоторые указания пилоту вспомогательного самолета, кабина которого находилась на левой стороне корпуса, а затем вернулся в ракету.

Андерль подобрал веревочную лестницу, и люк закрылся.

Мертвая тишина воцарилась на площади. Глаза всех были прикованы к ярко освещенному гиганту.

Еще несколько секунд, и раздался выстрел, — условный знак к отлету.

Гигантский воздушный корабль задрожал; раздался пронзительный рев. Люди оторопели... Выходные трубы ракет раскрылись и стали извергать горячий газ.

Медленно двигался корпус звездолета по рельсам железной дороги, но в следующий момент он уже несся, как на дикой охоте. Все быстрее и быстрее... Через полсекунды начался крутой подъем с возрастающей быстротой. Не прошло и десяти секунд, как фантастический колосс покинул рельсы и попесся ввысь.

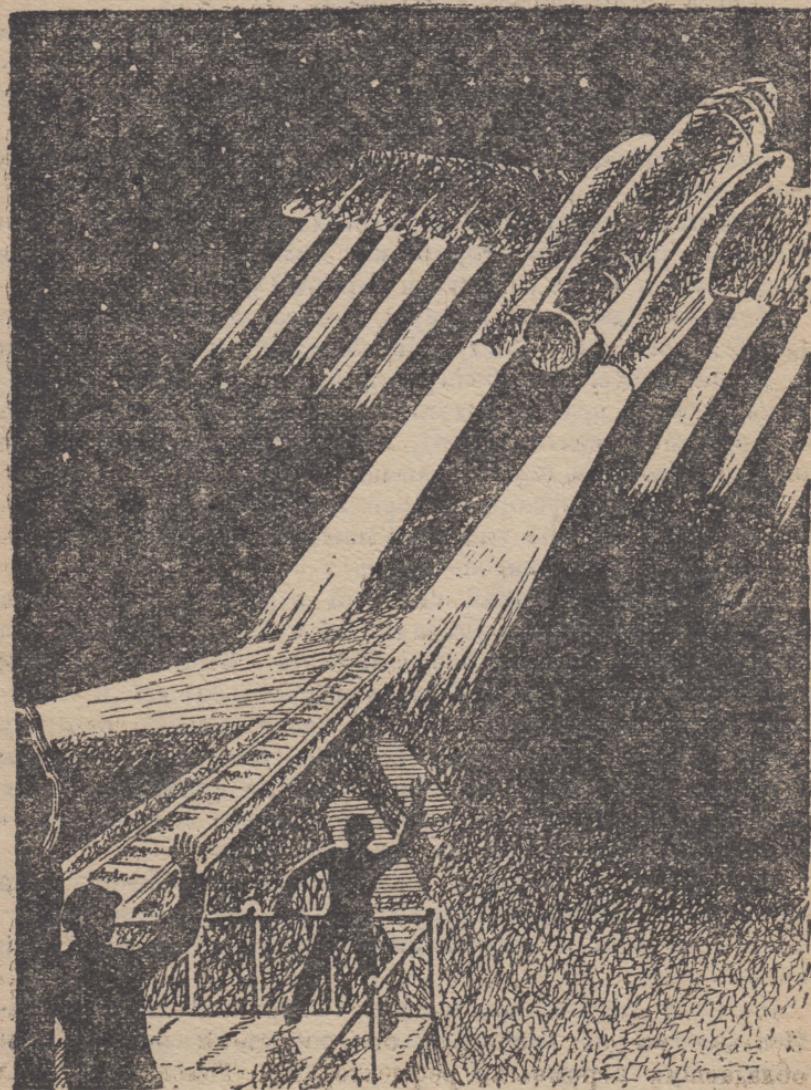
Незабываемое зрелище! Море желтого света залило тысячную толпу. Словно уносимое неведомыми силами, огненное чудовище поднималось ввысь.

Вдруг раздался такой сильный взрыв, что вся толпа замерла в ужасе. Глаза устремились к той точке неба, где развертывалась необычайная картина. Вспомогательный самолет дал полный ход. Выходные трубы запылали, и широкая огненная полоса, словно хвост кометы, осталась позади далеко умчавшегося корабля. Сверкающая искра упала куда-то за холмами, окаймлявшими восточный берег озера. Маленький парашют принес с собою телеграмму, — последний привет от улетающего «Вилянда».

Но никто не обратил на это внимания. Взоры всех были устремлены на огненную комету, созданную человеческими руками и совершившую свой огненный путь по ночному небу.

Площадь погрузилась в мрак. Огненный хвост небесного корабля не мог больше освещать Землю. Погасли также и прожекторы.

Не прошло и пяти минут, как машина унеслась так далеко, что только исключительно дальновидные люди в со-



EXPO ROBERTOLO A VITALE BOLOGNA IMPRESA

стоянии были различать сияющую точку на юго-востоке. Внезапно что-то опять ярко осветилось под кораблем.

Директор Кампенкель посмотрел на часы.

— 280 секунд, — заметил он своему соседу. — Теперь Гардт освободил ракету от вспомогательного корабля и пустил в ход дюзы с гремучим газом.

— Как далеко они успели уйти?

— Нас разделяет сейчас расстояние в 800 километров.

— Совершенно невероятно! — пробормотал собеседник. — В пять минут от Боденского озера до Вены!..

— Да, если бы кто-нибудь сказал нам это десять лет назад, — сказал Кампенкель, бледный от возбуждения. — Сейчас «Виланд» проходит свой последний путь через воздух. Вспомогательный самолет сделал уже свое дело, и вероятно, снизится теперь где-нибудь между Веной и Будапештом.

В хороший полевой бинокль можно было еще в течение нескольких минут наблюдать за небесным кораблем; потом светящаяся точка погасла, и больше ничего нельзя было видеть.

— Невероятно! — сказал Кампенкель, направляясь домой. — Несколько минут назад я сам еще находился на этой машине, а теперь она, словно маленькая щепочка, витает в мировом пространстве между Землей и Луной.

На следующий день все газеты были полны описаниями старта и рассуждениями о пути корабля Гардта.

«Если ни одна обсерватория, — писали газеты, — не заметит сегодня «Виланда», это все же не должно служить поводом для беспокойства. Слабый свет, испускаемый «Виландом», недостаточен для того, чтобы его уловили даже самые сильные наши телескопы. «Виланд» станет заметен только тогда, когда выйдет из тени Земли и будет освещен Солнцем».

Действительно, на следующий день, в ту самую минуту, когда начался подъем, «Виланд» показался на востоке. Но теперь бинокли и подзорные трубы оказались бессильны. Публика всецело зависела от сообщений обсерваторий, обладавших огромными рефлекторами. Только они были в состоянии опознать несущуюся ракету в блестящей точке на расстоянии почти 15-ти диаметров Земли.

Словно звезда, поднималась она по небу все выше и выше. Она перешла через меридиан, склонилась к юго-западу и под утро скрылась.

То же повторилось и в следующую ночь. Но раньше чем эта сверкающая точка коснулась юго-западного горизонта, она вдруг погасла, и больше ее видеть нельзя было.

Ужас охватил мир, когда обсерватории в один голос сообщили, что «Виланд» на небе больше не видно.

Волнуемый надеждой и страхом, провел Кампгенкель следующую ночь. Но «Виланд» больше не появлялся. Даже самые мощные обсерватории не могли его разыскать.

Что случилось?

Неужели вселенная потребовала жертвы? Мир был потрясен. Все считали, что Ганс Гардт и его спутники погибли, потеряны для мира навсегда.

ГЛАВА 11

Подъем

Подобрав веревочные лестницы и тщательно закрыв герметическую дверцу люка, Аnderль поспешил к капитану и заметил, что Ганс Гардт стоит перед главной распределительной доской с хронометром в руках.

Он испытующе внимательно смотрел на блестящие инструменты, рычаги, на кривую предстоящего пути.

— Где доктор Гардт?

— Устраивается внизу, в спальной. Позвать сюда?

Гардт покачал головой и подошел к гамаку, подвешенному так, что, лежа на нем, можно было управлять всеми рычагами. Половики, до сих пор покрывавшие пол, были убраны. При подъеме этот пол должен был стать боковой стеной, едва только давление ускорения превысит силу притяжения Земли. Круглая, теперь задняя, стенка должна будет стать тогда полом кабины.

Пришел Александр Гардт.

— Очень уютное помещение у нас там внизу. Я устроился, как дома. Немного, пожалуй, тесновато, да надо еще привыкнуть к висячей койке, но...

— Ты наверно захочешь во время подъема побывать здесь, со мной, — прервал его Ганс, — поэтому прошу тебя немедленно забраться в гамак. Через две минуты начнут работать люзы, и горе тому, кто в этот момент будет находиться в стоячем положении. Скинь также все лишнее платье.

Алекс немедленно сбросил с себя пиджак и забрался в гамак.

— Все готово? — спросил Гардт по телефону пилота вспомогательного самолета.

— Все в порядке, — послышался ответ.

— Хорошо. Итак, в 6 часов 32 минуты 40 секунд...

Гардт отдавал распоряжения спокойно и деловито, словно они касались обычного рядового полета. Его голос звучал спокойно; ни малейшая дрожь возбуждения не изобличала величия этого момента.

Бросив последний взгляд на лежащих в гамаках пассажиров, Гардт не спускал больше глаз с хронометра.

— 6 часов 32 минуты!

Секундная стрелка двигалась быстро. Прошло 5,10 секунд...

Алекс смотрел в окошко на площадь, на людскую толпу. Он видел волну возбуждения, охватившую всех, читал волнение на освещенных прожекторами лицах. Но ни один звук не проникал извне в герметически закупоренный корабль. Сышен был лишь равномерный стук мотора и певучие звуки генератора, которые доносились из чрева корабля-колосса.

Стрелка продолжала подниматься. 20... 30 секунд...

Словно загипнотизированный, не отводил Алекс глаз от стрелки, которая равнодушно отбивала секунду за секундой.

Возврата не было!

Перед его взором промелькнули теперь события последних дней. Труды и заботы его племянника, поиски спирта в Америке, удачный перелет через океан, Томми Бигхед — самый ловкий репортер штата Мичиган... Куда он мог леваться, этот упрямый американец. Поистине Толстоголовый! ¹

Улыбка замерла внезапно на его устах.

Шум и грохот потрясли корабль. Гамаки покачнулись, и полет во вселенную начался.

Промелькнула площадь старта... Только что люди подбрасывали вверх свои шляпы, а теперь мелькнули ярко

¹ Буквальный смысл имени Бигхед (big — толстый, head — гол. ва).

блестевшие верхушки деревьев, темные силуэты домов в Фридрихсгафене, затем неясное очертание Боденского озера... Мимо, все мимо!..

Корабль оставил свою железную дорогу и поднялся в воздух.

Оконца снизу были свободны. Слабо освещенная Земля быстро исчезла, и темная ночь окутала окошки «Виланда».

Гардт схватился за телефон.

Полный ход!

Проволока отнесла этот приказ в кабину вспомогательного самолета.

В ту же минуту раздался грохот дюз. Указатель ускорения двигался по скале и остановился около двадцатого деления.

Бечевки гамака врезались в тело, которое с удвоенной тяжестью увлекалось «вниз».

Алекс усталый лежал в своем гамаке. Его взгляд был обращен кверху. Странно: окошки, сквозь которые он сейчас только видел звездное небо, словно опустились в сторону. Круглая передняя стена повернулась и закрыла собой внешний мир.

С большим трудом повернулся Алекс голову.

Сводчатая стена с оконцами окружила его теперь со всех сторон: сверху и снизу — ровная поверхность шара.

Прошло 30 секунд.

— Ганс! — прохрипел он.

— Дядя Алекс...

— Все ли в порядке? Мне тяжело!..

— Усиленная тяжесть, дядя, ничего больше...

— Видишь ли ты там в стороне слабо светящееся скопление звезд на одной высоте с нами, окруженное каким-то бледным сиянием? Замечательная звездная куча!

Ганс быстро взглянул в окошко.

— Звездная куча?

Он следил за показателем высоты.

— Эта звездная куча, вероятно, не что иное как Мюнхен.

Пораженный Алекс хотел было вскочить, но тяжесть бросила его назад.

— Мюнхен? — простонал он. — Ты с ума сошел? С каких это пор города прилепились к небу?

— Не спрашивай ничего, дядя; дыши, дыши как можно глубже... Скоро станет еще хуже.

Через четыре минуты указатель ускорения медленно продвинулся назад.

— У вспомогательного самолета горючее подходит к концу, Андерль. Необходимо сейчас же освободиться.

Андерль схватился за поручень.

Гардт смотрел на стрелку скорости.

— Только 4200 в секунду, — сказал он про себя, покачав головой.

По телефону он послал последнее прости начальнику вспомогательного самолета и быстро приказал:

— Андерль, освободи ракету!

Легкий нажим, — и ракета освободилась от вспомогательного самолета.

В ту же минуту рука Гардта ухватилась за рычаг.

— Теперь начинается. Не забывайте дышать...

Ужасный толчок потряс корабль. Дюзы «Виланда» воспламенились.

Стрелка указателя ускорения вновь быстро подскочила до 20, перешла через 25 и 30, и остановилась на 32. Корабль шел с ускорением 32 метра в секунду за секунду¹.

На 40-м делении ярко выделялась красная черта.

Усиленная тяжесть стала совершенно невыносимой.

Гамаки натянулись еще больше. Давление на грудную клетку страшно усилилось.

Алекс попытался приподнять руку. Ему удалось это сделать лишь с большим напряжением, затем рука упала бессильно назад и больно ударила его. Казалось, что каждая

¹ Не следует смешивать скорости с ускорением. Скорость измеряется числом метров, проходимых в 1 секунду; ускорение же определяется прибавкой скорости за 1 секунду. Если указатель скорости показывает 4200, а указатель ускорения — 30, то это означает, что аппарат делает 4200 метров в секунду и что скорость эта ежесекундно возрастает на 30 метров. Так как ускорение свободно падающего тела близ земной поверхности равно около 10 метров, то при 30-метровом ускорении звездолета пассажиры чувствуют себя словно отяжелевшими в 3 раза.

часть тела стала в несколько раз тяжеле. По кровеносным сосудам, вместо крови, словно текла ртуть. Веревки и ремни гамака врезались в тело.

Алекс ни о чем больше не спрашивал; он жаждал воздуха. Легкие не в состоянии были больше выдерживать тяжести груди. Он пытался было бороться с усиленной тяжестью, хотел что-то сказать, крикнуть, но опрокинулся назад и перестал соображать, что делается вокруг него.

Ганс Гардт тоже сильно страдал от этого давления. Лишь с величайшим напряжением мускулов удавалось ему протянуть руку и коснуться рычага.

Стрелка указывала на скорость 6 000 метров в секунду. Ганс опять передвинул рычаг.

«Виланд» развил свою максимальную силу, извергая вниз раскаленный пар с космической скоростью. Стрелка заметно приблизилась к красной черте.

Еще две минуты, и ракета достигла той скорости, которая должна была освободить ее от земного плена.

Стрелка прыгала: 7 000... 8 000 метров в секунду...

Ужасная мысль промелькнула у инженера: что будет, если у него не хватит сил передвинуть назад рычаг? Тогда ускорение будет идти тем же темпом все вперед и вперед, пока колоссальные запасы газа не будут исчерпаны. Тогда гибель неминуема. «Виланд» с безумной стремительностью пролетит через межпланетное пространство по гиперболической орбите, ведущей в бесконечность. В четверть часа корабль достигнет скорости, которая удалит его навсегда из солнечной системы.

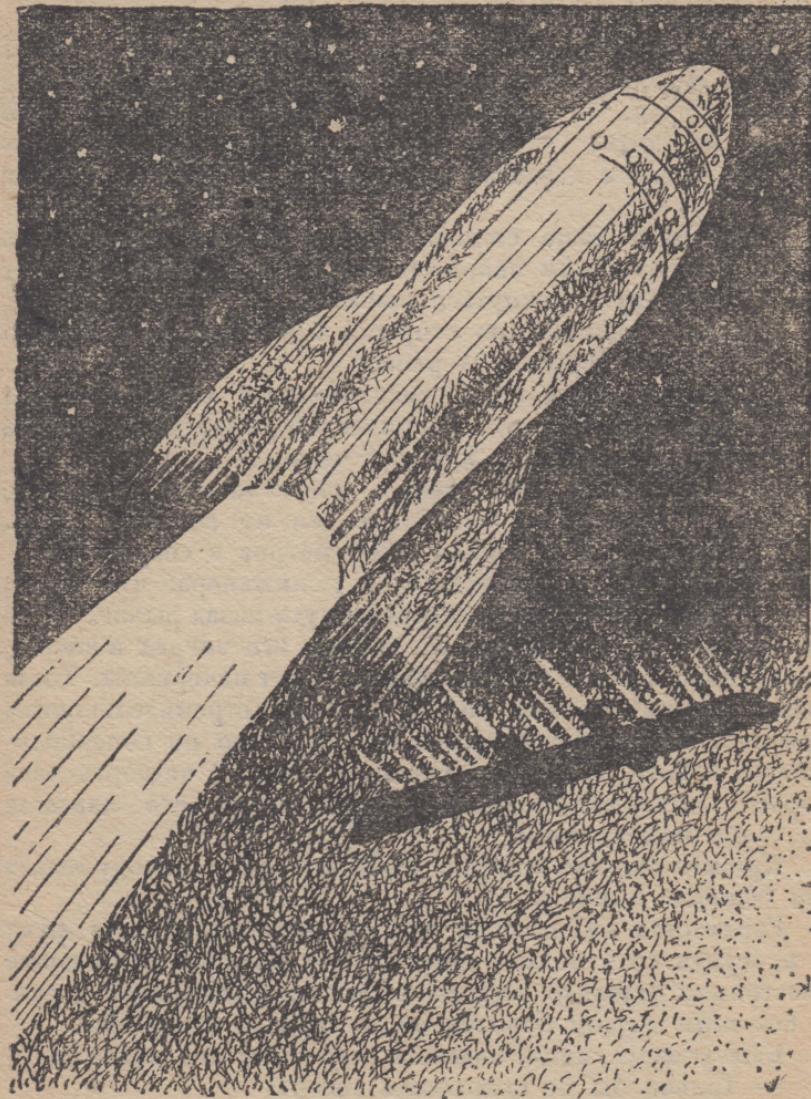
Прошла седьмая минута. 9 000 метров в секунду делала эта бешеная машина!

Гардт стал медленно и кряхтя поднимать свою руку и просунул ее в петлю, свисавшую с потолка. Небольшое расстояние отделяло пальцы от распределительной доски. С большим трудом боролся он за каждый сантиметр.

Был момент, когда казалось, что силы его иссякли.

— Только бы не силоховать теперь!

9800 метров в секунду — указывал счетчик. Еще три секунды...



Последнее движение — и рука Гардта ухватилась за рукоятку. Рычаг двинулся назад.

Холодный пот выступил на лбу инженера. Ужасное напряжение поглотило остаток его сил.

Указатель ускорения отскочил назад к двадцатому делению, дошел до десятого и остановился на том делении, которое указывало на увеличение скорости 3 метра в секунду за секунду. Ощущение тяжести исчезло так же внезапно, как и появилось.

Отначала подъема прошло 8 минут.

ГЛАВА 12

Над Землей

Одно мгновение в кабине капитана никто не двигался с места. Лишь тяжелое дыханье трех лиц нарушало молчание.

Алекс раскрыл глаза и огляделся. Лампа горела, окна зияли во мраке, словно пасти хищных зверей.

Он попытался приподняться. Ему это удалось. Ощущение ргуты в кровеносных сосудах исчезло. Он с удовольствием расправил свое усталое тело. Какое наслаждение быть в состоянии двигаться, уметь управлять своими мускулами! Он с облегчением вздохнул, словно только что очнулся после ужасного кошмара.

— Ганс! — воскликнул он. — Где мы сейчас?

— Подойдите сюда, доктор, — услышал он голос Андерля.

Алекс вылез из гамака и, осторожно шагая, направился к племяннику.

С большим трудом удавалось ему сохранять равновесие; он чуть не падал на каждом шагу.

— Что случилось?

Он чувствовал себя чрезвычайно легко. Неужели это естественная реакция после ужасного отяжеления, от которого до сих пор все его мускулы болели?

Гардт лежал весь в поту.

Андерль старательно растирил ему виски; Алекс поднес к его носу бутылочку паштыврного спирта.

Медленно раскрыл Ганс Гардт глаза и в беспамятстве оглядел своих товарищев. Через несколько секунд к нему вернулось сознание. Прежде всего он взглянул на хронометр: 12 минут.

— Гамаки можно свернуть! — крикнул он Андерлю, как только смог вскочить. Затем он углубился в изучение кривой, вычерчиваемой инструментами.

— Ну, и путешествие! — заметил для Алекса. — Этих восьми минут я никогда в жизни не забуду! У меня все kostи болят.

Он внимательно стал ощупывать себя:

— Но кажется у меня все цело...

— Да, никто не мог бы долго выдержать такого отяжеления, — ответил инженер. — Андерль, посмотри еще раз, все ли внизу в порядке.

— Ганс, — спросил Алекс, когда Андерль исчез, — где мы теперь?

Гардт указал на инструменты.

— 6 000 километров пути и около 4 000 высоты.

— 4 000 высоты! Гм!.. А гора Эверест имеет 10 000?..

— Да, по метров, а у нас — километры.

— Тысяча чертей! — воскликнул учений. — В таком случае мы находимся сейчас в четыреста раз выше самой высокой точки на Земле!

— Безусловно. Наружные барометры показывают нуль. Воздушная оболочка Земли далеко внизу; мы давно уже виталяем в свободном мировом пространстве.

Появился Андерль и сообщил, что все в порядке.

— Хорошо, Андерль. Ложись теперь спать: через шесть часов ты сменишь меня.

— Я не очень охотно это сделаю, господин Гардт, — возразил опечаленный парень.

— Так нужно. Утешься, Андерль, тем, что сейчас ничего, кроме темной ночи, не будет видно. Иди, выпиши хорошенько.

— Земля совершенно не видна, Ганс, — сказал Алекс, стоя у окна.

Гардт подошел к нему и установил большую подзорную трубу.

— Если вглядишься внимательно, то кое-где заметишь мерцающую точку. Возможно, что это прожектор какого-нибудь маяка, или световой сигнал парохода, который плавает внизу по волнам Великого океана.

— Великого океана?

— Если бы стало светло, мы могли бы увидеть Землю от Филиппинских островов до берегов Франции. Сейчас мы, вероятно, находимся над Арабским проливом.

— Будь добр, наставь эту подзорную трубу на какой-нибудь город. Я охотно посмотрю, как...

Гардт расхохотался.

— Многое залотел, дядя Алекс...

Он привинтил телескоп.

— Вот в этом направлении, вероятно, находится Индийский океан. Быть может, тебе удастся уловить слабый отблеск освещенного города Бомбей. Желаю тебе удачи, но я не уверен, что тебе удастся отсюда наблюдать ночную жизнь Индии.

— Я хочу видеть Землю, Ганс, а не Марс.

— Ну, конечно, сними свои очки и стань у телескопа... Алекс отступил несколько назад.

— Ты хочешь запутать меня... Ведь Земля внизу. — И он несколько раз махнул рукой по направлению к полу.

— Где, по-твоему, надо искать центр Земли?

— Центр Земли? Конечно, там же...

— Наверху, дядя Алекс! — И инженер указал за окно.

— Вон, где находится центр Земли; там же и Арабский пролив, над которым мы сейчас и находимся.

Алекс стоял с разинутым ртом.

— Земля там на небе?

— Не забудь, — стал объяснять Гардт, — что мы пошли морем под острым углом поверхности Земли, поэтому мы должны искать Землю сбоку. Искусственная тяжесть, благодаря которой нам кажется, что ось ракеты находится в вертикальном положении, в действительности направлена не к Земле, но от дюз нашей ракеты, которые, хотя и слабее, но все же продолжают работать.

Голова доктора завертелась, словно мельничное колесо.

— Если бы мы поднялись по направлению к Солнцу, то есть днем, — продолжал Ганс, — мы могли бы видеть нашу Землю сбоку. Это было бы великолепное зрелище.

— Почему же ты не вылетел днем?

— Ради удобства земных обсерваторий. Тогда в продолжение всего нашего пути мы находились бы между Землей и Солнцем и не могли бы быть видимы со стороны Земли¹.

Гардт не отходил от путевой «карты» и представил где размышлять на свободе. Доктор внимательно смотрел в пространство, пытаясь представить себе, что где-то находится твердая земля. Люди стоят там на твердой почве, спокойно расхаживают, и никому из них не интересно ломать себе голову над тем, где находится центр Земли. Через несколько минут он сказал племяннику:

— Наверно сотни тысяч глаз направлены теперь к нам и следят за убегающей светящейся точкой... Если подумать о бесчисленном множестве озабоченных ног, о насморках, быть может, об эпидемии гриппа, который распространится завтра там внизу или вверху из-за нас, то, пожалуй, простая вежливость обязывает чем-нибудь ответить на это внимание. А ты и ступаешь так, словно мать-земли тебя нисколько не интересует.

— Малый дядя, — сказал Гардт, — указания моих измерительных приборов занимают меня сейчас гораздо больше, чем темная ночь вокруг нашей ракеты. Достаточно будет, если эту обязанность возьмешь на себя ты. Конечно, я говорю не об одних только озабоченных ногах...

— Кстати: тут даже слишком жарко, — простой Алекс. — Ты не мог бы несколько умерить отопление?

— Этого огопления я никак не могу умерить. Жара идет извне.

— Извне? А я полагал, что в мировом пространстве страшно холодно.

¹ Потому что ракета была бы обращена к Земле своей неосвещенной стороной.

— Без словиз, по эта темп'юта — результат трения воздуха о внешнюю оболочку нашей ракеты. Мы должны считать себя сч стливыми, что Гериллиевая оболочка так крепка и устойчива. Впрочем, я могу успокоить тебя и сказать, что эта темп'я ратура долго не продержится. Она и так уже, кажется, упала... Стенки ракеты остывают.

Гард крикнул Альдерлю, который не успел еще успеть:

— Какая темп'ятура внизу?

— 33 по Цельсию.

— Гм!. Термометр на верхушке показывает 38°. Распыли, Аи ерзь, немножко жидкого кислорода и открои на короткое время клапан сверх-давления.

Жара дей твитель'но была невыносимая, и лишь испаряющийся жидкий кислород несколько умерил ее.

Доктор Александр Гард зевал во-всю.

— Я ужасно устал, — сказал он, вытирая пот со лба. — Не знаю, почему я так устал: у меня такое ощущение, словно я всю ночь кутил. А ведь мы всего полчаса в пути.

— Ты можешь спокойно лежь спать, ладя, — сказал Гард, который прекрасно понимал, что усталость вовсе не является следствием одной только жары.

— Пока ты проснешься, все неприятные явления, которые Земля дарит нам на прощанье, исчезнут.

Зевая и кряхтя, Алекс с грудом забрался по веревочной лестнице в спальню. Белоснежный манивший гамак показался ему величайшим изобретением всех времен. Он не успел разъеться, как впал в глубокий сон.

Гард остался на своем посту, хотя и он не мог перенести усталости и слабости и страдал от жары. Но он никому не мог пока доверить наблюдение за измерительными приборами. Он решил набрать опыта для будущих полетов и знал, что малейшая ошибка может привести к роковым результатам.

Время от времени он отводил назад рычаг скорости.

Соответственно с этим уменьшалось действие дюз, ослаблялась и кусственная тяжесть, и предметы теряли свой вес.

Гард мог вполне прекратить взрывание: ракета давно достигла той скорости, которая освобождала ее от притяги-

вающего действия Земли. Но он не решился сделать этого сразу, ибо внезапное прекращение взрывания могло вызвать полное отсутствие тяжести. Ему хотелось постепенно привыкнуть себя и своих товарищ к этому, совершенно незнакомому, состоянию, влияние которого на человеческий организм не было изучено.

Правда, его беспокоил чрезмерный расход горючего. Со ежимое баков уменьшалось гораздо быстрее, чем он рассчитывал. Он не мог понять причины, и это тревожило его.

Время шло. Часы показывали, что от начала полета прошел уже шестой час. 70 000 километров пути! Раестояние, вдвое превышающее окружность Земли, отделяло пассажир в ракеты от всего человечества.

Глубокая ночь продолжала окутывать корабль. Земля все еще оставалась невидимой; только далеское, беззвездное пятно на звездном небе указывала то место, где витала наша родина-планета.

— В настоящую минуту работают полным ходом все газетные ротационные машины. Томми Бигхед в эту ночь паверно ни на одну минуту не сомкнул глаз.

Корабль все больше и больше излучал свое тепло в пространство. Все почувствовали себя лучше и вздохнули свободно.

Инженер улыбнулся, представив себе тот сюрприз, который скоро ожидает пассажиров «Виланда».

Теперь «Виланду» не угрожала никакая опасность, и Гард предложил Андерлю сменить себя, а сам пошел на короткое время отдохнуть.

ГЛАВА 13

В мировом пространстве

Когда Алекс проснулся, в спальной каюте не оказалось ни его племянника, ни Аnderля. Он схватился сразу за часы.

— Девять часов, — сказал он задумчиво. — Что это: девять утра или ночи?

Он быстро встал и оделся.

Ученый чувствовал себя замечательно легко и хорошо: готов был даже прыгать и петь, если бы это пообрадило солидному ученому. Он сделал несколько прыжков — и забрался по веревочной лестнице в кабину капитана.

Всюду горели электрические огни. Никакого следа дневного света.

— Бог это называется поспать, для Алекс! — приветствовал его Гардт. — Нет ли у тебя пролежней?

— Наоборот, я чувствую себя таким свежим и бодрым, словно я за время сна стал лет на десять моложе. Несужели я долго спал?

Гардт показал ему на часы.

— 14 часов 30 минут...

— Теперь я уж совсем ничего не понимаю. Моя часы показывают 9 часов. Твой хронометр — 14 часов 30 минут, а ночь тянется, и опять траю ей не видать...

— Да, милый дядя, в фридрихсгафенскому времени теперь, вероятно, 9 часов утра. Но ты переведи лучше свои

часы на наше корабельное время. Бессмыслицо считать тут время, согласно какому-нибудь пункту земного шара. Мы считаем время с момента нашего старта.

Андерль между тем готовил завтрак на маленькой электрической кухне.

Алексея шагал взад и вперед. Он должен был все время балансировать, чтобы не трясть равновесия.

— Когда же наступит день в этой мрачной местности? — спросил он.

— Как только солнце не будет заслонено близкой от нас Землей. Для этого потребуется еще часа четыре. Пока же приходится довольствоваться светом звезд и луны.

Гардт выключил свет; в кабине не стало темно. Сбоку лился приятный серебристый свет, который, пожалуй, был бы достаточен и для чтения газеты.

— Там луна, пока лишь половина ее диска. Если было бы полнолуние, мы не могли бы жаловаться на недостаток света.

Звезды сияли спокойно, ровно и гораздо ярче, чем на Земле, где плотная атмосфера поглощает значительную часть их света¹.

— Не так-то просто, — продолжал Ганс Гардт, — разобраться в этом звездном небе. Знакомая нам картина звездного неба в значительной степени теряет свой привычный облик от того, что множество слабых звездочек остается на Земле невидимым для невооруженного глаза.

Он показал рукой заискоско.

— Вот в этой массе звезд ты не без труда разыщешь семизвездие Майданек Медведицы; в конце хвоста его находится Полярная звезда, вокруг которой, если смотреть с Земли, вращается небесный свод. Она теперь потеряла для нас свое центральное положение, остается только превосходная веха для установления направления земной оси, а тем самым и положения астрономии, т. е. плоскости земной орбиты.

¹ И обуславливает явление мерцания звезд, которое не должно наблюдаваться за пределами атмосферы.

Андерль появился с сервированым подносом, от которого иссёк прекрасный запах душистого кофе. С большим аппетитом все трое поели сухарей с сардинами и выпили кофе.

— Ну, что ж, мы и дальше будем уменьшать ход? — спросил Андерль в то время, как его крепкие зубы размалывали бутерброл.

— Какая скорость у нас теперь?

Андерль направился к распределительной доске.

— 2 000 метров.

— Подождем еще немногого, Андерль, пока мы покончим с завтраком, — он рассмеялся, — иначе нам грозит нарушение пищеварения.

— 2 000 метров в секунду! — вмешался дядя Алекс в разговор. — Ведь это гораздо меньше, чем в начале вашего полёта.

— Конечно! К концу восьмой минуты мы достигли параболической скорости в 10 000 метров в секунду. Ясно, что такая скорость не может оставаться постоянной; под влиянием земного притяжения она в начале быстро, а потом медленнее убывает так же, как бывает с брошенным вверх камнем. Но прежде чем скорость будет совершенно уничтожена, ракета достигает той точки между Землей и Луной, где притяжение Луны преодолевает силу притяжения Земли. Тогда корабль не сможет упасть обратно на Землю, но будет увлечен Луной. Вот, в сущности, весь секрет полета на Луну.

— Но почему же мы совершенно не ощущаем большей этой все еще бешеноей скорости? У меня такое впечатление, словно «Виланд» стоит на месте.

— То, что мы ощущали при подъёме, было лишь ощущение ускорения, а не скорости; скорость сама по себе неощутима. Разве ты в своем рабочем кабинете в Фридрихсгафене когда-либо замечал, что ты несешься с страшной скоростью в 30 километров в секунду по мировому пространству — вместе с Землей, в ее вечном обращении вокруг солнца?

— Но если, как ты говоришь, Земля делает 30 000 метров в секунду, — заметил доктор Гардт, — то все твои расчеты не верны.

— Почему?

— Куда же мы попадем с нашим «Виландом», который, если я не ошибаюсь, делает сейчас лишь 2000 метров? Ведь мы в течение немногих минут так отстанем от мчащейся Земли, что о достижении нашей цели не может быть и речи.

— Твои слова с первого взгляда кажутся совершенно правильными. Но дело как будто еще хуже. Нас обгоняет, согласно твоим представлениям, не только Земля, но и солнце, которое, как известно уносится вместе с планетами по направлению созвездия Лиры, делая 20 километров в секунду.

— Куда же мы в таком случае попадем?

— А если солнце обращается вокруг какого-то центра, который, в свою очередь, тоже движется, то дело становится совсем серьезно, не так ли?

На губах инженера показалась плутовская улыбка.

Алекс продолжал упорно думать, но не находил другого решения вопроса, кроме того, что «Виланд» должен увеличить свою скорость.

— Не нае чем ломать голову, дорогой дядя Алекс. Должен признаться тебе, что я и сам не имею малейшего понятия о том, с какой абсолютной скоростью — если таковая вообще существует — ракета наша движется в пространстве. В сущности, это безразлично.

— Ты великолепен, Ганс! Но маю далеко не все равно, удастся ли мне еще раз увидеть родную землю, или нет. Я не имею ни малейшей охоты вечно с деть в твоей великолепной машине и блуждать по неведомым путям мирового пространства.

Ганс Гардт расхохотался:

— Не беспокойся, дядя Алекс. Земля не убежит от нас, как и мы не убежим от нее. Мы совершиаем точно расчетное путешествие в системе Земля-Луна, а все остальное нас пока совершенно не интересует. Лучше всего ты это поймешь на примере.

Инженер несколько задумался, а затем продолжал:

— Представь себе вагон-ресторан в быстро мчащемся курьерском поезде. На потолке вагона для освежения вор-

духа вращается вентилятор. На одном краю его расколо-
жилась гусеница. Ты слушаешь меня?

— Конечно!

— Ладно. Гусеница ползает от края вентилятора к втулке, с той скоростью, которая определена ей природой. В определенное время гусеница достигнет своей цели; ей вовсе нет нужды задумываться над тем, что она, благодаря вращению вентилятора, описывает в пространстве спиральную линию, уносится вперед движением поезда, кружится вращением земли вокруг оси, увлекается по орбите вокруг солнца и т. д. Объясни же мне, пожалуйста, с какой абсолютной скоростью и по какой кривой она движется?

Алекс стал тереть свой лоб, по не находил ответа.

— Приблизительно так же обстоит дело и с нами. Вентилятор — это система Земля-Луна. Движение курьерского поезда соответствует движению Земли. Если гусеница захочет оставить вентилятор, чтобы устроиться на горшке с цветами, стоящем на столе, ей прежде всего придется принять во внимание собственное движение вентилятора. Если же она предпочтет оставить вагон и выйти на зеленое поле, она сделает открытие, что поезд мчится с ужасающей быстротой. То же происходит и с нами. Если мы пожелаем лететь на Марс, мы должны будем считаться с собственным движением Земли, чтобы перейти с земной орбиты на орбиту соседней планеты. Все в мире относительно, а тут — в мировом пространстве — тем более. Понимаешь ли ты теперь, почему я не знаю абсолютной скорости нашего «Виланда», тем более, что таковой вообще нет.

Как все это звучит просто! И как все же трудно освободиться от укоренившихся земных представлений, и убогаться в том, что все старые понятия, которые на Земле не вызывают никаких сомнений и ясны настолько, что над ними никто не задумывается, здесь совершенно опрокинуты лишены всякого смысла.

Андерль также силь озинтесовался всеми этими выводами, но сохранил полное молчание. Он убрал посуду и отнес ее в кухню.

Алекс поднялся. Долго смотрел он через окно на черное небо, и картина чистого, восхитительного звездного мира рассеяла его грустные мысли.

ГЛАВА 14

В состоянии невесомости

Произошло нечто изумительное. Алексу показалось, что он видит сон. Ему снился старый, вечно повторяемый сон детства, будто он летает над домами и деревьями, над горами и долинами, плавая при этом победный клич.

Не произвольно он пригнул колени к телу и оттолкнул ноги вниз.

Сон внезапно был прерван. Алекс испугался, ощутив удар по голове. Он шатался и когда в замешательство стал осматриваться кругом, то заметил, что витает в воздухе и медленно спускается к полу.

— Ганс, где ты? — крикнул он робким голосом.

Огуда-то донесся ходок.

— И тебе приходится делать прыжки к потолку, для Алекс? — сказал Гардт, ухватив его за ногу и потащив вниз. — Крепко держись на месте, иначе набьешь себе шишки. Осторожно!..

Алекс вновь очутился на полу. Осторожно двигаясь, он с большим трудом добрался до стены и ухватился за поручень.

— Неужели мне это снился? — сказал он, все еще не приходя в себя.

Хотя племянник неоднократно предупреждал его о предстоящей потере веса, его охватил теперь страх. В то время как он стоял у окна, Гардт отвел назад рычаг, частично

приостановив действие взрывного аппарата и затем значительно уменьшил тяжесть. Совсем прекратить работу доз, быть может, и было бы правильно с точки зрения экономии горючего, но Гардт считал это преждевременным.

Хотя едва ощутимая теперь тяжесть составляла громадную долю земной, все же путешественники имели возможность приучиться к состоянию полной невесомости, при котором понятия «верх» и «низ» неприменимы.

Все предметы на «Виланде» потеряли большую часть своего веса. Люди стали такими легкими, словно сделаны были из бумаги, а не из мышц и костей, хотя мускульная сила полностью сохранилась. Благодаря этому, каждый неосторожный шаг должен был превратиться в огромный прыжок вверху.

Особенное удовольствие доставило это новое состояние Аnderлю, на котором лежали заботы о кухне. Он мог совершенно спокойно смотреть, как падают тарелки и чашки, либо они так плавно двигались вниз, что не разбивались. Одной рукой он мог теперь шутя приподнимать тяжелые стальные бомбы, в которых сохранился необходимый для дыхания жидкий кислород.

Но когда Аnderль открыл кран водопровода, он поразился: правда, вода продолжала течь в раковину, как и прежде, но канали воды подпрыгивали, превращаясь в свободно витающие жидкие шары, которые медленно опускались вниз и там растекались в лужу.

Неприятно было то, что это новое состояние сопровождалось у пассажиров «Виланда» своеобразным ощущением в области груди и желудка и учащенной работой сердца. С другой стороны, у всех появилась полная нечувствительность к давлению и толчкам, как раз в то время, когда представлялось не мало поводов к их получению.

Доктор Гардт весьма внимательно и добросовестно исследовал свое тело и привел свои наблюдения в связь с органом равновесия человека, помещающимся в внутреннем ухе.

Он комбинировал и раздумывал в поисках объяснений. Выводы его отличались чрезвычайной остротой и логич-

востью. Его поражала ясность мыслей и быстрота, с которой работал мозг.

Вскоре однако, эти ощущения исчезли. Осталось лишь необъяснимое, незатуманенное никакими заботами, радостное самочувствие у всех трех пассажиров.

Лестницу, которая вела из спальни в наблюдательную камеру, ученый одолевал теперь одним прыжком. Возвращение осуществлялось в виде приятного витанья по воздуху.

Андерль скрипел свои зубы, Алексе не мог удержаться от смеха; даже лицо Ганса Гардта казалось самым веселым в мире.

— Сегодня я помолодел на двадцать лет — сказал Алексе, когда, витая наподобие духа, приблизился к своему племяннику.

— Хватит, пожалуй, молодеть, — заметил Ганс, улыбнувшись. — Мы тут совершенно не приспособлены для ухода за грудинами детьми.

— Замечательная поездка! Здесь можно открыть санаторию для дряхлых стариков.

— Да, для нас на тушила теперь великолепная возможность кувыркаться и скользить, как мальчишки, по перилам лестниц, — согласился инженер, отталкиваясь от потолка, куда он попал в результате неосторожного движения.

Из кухни доносилось веселое пение Андерля, который вел безнадежную борьбу с бунтовавшими жидкостями.

За обедом происходили искренние сцены.

Суп плавал по воздуху в виде эскадрильи маленьких жидкых шариков, пока обедающие не научились осторожно и терпеливо направлять ложки ко рту.

Малейший толчок по ножке стола — и весь стол приподнимался вверх. Погоня за пищей представляла собою дикую мешанину гитающих людей и стульев.

Маленькая канарейка Гардга поднялась с жалким писком к лампе и увлекла на своих крыльях клетку.

— Скажи мне, наконец, Ганс, какой же собственно, у меня вес?

Гардт попытался несколько уговорить свое веселое настроение, которое не гармонировало с достоинством капитана корабля.

— Мы идем теперь с десятисантиметровым ускорением, около одной сотой нормального ускорения тяжести. То, что на Земле весит один центнер (50 кг), тут весит не более полкило. Милый дядя, ты весишь теперь не больше 560 граммов.

Во избежание всяких незадач Андерль привинтил всю мебель к полу. Даже канарейка должна была смириться: ее крылья были привязаны к прикрепленной клетке.

На «Виланд» вновь восстановилось спокойствие.

Ракета теперь проделывала свой космический путь свободно, без управления. Ганс и дядя Алекс уселись поэтому у окна и весело болтали. Они крепко привязали себя ремнями к привинченным стульям. Иначе нельзя было спокойно сидеть на месте. Малейшее движение превращало их в витающие пушинки.

Снаружи ракеты попрежнему ничего не было видно, кроме усеянного звездами ночного неба.

Положение Земли можно было узнать лишь по темному пустому месту, которое, подобно громадной дыре, распростерлось на звездном небе.

— Ганс, — тихо промолвил Алекс, — мне кое-что тут не ясно.

— Это меня нисколько не удивляет. Мне тоже многое кажется загадочным.

— Я разумею уменьшение тяжести. Если, например, я, как ты сказал, имею не больше полкило в са, то нет никакого основания для того, чтобы я витал в пространстве. Вещь в полкило все же представляет собой весомое тело, которое должно быстро падать вниз.

— Ты излагываешь весьма трудную тему. Тебе известно, что вес есть не что иное, как давление на опору и что Земля притягивает к себе все тела. Камень, лежащий на земле, не может следовать этому притяжению, поэтому он давит на то место, на котором он лежит; он имеет вес, соответствующий ускорению, с которым он двигался бы, если бы не поддерживался чем-нибудь. Близ земной поверхности это ускорение одинаково для всех тел. Падающий с высокой башни камень летит со скоростью 10 метров по истечении первой секунды, 20 метров —

по истечении второй секунды, 30 — в конце третьей секунды и т. д., т. е. в каждую следующую на 10 метров скорее, чем в предыдущую секунду, точнее — на 9,8 м. Ты верно помнишь со школьной скамьи эту цифру в 9,8, ускорение земной тяжести, обозначаемое обычно буквой «*g*».

В первые три секунды камень опускается на 45 метров. Если предметы на «Виланде» сохранили сотую долю их нормального веса, то в первые три секунды они должны вместо 45 метров опуститься лишь на столько же сантиметров. Это уже не падение, а плавное питание.

— Все это я прекрасно понимаю. Значит, уменьшение веса получается от уменьшения притяжения Земли, вследствие удаления от нее?

— Приблизительно так, но не совсем. Тем, что у нас еще имеется вес, мы обязаны нашим дюзам.

— Нуужели ты хочешь этим сказать, что нашим весом мы обязаны твоему рычагу и что мы станем совершенно невесомыми, как только ты поставишь свой рычаг на пуль?

— Это именно я и хотел сказать, — спокойно ответил Гардт.

— Но, милый мой, подумай только: не можешь же ты так просто уничтожить притяжение Земли своими машинами? Или же...

— Конечно, я этого не могу, — улыбнулся Ганс Гардт в ответ, — притяжение Земли сохраняет свою силу, хотя и очень слабую в лаком отдалении.

— Сгораю от любопытства узнать, как ты теперь отсюда выберешься, — сказал Алекс, качая головой.

— Заметь следующее, дядя Алекс. Если я совершенно остановлю звездолет, то все, что в нем находится, всецело подпадет под действие земного притяжения. Он превратится тогда в свободно падающий, ничем не поддерживаемый камень. Все предметы, находящиеся внутри, будут так же мало давить на свои опоры, как ранец на спину человека, падающего с горной высоты.

Приятная перспектива! Значит, мы падаем опять в Боденское озеро?

— Нет, от этого избавляет нас наклонная скорость. Мы падаем, но не с возрастающей быстротой вниз, а с уменьшающейся быстротой вверх.

— Падать... вверх... — стал запинаться археолог. — Нестань, у меня кружилась голова от таких объяснений. Самые трудные иероглифы — детская игрушка в сравнении с проблемами, которые ты излагаешь. Математика действительно пренеприятная наука!..

Он взмахнул руками, словно защищаясь, и так как ремни, которыми он был привязан к стулу, при этом развязались, он сделал превосходный прыжок вверху.

Ганс Гардт опять усадил рассердившегося ученого на стул и сказал ему:

— Ничего не поделаешь, для Алекс, каждый человек лучше всего разбирается в том, что он изучил. Твои исследования древностей и объяснили преданий так же чужды и непонятны мне, как Айдерлю непонятно запрещение пить вино. Позволь мне только сделать одно замечание. Мы станем невесомыми лишь тогда, когда ничто не будет влиять на свободное движение «Влада» под действием тяготения — ни сила машин изнутри, ни сопротивление воздуха извне, и это — независимо от того, как близко мы будем от Земли или от другого небесного тела.

Гардт прервал свой разговор. Он с удивлением пагнулся и стал прислушиваться к шуму, доносившемуся сверху.

— Что случилось с Айдерлем? — спросил он в беспокойстве. — С ума он сошел, что ли: спорит сам с собой!..

ГЛАВА 15

Четвертый пассажир

Из кладовой доносились крики и брань. Повидимому, Андерль был чем-то взбешен: он изрыгдал ужасающие проклятия.

— Голодранец! Бесстыдник!.. Я тебе покажу! Убийца-ка отсюда, обормот!

Гардт предчувствовал что-то неладное.

— Андерль! — крикнул он, — что там случилось?

Но Андерль продолжал кричать и браниться, и в его голосе слышались угрожающие нотки.

— Послушай-ка, паренек, если ты сейчас не выползешь, я дам тебе такую взбучку, что ты полетишь кувырком! Слышишь?

А вслед за тем раздался страшный грохот. Ящики сталкивались, жестянки гремели...

— Вот так! Теперь ты в моих руках! — заорал опять Андерль, и тотчас же появился в кашине.

Он держал в своих могучих лапах человека, который всячески оборонялся: вертелся и кидался из стороны в сторону, так что оба потеряли равновесие. Они бросались друг на друга, как петухи, и сплелись в неразрывный клубок.

Ганс Гардт схватил одного за ноги и рознял дерущихся.

— Этот человек изрядно груб и вискользко не джентльмен, — сказал вновь появившийся, в котором Гардт, к величайшему своему и умлению, узнал Томми Бигхеда.

— Как вы здесь очутились? — спросил он озадаченный.

— Он спрятался в кладовой, — ответил за него Андерль, — Голод выгнал его оттуда. Половину окорока слопал, подлец, жирный кусок в два кило. Я заметил, как он пробирается из кухни обратно в свою дыру. Он хотел улизнуть, да я с ним хорошенько поговорил...

Этот «хороший разговор» Ганс Гардт и слышал.

— Успокойся, Андерль, — приказал он и посмотрел на вновь появившегося. У него был довольно жалкий вид; он был избит, окровавлен и покрыт шрамами. При подъеме звездолета его не защищали никакие гамаки, и он должен был особенно страдать в эти минуты.

— Вы перед стартом скрылись в ракете, мистер Бигхед? — начал инженер свой допрос. — Как это могло случиться?

— Весьма просто, — ответил совершенно спокойно американец. — Я заранее подделал ключ к кладовой, а когда вы беседовали с корреспондентами и показывали им «Виланд», я забрался в кладовую и устроился там.

— Мистер, — сурово заметил Гардт, — вы позволили себе совершенно недопустимое нарушение доверия. Эта авантюра может оказаться для вас роковой. Разве вам неизвестно, что в моих руках и жизнь и смерть пассажиров «Виланда»?

— Ничего! Я — гражданин Соединенных штатов и лучший репортер штата Мичиган. Если вы убьете меня, вы нарушаете наш контракт. Я один имею право давать отчеты о поездке на Луну. А покойник разве в состоянии писать отчеты?

Гардт не знал, нужно ли возмущаться нахальством репортера или же смеяться.

— Чтобы иметь возможность писать хорошие отчеты, — продолжал Томми, — я должен вместе с вами совершить поездку. Я сказал вам это еще в Фридрихсгафене. Томми Бигхед держит свое слово! Да!

Инженер залумался и стал ходить взад и вперед. Затем, он подошел к Томми и резко сказал:

— Называйте ваши действия как угодно, но факт остается фактом: вы совершили дерзкий налет и не представляете себе всех последствий своего поступка.

— Не понимаю, почему мое присутствие так вам не- приятно, — сказал Бигхед, слегка обидевшись. — Что вы, собственно, против меня имеете?

— Тем, что вы столь странным путем совершили с нами полет, вы не только подвергли опасности себя и всех нас, но и поставили под вопрос успех всего предприятия.

— Я угрожаю вашей жизни?.. — повторил тихо Томми. — Меньше всего думал я об этом! Каким образом?..

Инженер обменялся взглядом с Аnderлем, а затем сказал:

— «Виланд» рассчитан на трех пассажиров, но не на четырех.

— Найдется маленькое mestечко и для меня. Я могу опять устроиться за лицами.

— Не в месте дело, а в вашем весе! Каждый килограмм полезного груза требует громадного количества горючего. Наши хранилища строго рассчитаны на определенный груз. Теперь для меня ясно, почему при подъеме получился у нас излишний расход горючего. Вы — причина этого.

— Неужели это так важно? Я полагаю, на таком колосальном корабле, не уступающем «Цеппелину», найдется излишек в какие-нибудь полсотни килограммов.

— При подъеме это сравнительно небольшое превышение веса не так заметно. Но при возвращении на Землю, когда «Виланд» будет иметь лишь шестидесятую долю первоначального веса, лишние 70 килограммов вашего тела могут иметь весьма крупное значение. Космическая скорость, с которой мы будем падать на Землю, должна тормозиться противодействием вытекающих газов. Теперь я сильно опасаюсь, что запасы гремучего газа будут недостаточны, чтобы затормозить свободное падение. Если мы не сможем уменьшить нашу скорость до нуля, ошибемся хотя бы на 50 метров в секунду, это будет означать неминуемое падение и гибель.

— Господи! — воскликнул смертельно испуганный Бигхед. — Обо всем этом я меньше всего думал... Неужели мы должны немедленно вернуться? — прибавил он сокрушенно.

— Это нисколько не изменило бы нашего положения. Дальнейшая поездка на Луну и вокруг Луны потребует так мало энергии, что мы своим немедленным возвращением ничего не выиграем. Наоборот! Изменение нашей теперешней скорости, которая направлена от Земли, потребует гораздо больше энергии, чем полет на Луну.

— Великолепно! Я тоже за то, чтобы мы выполнили намеченный план. Если даже нам придется протянуть ноги, все же лучше раньше посмотреть на Луну. Однако, жаль... Неужели нет возможности обменяться сообщениями с Землей? Было бы нелепо, если бы мистер Тиллер не получил ни одного сообщения для «Вечерней почты». Он проклянет меня и заставит моих наследников возместить ему 200 000 долларов, которые он вложил в это дело.

Несмотря на свой гнев, Ганс Гардт не мог не признать достоинства американца. Этот делец не был трусом и не знал страха смерти. Другой на его месте думал бы только о своем спасении, а Томми Бигхед был озабочен лишь тем, как бы исполнить свой долг и удовлетворить свою газету. Хотя Гардт посмеивался над титулом «лучшего репортера штата Мичиган», но должен был признать, что Томми Бигхед честно заслужил это звание.

Голос капитана звучал поэтому мягче, когда он послал Томми в спальню:

— Прежде всего вам нужно отдохнуть, мистер Бигхед. Попспите несколько часов. Потом мы еще потолкуем о создавшемся положении.

Томми согласился. Он обошел Аnderля и исчез.

— Проклятый парень! — рассыпался дядя Алекс. — Во всяком случае он не может пожаловаться на недостаток вежливости. Почему ты был с ним так любезен?

— Совершенно верно, доктор, — согласился Аnderль. — Я бы ему так наложил по зубам, что он всю жизнь не ел бы больше ветчины!..

— Все это совершенно бесцельно, — сказал нетерпеливо Гардт. — Он здесь, и высадить его мы не можем. Важнее, разрешить вопрос о горючем.

— Неужели при спуске на Землю четвертый пассажир имеет такое огромное значение, что нам всем грозит опасность? — спросил дядя Алекс.

— К сожалению, именно так, — сказал Гардг. — Перед спуском нам придется выбросить за борт весь излишний груз: инструменты, кровати, запасы, всю кухню, даже оптические инструменты. Всем тем, что нам было необходимо в пути, придется перед спуском пожертвовать. Лишь при этом условии хватит наших запасов горючего, и мы сможем избежать падения на Землю. Теперь придется найти для выбрасывания еще добавочный балласт, вес которого равнялся бы весу репортера. Томми Бигхед сыграл с вами плохую шутку.

Он углубился в размышления. Все молчали.

ГЛАВА 46

Солнце на ночном небе

Ближайшие тридцать минут путешествия прошли спокойно и ничем особым не означеновались. Вне корабля ничего не было видно, за исключением сияющих на небесном своде звезд и бледного диска Луны, который, казалось, никак не приближается.

Алексу показалось весьма странным сначала, что путь «Виланда» направлен вовсе не к Луне. Но приобретенные им здесь сведения по астрономии дали ему возможность вычислить, с какой скоростью Луна совершает свое обращение вокруг Земли.

— Пока мы приедем туда, где Луна должна находиться, она уже будет там... — сообразил он.

Голос Андерля прервал его размышления:

— Взглядите-ка на огненную лугу внизу! Земля!..

Мгновенно все очутились у окон и стали смотреть в пропасть, которая разверзлась под ракетой.

На краю беззвездного черного небесного свода пыпал огромный полукруглый огненный венец. Яркие лучи солнца лизали наружный правый край земного диска, порождая в атмосфере сияющие выступы.

Как будто гигантский темный, мрачный диск Земли, кавающийся отсюда в 12 раз больше лунного, раскалился у краев и излучает могучие споны света. Лунный серп казался незаметным, ничтожным, в сравнении с огромной световой дугой пылающей Земли.

Потрясенные пассажиры «Виланда» не могли оторвать взора от этой сказочной картины.

— Ни один человек до нас не видел ничего подобного, — прошептал Алекс. — Восход солнца в мировом пространстве! Это какая-то грэза!

— Аnderль, позови сюда мистера Бигхеда, — распорядился Ганс Гардт.

Лида Алекс выразил своим взглядом полное согласие. Было бы жестоко оставлять репортера спать в то время, когда из окон ракеты можно было наблюдать такие величественные, незабываемые красоты.

Американец не заставил себя долго ждать.

— Что случилось?

Даже его многословие сразу пресеклось, едва он взглянул в окно. Он, как и прочие, погрузился в молчаливое созерцание небесного ландшафта.

Блеск диска Земли усиливался. Казалось, споны света стремятся слиться в одну яркую, ослепляющую точку. Солнце медленно выдвигалось из-за Земли. У наблюдателей стали болеть глаза. Продолжать смотреть на этот яркий свет невооруженным глазом стало совершенно невозможно.

— Внимание! Для нас наступает день!

Этот взорглас капитана заставил всех оглянуться внутрь ракеты.

Здесь стало светло: снизу проникали солнечные лучи и ярко заливали сводчатый потолок теплыми лучами света. Свет пробивался даже сквозь шторы, закрывавшие некоторые окина.

После восемнадцатичасового путешествия в темноте, на «Виланде» засиял дневной свет, не оставлявший уже путешественников до конца пути.

Яркое теплое солнечное сияние заливало теперь освещенную сторону ракеты, тогда как затемненная продолжала пребывать в глубокой тьме. Безоблачный день улыбался сквозь окна, обращенные к солнцу, и черная, мрачная ночь зияла из окон противоположной стороны.

День здесь не походил на земной. Над «Виландом» не тянулось синее небо: небесный свод оставался густо черным, и на нем спокойно блестели звезды. Даже вблизи

солнца можно было различать каждую звезду. Если бы Коперник в свое время имел в своем распоряжении такую машину, как «Виланд», ему не пришлось бы сойти в могилу, ни разу не видав Меркурия¹.

Те предметы, на которые солнечные лучи падали непосредственно, и наружные оконные рамы светились сверхъестественным фосфорическим блеском, являясь резким контрастом черному небу, и отбрасывали свет внутрь ракеты; в результате последнее действие Земли на ракету — тени — исчезло.

«Виланд» безостановочно продолжал свой космический путь. Расстояние между ним и Землей увеличивалось с каждым часом на тысячи километров.

Ясный, светящийся лик луны становился полнее и шире, а шарообразная Земля приобретала все более пластическую форму.

От времени до времени по диаметру серпа Земли можно было точно измерять расстояние «Виланда» от Земли и определять скорость его в каждый отдельный момент.

Поскольку не мешали облака, можно было распознавать на освещенной части Земли ее отдельные очертания и отличать коричневатые рельефы суши от темных морских пространств. К северу от тропиков коричневый цвет земной поверхности переходил в светло-серые тона. Северное полушарие было покрыто снегом, а северный полюс оставался скрытым во тьме полярной ночи.

Целыми часами проводил Алекс у большого телескопа, который был теперь направлен вниз, и наблюдал за появлением и исчезновением отдельных частей Земли.

За вращением Земли было так же легко наблюдать, как и за движением заходящей Луны на Земле.

Через телескоп можно было видеть едва уловимые очертания больших городов, которые казались чуть заметными блеклыми точками. Тени больших горных хреб-

¹ Великий реформатор астрономии ни разу не видел этой планеты, так как для невооруженного глаза она теряется в солнечных лучах (в тех широтах, где жил Коперник).

тов, как Кордильеры, Альпы, Карпаты и Гималаи, значительно облегчали ориентировку.

Хорошо было бы, — заметил однажды Алекс, — если бы в нашем распоряжении были сильные подзорные трубы, которые дали бы нам возможность различать отдельные дома. Мы могли бы тогда увидеть Фридрихсгафен и контролировать кривую нашего воздушного крейсера. Небольшой поворот, — и глаз перескочил бы от Бухареста в Нью-Йорк.

— Потерпи недолго, дядя, и в твоем распоряжении, будет подобный телескоп, — заметил Гардт. — Как только мы покинем «Виланд», я построю такую комбинацию дивиз, которая окажется в десять раз сильнее самого мощного телескопа в мире. Тут нет туманного воздуха, поглощающего лучи, которые препятствовали бы нам использовать любое увеличение. Да, не замечашь ли ты, что стало холодновато?

Действительно, температура внутри корабля упала ниже точки замерзания. Теплота, которую породило трение о воздушную оболочку Земли, давно уже улетучилась, а электрическое отопление не могло заменить потери тепла.

— У меня имеется весьма легкое средство установить любую температуру, — сказал инженер. — Для этого нужно лишь уловить солнечное тепло. Но...

— Какое тут «но»! Солнце очень мало пострадает, если уделит нам кое-что из своего изобилия.

— Да, солнце-то не проиграет, но директор Кампгенкель...

— Какое дело Кампгенкелю до того, что мы тут мерзнем?

— Нас потеряют из виду...

— Решительно ничего не понимаю!

— Гм! Ты, вероятно, заметил во время поъема, что внешняя оболочка ракеты на одной своей стороне выкрашена в черный цвет, а другая — отполирована, как зеркало. Зеркальный слой обращен к солнцу и отражает не только солнечный свет, — благодаря чему мы хорошо видимы с Земли, — но также и теплоту солнца. Если я теперь поверну нашу ракету так, что черная ее половина

будет поглощать солнечные лучи, ракета станет значительно слабее отражать лучи в пространство. У нас тогда будет тепло, но на Земле нас потеряют из виду. Там все станут ломать голову над тем, куда мы девались. Тот минимум света, который черная поверхность ракеты будет отбрасывать, вряд ли окажется достаточен, чтобы проникнуть через воздушную оболочку Земли, от которой нас теперь отделяют 150 000 километров с лишним.

— Это неприятно, — проворчал учёный. — Но неужели ты не можешь устраниТЬ это неудобство отоплением?

— Чтобы на нашем огромном «Виланде» поднять температуру от 270° ниже нуля до комнатной температуры, необходимо такое громадное количество тепла, которого мы не можем получить помощью имеющихся в нашем распоряжении средств. Об этом нечего и думать. Придет^{ся}, очевидно, лишить земных наблюдателей возможности видеть нас в течение некоторого времени.

— Как произойдет этот поворот?

— Между помещением для жилья и баками расположены три маховика, которые приводятся в движение небольшими электро-моторами. Оси этих колес перпендикулярны друг к другу; при вращении маховика, ось которого совпадает с осью длины ракеты, вся ракета, согласно законам механики, движется в противоположном направлении. Таким образом, ракета может получить любое направление при помощи маховиков. Эти гигантские колеса должны вращаться очень быстро. Чтобы ракета перевернулась в течение одной минуты, колеса должны в то же время совершить во столько раз большее оборотов, во сколько раз их масса меньше массы «Виланда».

При этих словах Гардт включил мотор.

Послышался глухой шум, который постепенно перешел в свист. Медленно, почти незаметно, солнце и Земля обернулись вокруг «Виланда»; еще полминуты — и поворот кончился. Свист снова перешел в ворчание, в глухой шум и замолк.

Так случилось то, что человечество потеряло ракету Гардта из виду и считало ее погибшей.

ГЛАВА 17

Свобода

Работа взрывного механизма ослабела, и движения пассажиров становились с каждой минутой все более необычайными.

Наши путешественники вовсе перестали ходить. Вместо этого, им приходилось все время кувыркаться самым при-чудливым образом. Они к этому привыкли, как к обыденному явлению. Малейшее неосторожное движение — и человек летел вверх или в сторону. На полу можно было удержаться лишь в том случае, если осторожно и медленно ползать, держась за прикрепленные всюду поручни.

Когда сила тяжести уменьшилась в тысячу раз, и вес человека в соответствии с этим упал до 70 граммов, Ганс Гардт пригласил своего дядя совершить вместе с ним экскурсию за борт ракеты.

Надо сознаться, что дядя Алекс не особенно был распо-ложен оставить крепкую оболочку «Вилянда» и отдаваться всецело во власть неизвестности; однако, такая прогулка крайне улыбалась ему. Любопытство оказалось сильнее страха неизвестности, и он перестал колебаться. К тому же, за последнее время он до того привык к состоянию невесомости, что перестал опасаться каких-либо сюрпризов с этой стороны.

Резиновые костюмы были приготовлены. Гардт обла-чился в такой костюм, и только шлем оставался еще у него

в руках. Он поворачивал его во все стороны и тщательно осматривал.

— Тяжесть столь ничтожна, — заметил он мешкавшему еще археологу, — что мы будем отдаляться в открытом пространстве от нашей машины лишь со скоростью одного сантиметра в секунду, а такая скорость не представляет никакой опасности.

— Да, — согласился для Алекса, — понемногу привыкаешь к мысли, что вся наша жизнь и благополучие зависят здесь исключительно от твоих математических формул, а смерть явится в результате какой-либо ошибки в твоих расчетах.

— А разве на Земле обстоит иначе? — спросил Гардт, улыбаясь...

Ганс Гардт преподал для еще некоторые правила поведения вне корабля и предупредил его, чтобы он немедленно поспешил обратно на машину, как только почувствует малейшее затруднение в дыхании. Гардт подробно объяснил ему также устройство и употребление телефонного кабеля, который был намотан на катушке. Один конец кабеля был протянут внутри шлема и включен в микрофон, другой конец надо было соединить снаружи с каким-либо из многочисленных штепселей на машине.

— Не забудь, — заявил инженер, — прежде всего включить кабель. Мы сможем тогда разговаривать друг с другом, а также сохранить связь с Андерлем, который остается на машине. Благодаря тому же кабелю сможем мы в любой момент опять вернуться на машину. Итак, в путь!

Андерлю он строго приказал не изменять действия дюз.

Инженер еще раз тщательно осмотрел шлем и убедился, что все благополучно. Только после этого он открыл внутреннюю дверь шлюзовой кабинки и впустил туда Алекса. Гардт тщательно закрыл дверь и отвинтил воздушный клапан, через который воздух со свистом устремился наружу из кабинки. Резиновые костюмы до того раздулись, что для обеих фигур едва хватало места в маленькой кабине.

Гардт нажал наружную дверь, и два человека выскочили в мировое пространство.

Алекс весьма осмотрительно стал ползать по гладкой поверхности машины. Он включил свой кабель и немедленно услышал голос Гардта, который, казалось, дозвонился издалека, хотя племянник его находился ~~тут же~~ рядом.

— Дядя Алекс, — говорил этот голос, — слышишь ли ты меня? И каково твое дыхание?

— Безуокоризненно!

Сношения между двумя путешественниками в пространстве были установлены. Эти две странные фигуры пустились в путь вокруг «Виланда», взавшившись за руки, на которые были надеты кожаные рукавицы; при этом проволока кабеля легко сматывалась с катушки. Если бы они не привыкли за последние дни к состоянию невесомости, то первый же неосторожный шаг отнес бы их далеко от ракеты. С трудом удавалось им сохранять связь с машиной.

— Что это? — воскликнул вдруг изумленный дядя. — Что случилось с нашим небесным крейсером?

Одного неловкого движения было достаточно, чтобы равновесие сразу нарушилось. Дядя оказался вне связи с машиной и стал медленно парить в пространстве.

— А в чем дело? — спросил Ганс Гардт, который также не мог больше держаться у машин и начал парить.

— Посмотри, какой вид имеет наш гордый «Виланд», — сказал Алекс. — Он словно заболел корью.

Действительно, наружная оболочка «Виланда» была вся покрыта мелкими и крупными пятнами, которые блестели на солнце всеми цветами радуги.

Гардт рассмеялся, и этот смех в телефоне звучал точно кашель.

— Не беспокойся, дядя, эти пятна попросту ледяные сосульки, в которых преломляются солнечные лучи. При подъеме кое-где на «Виланде» осела влага, которая потом замерзла.

Еще минута, и кабели размотались во всю длину. Растигнувшись, они крепко держали этих людей, которые были похожи на связанные баллоны, висевшие на расстоянии сотни метров от «Виланда».

Ярко выделялись сверкающие в лучах солнца шлемы и костюмы в окружавшей непроглядной тьме. День и ночь словно заключили между собой фантастический союз.

Воздушный корабль казался гигантской гранатой, блестящим, редким чудовищем, прорезающим мировое пространство.

— Каким образом вернемся мы на нашу машину? — спросил Алекс, успокоившись по поводу замеченных им пятен на «Виланде».

— В кармане твоего пневматического костюма ты найдешь маленький револьвер, — гласил ответ. — Выстрели один раз, и в силу отдачи начнешь двигаться. Кроме того, ты спокойно можешь вернуться туда по кабелю.

Алекс последовал этому совету и через некоторое время вновь очутился на «Виланде». Успех выстрела придал ему бодрость и веру, и он опять пустился витать вокруг «Виланда». Археолога охватило чувство огромной неиспытанной радости и свободы; он захлебывался от восторга, несмотря на свои 54 года.

Необыкновенно легко и приятно было скользить и витать, блестеть и сверкать всеми линиями и частями своего тела в солнечном сиянии, в ночной тьме, на фоне звездного неба.

— Берегись, дядя! — раздался вдруг голос инженера, — берегись дюз. Кабель, правда, не достигает конца нашего корабля, но он может оторваться. Если же твой водолазный костюм погрузится в потоки газа, то и без всяких ошибок в моих вычислениях ты отправишься в вечность.

— Буду внимателен, — ответил Алекс.

Возвращение на «Виланд» произошло таким же образом, как и выход оттуда. Когда Гардт добрался до кабинки, он прежде всего открыл клапан внутренней двери и, выпустив воздух из корабля в шлюзы, выравнял давление. Внутренняя дверь после этого легко открылась; летчики получили возможность снять свое снаряжение и обменяться впечатлениями без помощи телефона.

— Поразительно! — воскликнул Алекс в восхищении. — Там снаружи даже не было холода.

— Воздух в надутом водолазном костюме и зеркально-гладкая внешняя оболочка защищают от потери тепла, — заметил Гардт. — Если бы наши костюмы долго сохраняли воздух, то не было бы никакой опасности замерзнуть. А заметил ты, что наш корабль делает сейчас 80 километров в минуту?

— Нет, не заметил этого, — сказал доктор Гардт. — Я вообще не ощущаю того, что мы путешествуем. Скорее мне кажется, что мы находимся на каком-нибудь космическом курорте.

— Да, это все та же история с гусеницей и вентилятором. Нам, например, кажется, что «Виланд» стоит совершенно неподвижно. Земля же и Луна движутся. Но такое впечатление будет у нас лишь до тех пор, пока ничто не влияет на движение нашего корабля. Однако, лучше не думать об этом.

Теперь наступила очередь Андерля вылететь в пространство. Предварительно его научили, какие он должен делать движения и т. д. Томми Бигхед тоже получил водолазный костюм.

Все занялись теперь постройкой гигантского телескопа. Вогнутое зеркало, поперечником в несколько метров, из посеребренной жести было помещено на металлических шнурах в расстоянии нескольких сот метров от ракеты. Изображение в этом зеркале улавливалось специальным окуляром, находящимся в каюте капитана. В этом и все устройство телескопа. Зеркало специальными шнурами могло передвигаться и устанавливаться в любом положении. Телескоп увеличивал во много тысяч раз; в него можно было видеть очертания суши и даже высокие здания больших городов. Путешественники испытывали при этом такое наслаждение, подобно которому никто из них никогда не переживал.

Вследствие вращения Земли те пункты, которые удавалось уловить в поле телескопа, быстро исчезали из поля зрения. Нужно было поэтому особенно наловчиться, чтобы поймать какой-нибудь объект и с помощью шнурков направлять телескоп в желаемом направлении.

Ганс Гардт, между тем совершенно приостановил работу дюз, в результате чего исчезла всякая тяжесть. Понятия «верх» и «низ» перестали существовать.

Все предметы внутри космического корабля, которые не были привинчены, витали в каютах. Люди также плавали, размахивая руками и ногами, как пловцы, если только вблизи не было какого-либо предмета, за который можно было ухватиться и удержаться.

Все столы и стулья были убраны и запрятаны в кладовой, гамаки были свернуты, а веревочные лестницы убраны, — ими не приходилось больше пользоваться. Теперь нужны были лишь свободные пространства. В кухне Аnderлю приходилось все время выдерживать жестокую борьбу с непокорными жидкостями. Опорожнить бутылку можно было лишь в том случае, если жидкость вытягивалась из нее соломинкой. Но если случалось по неосторожности быстро сдвинуть с места раскупоренную бутылку, то содержимое немедленно выскакивало наружу и витало в воздухе в виде жидкого шара, который с большим трудом удавалось вновь поймать.

Скоро наши путешественники привыкли все свободное время проводить вне «Вилянда». Только ограниченное время действия имевшихся у них баллонов с кислородом и необходимость есть и спать мешали еще более продолжительному пребыванию в пространстве. Все, кто не был непосредственно занят работой на «Вилянде», вылезали и парили по эфиру.

В таком состоянии они не заметили, что Луна за это время раскрылась на три четверти, стала подниматься все выше, пока не погнала над капитанской каютой.

На третий день пути звездолет достиг той границы, где притяжение Земли и Луны уравниваются. Перейди эту линию, «Вилянд» вступил в царство Луны и стал мчаться с возрастающей быстротой к нашему спутнику, диск которого, казалось, значительно превосходил своей величиной Землю.

С этого момента Гардт запретил прогулки вне небесного корабля.

ГЛАВА 18

Загадочное открытие.

Чем ближе продвигался «Виланд» к своей цели, тем беспокойнее становился Томми Бигхед.

Он часто обращался к капитану с вопросом о том, нет ли возможности снести с Землей. Он добросовестно изложил на бумаге все замечательные события и приключения этой удивительной экспедиции, и ему очень тяжело было сознавать, что его сенсационные отчеты — огромный капитал — не могут попасть в руки мистера Тиллера.

— Невозможно, мистер Бигхед, — заявлял ему Гардт в сотый раз. — Чтобы иметь возможность передавать по радио сообщения на расстоянии 300 000 километров, нужны такие сооружения, которых нет еще во всем мире. Кроме того, у нас нет и никакого передатчика.

— А световые знаки?

— С помощью гигантского зеркала, пожалуй, можно было бы послать на Землю сигналы по азбуке Морзе. Но мало шансов на то, что сигналы эти будут кем-либо приняты. Кроме того, надо иметь в виду, что вся Средняя Европа сейчас в облаках.

— А все же, среди сотни обсерваторий на Земле, может быть найдется хоть одна, которая заметит наши знаки, — возразил упрямый Томми. — Не может же быть, чтобы решительно все было окутано туманами! Давайте сигнализировать — вверх, вниз, в стороны... Авось, кто-нибудь заметит нас.

Гард улыбнулся.

— Скажите, милейший мистер Бигхед, как вы себе все это представляете? Неужели вы полагаете, что мы можем на расстоянии 300 000 километров делать такие же опыты, как на артиллерийском полигоне? Наши световые знаки могли бы быть приняты самыми сильными рефракторами, при максимальном увеличении яркости, лишь в том случае, если бы эти наиболее усовершенствованные инструменты были направлены прямо на нас, а наши зеркала, в свою очередь, были бы установлены прямо на наблюдающие нас обсерватории. Мы ведь не можем посыпать знаки всем существующим обсерваториям и надеяться, что как раз в данную минуту их телескопы направлены на нас и что где-то далеко сидит наблюдатель, настолько опытный, чтобы разобраться в азбуке Морзе. Слишком многое требуете от всесильного случая, мистер Бигхед.

— Жаль, — сказал огорченный Томми, — жаль таких сенсационных статей...

— Придется подождать с ними, пока мы возвратимся на Землю, если только мы вообще вернемся...

Опять этот упрек, который мучит совесть Томми и приводит его в отчаяние! В каждом слове, в каждом взгляде своих товарищей по путешествию Томми читал немой укор: «Наша жизнь на твоей совести». — И Томми ужасно страдал от этой мысли. Ведь с каждой минутой приближался роковой момент всеобщей гибели, причиной которой является он.

Непроницаемая маска, за которой репортер скрывал свое внутреннее «я», упала и раскрыла страдающее лицо измученного горьким раскаянием человека.

Чтобы хоть несколько рассеять свои горькие думы, мистер Бигхед внимательно изучал приближающиеся твердые массивы Луны, которые в ярком солнечном свете расширялись и становились рельефными.

Пустынные, окаймленные острыми желобами, равнины сменялись темными, круглыми кратерами, испещренными ущельями и горами, длинные тени которых указывали на их огромную высоту.

Ни леса, ни моря, ни реки не нарушали однообразной жуткой пустыни. От северного полюса до южного — ничего, кроме голой растрескавшейся почвы и крутых горных массивов. Нигде никакого темного пятнышка, которое указывало бы на растительность. Ни малейшее облачко не закрывало вида на старческое лицо этого лишенного атмосферы спутника Земли.

В северо-западной части лунного диска простиралась громадная кольцеобразная гора Коперника, окаймлявшая рядом концентрических гряд глубокую котловину, дно которой, в свою очередь, состояло из темных углублений. Более чем на 4 000 метров над почвой возвышались голые гребни этого огромного цирка, который отбрасывал резкую мрачную тень.

Томми обратил внимание на то, что внутри далекого кратера как будто что-то передвигается. Вот эта точка достигла края кратера, затем она перевалила через горную гряду.

Что это?

Движение на мертвый Луне? Следы жизни?.

Он немедленно обратил внимание Ганса Гардта на эту точку. Тот, в свою очередь, сразу же навел на нее большой телескоп.

— Действительно, — заметил инженер с большим интересом, — эта точка движется и даже очень быстро. Взглядите, пожалуйста, на часы...

— 16 часов 20 минут 8 секунд.

— Спасибо. Скажите мне, когда пройдет ровно две минуты.

Гардт не спускал теперь глаз с загадочной точки на Луне. По делениям телескопа он точно вычислил угол, на которой точка передвинулась в течение двух минут. Так как Гардт знал расстояние от Луны, то мог по этому углу определить и длину пути, пройденного точкой.

— Этот предмет проделал за две минуты почти 170 километров, — сказал он в большом возбуждении, как только закончил свои вычисления. Скорость 1 400 метров в секунду! Она превосходит быстроту движения нашего «Вильяманда».

— Какой же вывод делаешь ты из всего этого? —
спросил для Алекс.

— Очень простой: это не точка на Луне, но тело, которое витает между нами и Луной.

— Еще одна ракета?

Гардт покачал головой:

— Нет, «Виланд» первая пассажирская машина, которая покинула Землю. Я полагаю, мы имеем дело с небольшим небесным телом, которое обращается в качестве спутника вокруг Луны, как Луна обращается вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца. Если до сих пор ни один астроном на Земле не имеет ни малейшего понятия об его существовании, то это объясняется лишь незначительной его величиной. Сейчас эта точка достигнет края диска Луны.

Через четверть часа подозрительное тело показалось за краем Луны, на расстоянии одной четверти ее диаметра.

— Повидимому, оно достигло крайней точки своей орбиты и наибольшего бокового отклонения, — сказал Гардт, не отрывая глаз от телескопа. — Совершенно верно. Оно идет назад к диску Луны. Скоро оно исчезнет за ним.

Он высчитал приблизительно его орбиту.

— Оно обходит свою орбиту в течение трех часов и движется на расстоянии 770 километров от поверхности Луны.

У Александра Гардта разгорелись исследовательские страсти.

— Как ты думаешь, Ганс, если нам на этот раз не удастся спуститься на Луну, — он остановился, но затем быстро продолжал, — было бы весьма жаль, если бы мы не привезли домой ничего положительного. Не могли бы мы, по крайней мере, раскрыть тайну вот этой карликовой планетки?

Инженер задумался, затем ответил:

— В этом нет ничего невозможного

И он развел перед внимательными слушателями следующий план:

— Прежде всего — скорость «Виланда» должна сравняться со скоростью карликовой планетки. Это вполне достижимо. Наша ракета притягивается теперь Луной и

несколько отклоняется от своего пути. Она описывает сейчас дугу параболы, в фокусе которой находится центр Луны; эта орбита приближает нас все больше и больше к поверхности Луны. В то же время наше путешествие, благодаря свободному падению, все время ускоряется. Если расстояние между карликовой планеткой и поверхностью Луны достигнет 800 километров, то она описывает около центра Луны круг радиусом в 2500 километров. Можно ли заставить «Виланд» описывать такую же орбиту вокруг Луны? Вполне.

— Конечно, не совсем легко будет уравнить ход «Виланда» с движением этой планетки, но без этого нельзя надеяться на установление связи с нею. Во всяком случае, попытка эта представляет большой интерес хотя бы с точки зрения маневрирования. А может быть, посещение этой карликовой планетки окажется полезным и само по себе.

— Итак, идем, — крикнул восхищенный Андерль. — То-то будет охота!

Гардт покачал головой.

— Мы должны рассчитывать только на случайную удачу: уверенности быть не может. Мы можем кружиться вокруг Луны сколько угодно; для этого не потребуется энергии, в крайнем случае — пару взрывов, которые не играют роли. Но мы не можем позволить себе роскоши гнаться за карликовой планетой — это потребует слишком много горючего.

Андерль злобно посмотрел на американца, который нарушил все расчеты необходимого количества горючего.

Томми Бигхед побледнев и молча ушел. Он не в состоянии был больше выносить этих упреков. В его возбужденной фантазии начало складываться сперва неясное и туманное, но потом все более определенное страшное решение.

— Проклятие! — прошептал он про себя. — Ты заварил кашу, Томми, ты должен ее и расхлебать...

И он притворился уснувшим.

ГЛАВА 19

Томми действует

Вскоре наступил благоприятный момент для осуществления рокового плана Томми.

Ганс Гардт и Андерль полезли в машинное отделение ракеты, чтобы лишний раз убедиться в исправной работе всех частей машины. Близость Луны требовала особой осторожности, ибо жизнь пассажиров зависела от правильного функционирования каждой отдельно части всех сложных машин, имевшихся на «Виланде».

Для Алекс не отходил от телескопа и с основательностью ученого изучал внутренности лунных кратеров. Он так был углублен в свои наблюдения, что совершенно не замечал того, что делается вокруг него. Таким образом, Томми имел полную возможность осуществить свой замысел.

Другой на его месте просто без всяких водолазных костюмов покинул бы ракету, и в течение какой-нибудь доли секунды от него не осталось бы и следа. В безвоздушном пространстве человеческое тело, конечно, лопнуло бы распираемое внутренним давлением.

Но этот деловой американец не намеревался так дешево отдать свою жизнь.

— Если мне суждено погибнуть, — думал он, — пусть это, по крайней мере, произведет небывалую сенсацию. Прежде всего, я должен набраться как можно больше впечатлений...

Возможно, что в глубине души он делал еще тайную надежду, что спутники, вернувшись на Землю, подробно расскажут о его смертельном полете и, таким образом, увековечат его репортерскую славу.

Он тщательно готовился к своему бегству.

Прежде всего, он плотно поел, — в последний раз. Затем, он надел резиновый костюм, заложил за спину три кислородных баллона, которые действовали в течение шести часов каждый.

«18 часов — довольно продолжительное время, — решил он, — кто знает, что еще может случиться!»

Карманы он наполнил патронами для реактивных револьверов и кроме того еще целый мешок с патронами привязал к телу. Затем написал несколько слов и положил записку на том месте, где обычно висел его водолазный костюм.

Наконец, он крепко привинтил шлем, тихо открыл шлюзовую дверь и очутился вне ракеты, в пустом пространстве.

Он не захватил с собой телефонного кабеля. Некоторое время он крепко держался за внешнюю стенку ракеты и с содроганием смотрел на приближающуюся Луну, которая не была уже похожа на небесное тело.

Широкой дугой растянулась Луна по небесному своду. Если бы абсолютное отсутствие чувства тяжести при свободном полете не уничтожило представления о верхе и ниже, Томми получил бы впечатление, что «Виланд» падает с бесконечной высоты на твердую почву по косой линии.

Чем больше смотрел Томми на сияющую, изрезанную ущельями группу гор, тем больше сомневался он в правильности своего решения. Он охотно вернулся бы на ракету. Это еще было возможно.

Но он вспомнил своих спутников, их неприятные упреки и устыдился своей трусости.

— Начинай, Томми! — заскрежетал он зубами.

Медленно притянул он колени к животу и бросился изо всех сил в пространство.

В результате этого толчка он стал равномерно отделяться от «Виланда». Обернувшись, он увидел ярко освещ

щенный гигантский корпус звездолета, витающий в темноте. Вся эта картина показалась ему видением, нереальным, как сон больного. Томми вынул револьвер и направил его на ракету, словно собирался атаковать ее. Но он прекрасно знал, что патроны холостые.

Три, четыре раза нажал он курок, видел огненный блеск у дула, но не слышал взрыва. Выстрелы ускорили полет Томми. Все больше и больше отдался он от ракеты, которая заметно становилась меньше, и, наконец, превратилась в далекое блестящее пятно.

Томми Бигхед витал теперь в качестве самостоятельного мирового тела в пустыне мирового пространства.

Проходили часы за часами.

«Виланд» больше не был заметен. Вокруг несчастного дарила полнейшая тишина. Лишь слабое смещение лунных гор говорило Томми о том, что он не находится на одном и том же месте, а падает косо к краю гигантского диска.

Одиночество стало невыносимым. Неприятная тишина звучала в его ушах, словно шум Ниагарского водопада на его родине.

— Не покончить ли сразу счеты с жизнью?

Он переживал страшные мученья, не зная, на что решиться: — разорвать ли костюм и сразу положить конец своей жизни, или же медленно сходить с ума в этом ужасном одиночестве?

Нет ли спасения?

Вернуться на «Виланд»? Совершенно немыслимо. Он потерял всякое представление о направлении и не имел ни малейшего понятия о том, где сейчас находится «Виланд».

Остаются две возможности: или кривая его движения превратится в круг, охватывающий Луну, — и тогда в его распоряжении остается еще 15 часов, пока захваченный им кислород не будет целиком израсходован, а потом — смерть от удушения. Или же его путь где-нибудь пересекает поверхность Луны — и тогда он ударится о нее с ужасной силой уже часа через два и разлетится на отдельные атомы.

Так или иначе, его ждет гибель. Ни одного шанса на спасение.

Томми вздохнул. Он заговорил сам с собой, желая услышать человеческий голос. Но он испугался, когда услышал тупые стонущие звуки своего голоса, доносящиеся из шлема.

Холод постепенно стал проявлять его. Зеркальная поверхность резинового костюма не могла долго защищать его от потери тепла, и Томми начал дрожать от холода.

Он попытался сильным движением пловца хоть несколько отогреть свои члены, — но тщетно.

К чему, собственно, все эти усилия? — подумал он. — Все равно скоро конец...

Он покорился судьбе. Одно время он чувствовал еще биение своего сердца, затем ему показалось, что он совершенно потерял способность чувствовать.

Но мозг продолжал работать с удивительной ясностью. С поразительной четкостью, всплыли в его памяти давно забытые события, и он вновь пережил всю свою жизнь. Она промелькнула перед ним в обратном порядке, год за годом, словно развернутая фильма. Наконец, он увидел себя маленьким школьником, почувствовал руку отца на своей голове и услышал старческий голос:

— Томми, у этих немцев имеются идеи, а американцы на них наезжают...

И Томми увидел вдруг вдали сияние золотого доллара на фоне ночи.

ГЛАВА 20

Близ Луны

Вернувшись в рубку, Ганс Гардт измерил угол, над которым видна Луна. По этому углу он тут же вычислил расстояние, отделяющее ракету от Луны.

— Не более 5 000 километров, — сказал он. — Облет Луны скоро начнется.

Он немедленно отдал распоряжения Андерлю, а сам стал наблюдать за угломером и следить за тем, чтобы дюзы были обращены к центру диска Луны.

Маховики начали свое пение, ракета медленно поворачивалась вокруг своей малой оси, и Луна заметно стала спускаться вниз, пока не оказалась овесно под «Видандом».

Не спуская глаз с измерительной шкалы жироисконического компаса, Гардт сказал:

— Сейчас наша орбита проходит на пять градусов восточнее края Луны, но направление меняется, и мы все больше поворачиваем к Луне.

Луна приближалась с роковой быстротой. Каждую минуту можно было все яснее видеть, даже невооруженным глазом, различные горные груши. Необозримая желтоватая пустыня расстилалась под «Видандом».

Так как продольная ось «Виданда» была все время обращена к Луне, а направление пути было несколько косое, то получалось впечатление, что гигантская Луна катится к «Виданду».

Чем ближе подлетал «Виланд», тем сильнее влияло это движение на пассажиров, и они были вынуждены то и дело отворачиваться, чтобы не поддаться головокружению.

— Если нам посчастливится, — заметил Ганс Гардт, не отходя от аппаратов, — мы пересечем круговой путь маленькой планетки таким образом, что при следующем ее обороте встретимся с нею как раз за Луной... Но что случилось? — прервал самого себя Ганс Гардт, бросив взгляд на план предполагаемого пути: — Путь ракеты не согласуется с вычислениями. Если дюзы откажутся теперь работать, мы упадем, — пробормотал он и ухватился за рычаг.

Насосы с шумом заработали, вгоняя жидкое горючее в распылители; почти одновременно поворотом рубильника был включен ток, и ракета задрожала всем корпусом.

Стулья и столы с грохотом полетели на пол, в кухне с треском разбивались стаканы и тарелки.

— Что случилось? — воскликнул дядя Алекс, который впизу курил свою трубку и в испуге бросился в кабину Ганса.

Ганс Гардт не ответил. Он был занят выяснением направления пути, а затем воскликнул:

— Миновало! — и вздох облегчения вырвался из его груди. — Мы проскользнули мимо Луны в расстоянии ста километров от нее. А так как здесь нам не приходится прорезать воздушного слоя, то никакой опасности нет.

Затем он приказал Андерлю внимательно осмотреть всю ракету.

— Это был первый штрих, — сказал он довольный и медленно отодвинул рычаг опять к нулю. — Ты, кажется здорово испугался, дядя Алекс?

— Да, изрядно. Почему вдруг все упало на пол?

— Я не успел во время предупредить вас. Надеюсь, никто серьезно не пострадал?

— Осколки разбитой посуды и синяки в счет не идут... Но как могло случиться, что сразу, одним ударом, восстановилась сила тяжести и нас пронесло сквозь облака?

— Ну, и сказал! Сквозь облака!.. — рассмеялся Гардт. —

Это облака дыма, в которых ракета все время купается. Но все уже позади, а тижесть представляет собою лишь ничтожную долю нормальной тижести на Земле. Мы избаловались здесь, в мировом пространстве, и разучились пользоваться нашими органами движения.

— Не скажешь ли ты мне, наконец...

— Посмотри, дядя, — прервал его Ганс, — как близко теперь мы находимся от поверхности Луны. Неудивительно, что мы уже чувствуем ее влияние.

— Но почему все это произошло так внезапно?

— В течение десяти секунд я заставил вспомогательные дюзы работать наполовину, чтобы таким путем исправить кривую нашего пути, — вот и все. Мне кажется, что в вычисления пути вкрадась у меня ошибка.

— А теперь?..

— Мы просто огибаем Луну. Приготовь свой фотографический аппарат, ты привезешь домой такие виды, которых нет ни у одного коллекционера на Земле.

Потрясающее зрелище представляли собой надвигающиеся с головокружительной быстротой массы гор, мчавшиеся мимо «Виланда». Казалось, горные цепи стремятся поглотить одна другую. Только люди, совершенно не страшащие головокружением, могли выдержать это поразительное зрелище словно мчащихся массивов.

Алекс, не отрываясь, смотрел в окно.

— Скажи мне, пожалуйста, Ганс, — спросил он с некоторым беспокойством, — на какой высоте витаем мы над этой теркой?

Ганс расхохотался над удачным, хотя и шаржированным сравнением.

— Около тысячи километров. Нам предстоит еще приблизиться к ней на несколько сот километров, а потом мы снова будем подниматься. Если бы Луна имела воздушную оболочку, то при таком стремительном полете мы испытывали бы сильную жару.

«Терка» медленно полвинулась в сторону. На далеком горизонте выплывали горы и исчезали в противоположном направлении.

Поразительная движущаяся панорама!

Солнечный свет становился все слабее. Над долиной кратеров спускалась тьма, и лишь вершины гор ярко блестели в надвигающемся мраке.

— Там внизу надвигается ночь, — заметил Гардт. — В местности, над которой мы сейчас летим, день подходит к концу.

«Виланд» приближался к границе тени Луны, границе, отделявшей долгий лунный день, тянувшийся две земных недели, от такой же продолжительной ночи.

Появился Андерль с таким виноватым, огорченным видом, точно совершил какое-то преступление.

— Что ты там нашел внизу? — спросил Гардт. — Что-нибудь испорчено?

— Нет, не то...

— Зачит, все в порядке?

— Несколько стаканов и тарелок разбилось.

— Почему же у тебя такой вид, будто кошка украла твой последний бутерброд?

— Гм, этот Томми...

— Что? Неужели у вас снова произошла стычка? Хватит, Андерль, — сказал недовольным тоном инженер. — Американец здесь и...

— Но, в том-то и дело, — крикнул Андерль, — что его нет...

— Ты с ума сошел, — воскликнул пораженный Ганс. — Куда он мог деваться?

Парень беспомощно пожимал плечами.

— Я обыскал всю ракету... Томми исчез, это безусловно... Я нашел его записку...

Инженер схватил листок:

«Я хочу сам нести последствия своего легкомыслия. Т. Б.» — было написано карандашом на клочке бумаги, и больше ничего.

— Бедный! — прошептал для Алекс. — Кто бы мог подумать... Я считал его более благоразумным...

— Я вовсе не хотел этого... — промолвил Гардт. — Быть может, при спуске удалось бы что-нибудь придумать.

— Неизвестно еще, мертв ли он, — сказал Андерль, который заметно укорял себя. — Он захватил с собой свой

водолазный костюм, и это даст ему возможность некоторое время продержаться.

— Тогда живей! — воскликнул Алекс. — Быть может, он не успел еще далеко пролететь, и мы сумеем спасти его.

Но Ганс Гардт печально покачал головой:

— Если бы за это время дюзы не работали, то была бы кое-какая надежда; но мы ведь совершенно изменили скорость и направление «Виланда», и теперь нельзя себе даже представить, где может находиться Томми Бигхед.

Все телескопы были немедленно пущены в дело. Но несмотря на то, что три путника самым внимательным образом исследовали небесный свод, нигде нельзя было заметить какой-либо светящейся точки, которая могла бы обозначать положение репортера. Он слишком отдалился от ракеты и исчез.

— Ужасно, — сказал для Алекс. — Страшно подумать, что человек одиноко витает в мировом пространстве, не имея ни малейшего шанса на спасенье! Он должен с ума сойти...

— Я хочу надеяться, что он упал на Луну и, таким образом, нашел быстрый конец своим страданиям, — сказал Ганс Гардт, а затем прибавил с горечью: — Нам следовало обращаться с ним осторожнее. Я хотел наказать его за его поступок, пробудить его совесть, а теперь...

Бедный Томми!

Мысль об ужасной участи американца отвлекла было общее внимание от удивительного полета вокруг Луны.

— Скоро мы увидим под собой такие места, которые ни один человеческий глаз никогда не видел, — сказал через некоторое время Гардт. Он пытался рассеять ужасную апатию, охватившую всех, и обратить внимание на другие явления.

— Вот эти серые горы на горизонте принадлежат к тем трем седьмым поверхности Луны, которые никогда не обращены к Земле и вследствие этого совершенно не известны людям.

Ганс Гардт изучал горы, а затем направился к компасу, повертел оптический дальномер и опять стал смотреть на мелькавшие мимо ландшафты.

На его лице отразилось беспокойство.

— В чем дело? — спросил Алекс.

— Поразительно! Мы миновали уже самую близкую к Луне точку нашей кривой и должны были опять подниматься...

— Ну?..

— Между тем, расстояние от Луны не меняется; оно становится не больше, а, пожалуй, даже меньше...

Медленно, но все же заметно, «Виланд» приближался к Луне. Вершины гор, выплыавшие из мрака в яркий солнечный свет, стали мелькать быстрее, — признак, что «Виланд» приближался к поверхности Луны.

Быстро и волнуясь, вертел инженер измерительные приборы, и его глаза беспрерывно перебегали от инструментов на лунные массивы, и обратно.

Взору наблюдателей открылась действительно устрашающая картина. На горизонте виднелись массы нагроможденных гор, а ракета с бесшумной быстротой неслась на них. Спускающаяся темнота еще более усиливала мрачность этой картины.

Ганс Гардт крепко держался за рычаг. Андерль внимательно следил за дюзами, чтобы они были все время направлены перпендикулярно к Луне. Горные вершины все приближались, и Алекс вскрикивал каждый раз, когда верхушки гор чуть не касались «Виланда».

Скоро ландшафты отдалились. Ракета отлетела от Луны, и опасность столкновения миновала.

— Чорт возьми! Это могло кончиться скверно, — вырвался вздох облегчения у дяди Алекса при виде удалившихся гор.

— Это казалось гораздо более опасным, чем было на самом деле. Наши дюзы все время отклоняли нас. Во всяком случае хорошо, что не пришлось прибегнуть к взрывам для корректирования пути.

— Откуда выскочили все эти трудности? — спросил Андерль.

— Не думаю, что наш «Виланд» отклонился от своего пути. Это второе приближение к Луне вызвано причиной, совершенно не зависящей от «Виланда».

— Сама Луна?..

— Безусловно. Меня часто занимал вопрос, почему Луна не вращается больше вокруг своей оси и всегда обращена к Земле одной своей стороной. Имеется много, но далеко не удовлетворительных объяснений этого явления. Теперь мне кажется, я нашел подтверждение мнения венского инженера Гербигера. Луна не шар, но тело, имеющее форму куриного яйца. Это яйцеобразное тело должно всегда своей вытянутой стороной направляться к центру своего притяжения — к Земле. Вот почему диски Луны кажется наблюдателям Земли круговым, и ее вытянутости ни один астроном на Земле еще не мог видеть. Если вы представите себе, что «Виланд» вначале облетал освещенный пояс «яйца», а затем его затененную горную вытянутую часть, то вам станут понятными все явления последних минут.

— Ты, вероятно, прав, — согласился для Алекс. — Будем надеяться, что на обратном пути нам удастся надежным образом изучить очертания Луны¹.

¹ Высказанная здесь догадка о форме Луны не разделяется большинством астрономов и имеет за собою весьма мало оснований.

ГЛАВА 21

Таинственный спутник

Ночь спустилась; на «Виланде» стало темно. Солнце скрылось за Луной, а Земля также была теперь заслонена темной массой этого мирового тела. Ракета с невероятной быстротой отделялась от поверхности Луны, которая скрывалась от взоров путников. Все трое путников были соглашены в том, что необходимо попытаться догнать таинственную маленькую планетку, если только это удастся осуществить с незначительной затратой энергии. Теперь, когда несчастный Томми не отягощал больше ракеты, горючего было достаточно для благополучного возвращения на Землю, и некоторые резервы горючего можно было использовать в целях открытия неизвестной звезды. Непривычная тьма, в связи с пережитыми в последние часы физическими и моральными потрясениями, действовали на путешественников усыпляюще. Чтобы приблизиться к карликовой планете, были пущены в ход дюзы. Хотя они работали слабо, пассажиры «Виланда» все же стали опять чувствовать неприятное отяжеление.

Тяжесть не составляла и десятой доли земной, но пассажиры «Виланда», отвыкшие от всякой тяжести, теперь были к нему особенно чувствительны. Тело казалось напитанным свинцом, тупая тяжесть в голове парализовала все мысли, и ужасная усталость охватила всех.

Алекс впал в такой глубокий сон, словно он был чем-то отравлен. Аnderль и Гардт всеми силами боролись

с охватившей их усталостью. Нельзя было допустить, чтобы ракета совершила свой путь без руководства: это увеличило бы трудность возвращения на Землю.

Теперь задача состояла в том, чтобы постепенным уменьшением скорости и использованием притяжения Луны заставить ракету лететь не по параболе, а по кругу.

Андерль почти засыпал, когда его разбудили слова Ганса Гардта:

— Твердая почва лежит на расстоянии 700 километров под нами. Через несколько минут можно будет «Виланду» спокойно спускаться.

Прекрасный желтый свет залил кабину капитана. Земля показалась из-за Луны и распостерла свой огромный серп — в четыре раза больше того серпа Луны, который в ясные ночи освещает ландшафты Земли.

Через некоторое время Гардт отвел рычаг. Ракета витала на расстоянии каких-нибудь 800 километров над горами Луны, и это расстояние постепенно увеличивалось. Путь ракеты не шел еще по кругу, но при дальнейшем уменьшении скорости никак нельзя было бы падаться догнать карликовую планетку.

— Пока эта планетка не очутится в поле нашего зрения, — сказал Ганс Гардт, — нет и обходится управляемый ракетой. Можно предоставить «Виланду» итти по тому эпизоду, по которому он сейчас лежит. Ракета очень мало отклоняется от пути, к которому мы стремимся.

«Виланд» был теперь предоставлен всецело действию притяжения, и потому тяжесть исчезла. Когда доктор Александр Гардт проснулся, он обнаружил, что опять свободно витает в кабине.

Вскоре в оконо проникли первые солнечные лучи. Глубоко внизу сверкал край Луны, весь испещренный кратерами.

Два светящихся серпа плыли под «Виландом». Луна и Земля соперничали между собой. Но близкая Луна своей фантастической величиной превышала размеры Земли.

Пассажиры приободрились. Тяжесть исчезла, а одновременно улетучилась и усталость, точно дурной сон.

— Солнце с ума сошло, — сказал дядя Алекс, спав вместе с спутниками за завтраком: — когда оно впервые обрадовало нас своим появлением, оно находилось внизу, когда же мы приблизились к Луне, оно засияло сверху, бросая свои лучи в капитанскую рубку; теперь оно снова стыдливо косится на нас сбоку. И как не представила себе, что по-тешнее наше солнце способно на такие трюки. Хуже всего то, что и наша Земля, которую я всегда считал серьезной и почтенной особой, заразилась легкомыслием от солнца. А о Луне и говорить не приходится. Эта старая дева идет своей собственной дорогой, и у нее хватает дерзости состязаться с нашей Землей.

— У тебя, кажется, хорошее настроение, дядя Алекс? — сказал Ганс Гардт. — А ведь еще совсем недавно ты лежал в гамаке и чувствовал себя очень скверно.

— Гм, — проворчал ученый, — я не в состоянии переносить проклятое чувство тяжести.

— Что же будет, когда мы вернемся домой и доктор Александр Гардт будет снова весить 60 кило.

— Замолчи пожалуйста! Я приходу в ужас при мысли об этом. Не взял ли совершить прогулку на Марс?

Инженер расхохотался:

— Ты уже забыл, как уклонялся от участия в полете на Луну, а теперь готов уже пуститься в путь по межпланетному пространству.

— Это объясняется инерцией. Когда я сплю на месте, мне трудно подняться, но когда странствую, я готов бродить без конца, пока какое-нибудь событие не заставит меня остановиться. Как физик и повелитель тяжести, ты должен прекрасно это понимать.

Андерль, между тем, сидел у телескопа и следил за светлой точкой, спутником Луны.

Благодаря объединенным усилиям тормозящих и направляющих взрывов удалось удержать «Виланд» на расстоянии 2500 километров от центра луны и заставить его идти по эллипсу, который приближался к круговой орбите карликовой планетки. А так как «Виланд» двигался быстрее планетки, то должен был ее догнать.

Андерль, внимательно подстерегавший планетку, вдруг открыл в стороне от Луны долгожданную светящуюся точку, которая, казалось, приближалась к ним.

Он сейчас же сообщил об этом инженеру.

— Нам повезло! — воскликнул Ганс, и его лицо осветилось радостью. — Это тело идет параллельно нам.

Он установил телескоп.

— Различие в скорости между нами и этим светилом не особенно велико и может быть выравнено. Жаль, что мы не знаем величины этого осколка. Мы не можем поэтому определить расстояния: оно все еще слишком велико для наших оптических приборов.

Он подождал еще полчаса, а затем крикнул:

— Пора маневрировать! Все в гамаки!

Страсть охотника разгорелась в нем, и в эту минуту он совершенно забыл о несчастном Томми. Он превратился опять в капитана корабля, перед которым стоит трудная, но интересная задача.

Прежде всего, он повернул ракету носом к Луне и на 10 секунд пустил полным ходом дюзы, чтобы несколько приблизить «Виланд» к луне.

Снова появилось ощущение тяжести. Алекс сделал изумительное открытие, что гигантская Луна не находится больше под ракетой, но ее можно видеть высоко наверху, над кабиной капитана.

— Ошибаешься, дядя, — сказал Гардт, не отрывая взора от распределительной доски и рычагов. — Мы движемся не вверх, а скорее вниз, к твердой почве.

— Но ведь лунные горы висят наверху, на небе...

Он показал на верхнее круглое окно, откуда лился ослепительный свет.

— Обман чувств! Он вызван работой дюз, которые в любом положении показывают на «низ», если только находятся в действии.

Донеслось гудение маховиков, а «Виланд» повернул свой сигарообразный корпус параллельно к поверхности Луны.

Теперь поверхность Луны появилась сбоку, точно отвесная стена, простиравшаяся из бесконечной глубины в небеса. Казалось, что ракета падает на эту стену.

Ужасная тяжесть сдавила грудную клетку; но через момент все три путника, сделавшись невесомыми, вылетели из своих гамаков.

Блестящая точка, только что витавшая над Луной, стала значительно увеличиваться.

— Поразительная вещь! — сказал взволнованный Гардт, не отводя глаз от подзорной трубы; голос его лихорадочно дрожал: — Она имеет вид дирижабля, тую перевязанного посередине... Во всяком случае, эта планетка не похожа на шар. Что ты думаешь об этом?

Он передал подзорную трубку Алексею.

— Действительно, — сказал тот, — она не вращается и все время обращена одной и той же стороной к Луне. А... это тело имеет глубокие расщелины... Да, да, я их ясно вижу; в самой середине зияет широкая щель... На стороне, обращенной к Луне, заметно круглое, темное пятно, будто верхушка обломана... В стороне витает еще меньшая кroupинка..

— Повидимому, мы приближаемся к разрешению загадки этой маленькой планетки, — заметил Ганс, который не мог скрыть своего волнения. — Мы были свидетелями зрелища, которого ни один человек еще не видел.

Кто знает, сколько тысячелетий этот осколок уже витает вокруг Луны... Путь его по спирали приближается к центру притяжения, по метру в какой-нибудь десяток лет. А теперь эта «луна Луны» витает лишь в несколих сотнях километров над поверхностью луны. Если бы Луна имела такую же воздушную оболочку, как Земля, этот маленький спутник, под действием сопротивления воздуха, давно уже потерял бы свою скорость и рухнул бы на Луну. Центробежная сила его быстрого обращения увлекает его вверх, близкая Луна тянет книзу, — и он должен рассыпаться. Такова же и судьба Луны! Обломки могут еще долго продолжать кружиться друг около друга по прежнему пути, снова делиться, пока...

Он вдруг прервал свою речь.

— Пора надеть водолазные костюмы. Живо! Я должен буду сейчас тормозить, и опять мы ощутим тяжесть.

Расстояние уменьшилось до трех километров, пока все надевали на себя резиновые костюмы и шлемы. Телефонные кабели были включены; другого способа сообщения между закупоренными в водолазных костюмах пассажирами ракеты теперь не могло быть.

— Все готово?

— Все, — ответили по телефону спутники Гардта.

— Итак, — сказал Ганс Гардт, — как только мы целиком сравняемся в скорости с планеткой, мы с тобой, дядя, выберемся из ракеты. Это будет совершенно безопасно. Мы будем витать вблизи и не упадем, несмотря на то, что Луна так близка. Ты, Андерль, управляешь ракетой и будешь регулировать малейшее колебание скорости, пока мы не установим связи. Гм, эта планетка вряд ли имеет в длину больше 50 метров... Необходимо тормозить, иначе мы пропесемся мимо. В гамаки!

Взрывание началось. Газ устремился паружу. Таинственный спутник Луны значительно придвигнулся к ракете, но все же расстояние от него уменьшалось чрезвычайно медленно. Затем он как бы приостановился метрах в ста от «Виланда».

Дюзы замолкли.

Пути ракеты и планетки стали теперь параллельными. Ракеты и спутник носились по концентрическим близким путям вокруг Луны; казалось, два курьерских поезда мчатся рядом.

— Ну, дядя, идем ского, иначе расстояние опять увеличится, — сказал Ганс Гардт, открывая внутреннюю дверь шлюза.

Ганс и Алекс вышли паружу. Выбравшись из «Виланда», они прежде всего включили телефоны. Андерль выбросил шнур, который одним концом был прикреплен к ракете, а другой конец Гардт обернул вокруг себя.

— Готов ли ты, дядя? — спросил инженер. — Ну, так живо, к планетке.

Некоторое время учёный боролся с головокружением. Его охватил ужас при виде страшной пропасти, которая отделяла «Виланд» от космического тела.

Здесь, когда лунные массивы были так ощущительно близки, когда их огромные пространства сделались подобны сте ли ному материку на черном море пространства, — ученый потерял чувство уверенности, и его охватил ужас при мысли о том, что он может ринуться вниз.

Ганс Гардт схватил своего дядю за руку, медленно согнулся колени, измерил взглядом расстояние и изо всех сил бросился вперед.

Оа путника понеслись, словно падутые резиновые шары. Их костюмы ярко блестели на фоне ночного неба. Телефонный кабель и металлический канат скользили, словно змей. Легко и свободно сматывался канат с барабана. В этом пространстве, свободном от тяжести, не было никаких препятствий.

Андерль на «Виланде» с интересом следил за двумя раздувшимися фигурами, которые затормозили свой полет несколькими выстрелами из револьвера и, наконец, приблизились к планетке, к выступу которой они привязали шнур.

Один из исследователей, поведимому Гардту, ухватился крепко за край расщелины, полез туда и потянул за собой своего товарища.

Кабели вытянулись. Исследователи продолжали двигаться на этом несущем теле. Непредметное любопытство овладело Андерлем. Он выскоцил из ракеты и начал паматывать шнур на барабан, чтобы таким образом притянуть «Виланд» к карликовой планетке.

«Виланд» и планетка медленно сближались.

ГЛАВА 22

На луне Луны

Гардт повсюду, к чему бы ни притрагивался, нащупывал лед.

Прошло некоторое время, пока глаза его не привыкли к полутьме, царящей внутри ущелья.

Вдруг послышался голос Андерля по телефону:

— Господин Гардт, возвращайтесь тотчас же...

— Что случилось, Андерль?

— «Виланд» столкнулся... Кажется, течь...

Голос Андерля дрожал.

Гардт не медлил ни секунды. С максимальной скоростью устремился он к расщелине. Ракета витала в непосредственной близости от планетки. Нижняя дюза глубоко засела в остроконечную расщелину. Какая-то бесформенная фигура ползала вокруг ракеты, — это был Андерль.

— Андерль, что ты сделал?

— Натянул шнур, чтобы подойти поближе... Я не предполагал, что мне не удастся остановить... Я хотел направить дюзы против этого безобразия, затормозить, но было уже поздно... «Виланд» налетел... Надеюсь...

Гардт не стал дольше слушать объяснений испуганного и ошеломленного парня. Он быстро помчался к застрявшему концу ракеты и стал сбивать с него лед...

Вырвался синеватый газовый луч — это было испарение замерзшего газа.

Остроконечный край планетки при столкновении с ракетой глубоко врезался во внешнюю оболочку «Виланда» и повредил бак с жидким водородом. Драгоценное вещество вырвалось наружу со страшным шумом и испарилось в мировом пространстве.

С ужасом и отчаянием смотрел инженер на образовавшуюся глубокую щель. Если горючее вытечет, то нет и не будет возврата. Все тогда погибли.

С быстротой молнии начал он действовать.

Необходимо быстрее осуществить принятое решение. Каждая минута дорога.

— Живо на «Виланд»! Аnderль! Алекс! Скорее! Опасность! — крикнул Гардт в микрофон своего шлема, сам спеша к «Виланду».

Ляля Алекс, между тем, сделал такое открытие на спутнике, что весь покрылся холодным потом. Охваченный ужасом он не сводил глаз с одного предмета.

— Что тут лежит? Бесформенные остатки ног и рук? Тело? Человек? Или — привидение?

Ученый был так взволнован, что у него потемнело в глазах. Медленно стал он приближаться к этой неопределенной фигуре, когда в телефон раздался испуганный голос инженера:

— Алекс, Алекс, где ты? Живей назад, живей, если тебе жизнь дорога! Не теряй ни секунды!

Голос обычно спокойного инженера звучал так, словно на него напала свора бешеных собак.

Не отдавая себе отчета в своих действиях, Алекс схватил обледеневшую глыбу и помчался вместе с нею.

— Ракета близка! — Он спокойно понесся к ней, не подозревая о том, какая опасность ему угрожала.

Сильным движением достиг он люка и вместе со своей находкой забрался внутрь ракеты.

Еще секунда, и крышка люка закрылась. Гардт схватился за рычаг.

ГЛАВА 23

Падение

«Виланд» все еще продолжал витать на неизменном расстоянии от роковой планетки.

— Долой шлем! — приказал Ганс Гардт.

Алекс, ни о чем не спрашивая, немедленно повиновался.

В ту же минуту инженер пустил взрывной аппарат.

Ракета двинулась вперед. С каждой минутой увеличивалось расстояние от космического тела, пока оно вновь не обратилось в светящуюся точку.

Через минуту «Виланд» стал свободно падать на Луну.

В течение двух минут Гардт не препятствовал этому свободному падению.

— Наша скорость, правда, увеличивается, — сказал Гардт, — но это единственная возможность осуществить спуск в то короткое время, которое осталось в нашем распоряжении.

Андерлю было приказано все время держать дюзы по направлению к Луне.

— Не зевай, что бы ни случилось!..

Алекс обслуживал дальномеры.

Расстояние от Луны равнялось теперь 400 километров, а скорость падения достигала 2300 метров в секунду.

Гардт не отрывал своих пылающих глаз от массивов Луны, которые приближались с ужасающей быстротой.

— Внимание! Начинается торможение! — крикнул он и отвел рычаг.

Ужасный толчок погрыз ракету. Стрелка перескочила за крайнюю черту, а тяжесть, словно невидимое покрывало, надвинулась на путников.

Скорость падения уменьшилась. Дюзы начали свою работу, но удастся ли им, с тем небольшим количеством горючего, которое у них осталось, урегулировать эту страшную скорость падения?..

Опасность увеличилась теперь вдвое.

Если торможение окажется слабым, «Виланд», при падении на лунные горы разобьется в щепки. Если же торможение будет действовать сильно, то запасы горючего иссякнут раньше, чем «Виланд» достигнет спасительной твердой почвы, и в итоге — смерть... .

Ганс Гардт взглянул вниз.

Там расстилались желтовато-белые, блестящие равнины, изрезанные темными линиями. Сбоку виднелась могучая кольцевая гора, окружавшая широкую долину.

— Гора Ретик с, — подумал Гардт. — Мы попадем в хорошо знакомые места...

На горизонте виднелась целая масса дико изрезанных гор, уходивших куда-то вдаль.

Алекс однотонно сообщал о расстоянии:

— 10 километров, семь, три. Две тысячи метров...

Твердая почва все ближе, а «Виланд» продолжал стремительно падать. Через двадцать секунд участь его будет решена.

Инженер сжал губы. Если бы он мог решиться...

Он подождал еще пять секунд.

— Тысяча метров высоты, — раздался чужой, старческий голос Алекса.

— 700... 400...

— Есть! — крикнул Гардт, и в ту же секунду он перевел рычаг до самой крайней точки.

— Полная работа всех дюз!

Пять широких огненных струй устремились вниз, бросив вызов твердой почве. Казалось, поверхность Луны зашаталась.

Указатель ускорения подскочил и перешел красную черту.

Гамаки сорвались. Все пассажиры «Визанда» лежали, точно раздавленные черви на полу капитанской каюты.

Андерль изо всей силы ухватился за распределительную доску.

Огненные точки замелькали перед его глазами. Пылающий мельничный жернов придавил ему грудь, размолол его ребра. В бушующем тумане маячил рычаг... В полуосознательном состоянии Андерль ухватился за него зубами, отодвинул его назад и тут же потерял сознание.

Тяжесть исчезла.

Усиленная тяжесть действовала лишь в течение трех секунд, но этого было достаточно, чтобы стулья согнулись, консервные коробки приплюснулись.

Давление сгубило одну жизнь: маленькая спутница, желтая канарейка лежала мертвой в своей клетке. Птичье сердечко перестало биться навеки.

Гардт приподнялся с большим трудом.

— Спасибо, Андерль! Еще пять секунд, и никто из нас не остался бы в живых.

«Виланд» потерял скорость на высоте двадцати метров. Под влиянием слабо работающих дюз, которые преодолевали притяжение луны, «Виланд» понемногу стал опять приподниматься.

Спуск прошел удачно.

Гардт с большой осторожностью передвигал рычаг миллиметр за миллиметром... Ракета медленно спускалась, как падающий лист, и, наконец, села с легким толчком на лунную поверхность.

— Пока мы спасены, — сказал капитан. — Но мы находимся сейчас в местности, по которой не ступала еще нога человеческая, и возврата отсюда нет.

ГЛАВА 24

Сюрприз

Настроение путешественников, несмотря на благополучный спуск, было далеко не блестящим. Перед ними встало так много забот и вопросов, что они совершенно растерялись и не знали, на что решиться. Никто не успел еще разобраться в том положении, в котором они теперь очутились.

Несколько минут все сидели молча в каюте капитана. Каждый был занят своими грустными мыслями.

Андерль чувствовал себя виноватым в том, что в результате его невероятной беззаботности произошло несчастье. Вгоржение Томми Бигхеда казалось ему ничтожной штукой в сравнении с той виной, которую он совершил по своей глупости.

Мысли Александра Гардта были целиком заняты той фигурой, которую он нашел на планетке. Откуда появилось это тело? Как оно туда попало? Эти вопросы так занимали археолога, что он едва замечал окружающее.

Ганс Гардт думал о будущем. Они ужно спустились на Луну, но запасы горючего почти иссякли. Каким образом удастся выбраться отсюда?

«Самое главное теперь — подумал Андерль, — это поесть. С голодным желудком ничего не придумаешь».

Андерль был безусловно прав. Он вскоре попался с коробками консервов.

Гардт смотрел из окошка на чуждый мир, куда судьба забросила их всех.

Перед его взором расстипалось зеленовато-белое пространство, испещренное холмами, темными равнинами, напоминавшими моря. Издали круго поднимались массивы гор, похожие на гигантские головы сахара.

Позади над черной тенью возвышалась высокая, покрытая расщелинами, горная стена, которая казалась краем плоскогорья, ограничивавшего кругозор. Этот горный массив был покрыт многочисленными возвышающимися верхушками и зубцами, словно осыпанными мукой. Зубцы ярко блестели в лучах солнца и фантастически вздымались к темному безоблачному небу.

Необычайный бледноватый, но яркий свет покрывал этот чуждый ландшафт. Это были не сумерки, а светлый день. Не было ни вечерка. Кругом гробовая тишина.

Судя по косому положению рубки «Виланда», ракета не лежала, а стояла, приподнятая косо на своих люзах.

Итак, мы на Луне, — сказал медленно Гардт. — Первые люди, обозревающие этот удивительный мир.

— Ганс, Ганс, — вдруг закричал Алекс, и его голос звучал, словно он сделал необычайное открытие. — Посмотри-ка!

Ганс Гардт обернулся и увидел, как ученый наклонился к какому-то бесформенному, покрытому льдом, телу, которое он захватил с собой на загадочной планетке.

В том волнении, которое переживали путники при падении, никто на эту находку не обратил внимания. Только теперь Александр Гардт принялся изучать безжизненное тело.

— Посмотри на эту штуку, — сказал Алекс с величайшим изумлением, тщательно соскабливая лед. — Это ведь напоминает водолазный шлем...

Заштатерсованный Гардт наклонился к телу.

— Действительно, — сказал он крайне пораженный, — это тело в костюме, который совершенно похож на наши водолазные.

Он задумчиво прибавил:

— Неужели на этой планетке произошло кораблекрушение? Невоюатно! Айдерль, гаечные ключи!

Сопротивление примерзших винтов было скоро сломлено. Как только шлем был снят, раздался единодушный крик:

— Настоящий человек!

Взору наблюдателей открылось синеватое, распухшее лицо с широким лбом и сильно выдающимися скулами.

— Живей раздень его, пока еще не поздно! — кричал возбужденный Алекс.

Он приложил ухо к сердцу неожиданного гостя.

— Он жив! Дышит!

Под руководством Алекса инженер и Аnderль приились приводить в чувство найденного человека. После искусственного дыхания окоченевший организм ожила. Грудь стала приподниматься и опускаться, и скоро человек раскрыл глаза. Его губы зашевелились.

Алекс наклонился и приложил свое ухо к его губам.

Слезы радости потекли по его щекам, когда он ясно услышал слова: «В чем дело?»

Это был Томми, Томми Бигхед!

— А я-то думал, что захватил селенита — сказал Алекс с комическим разочарованием, которое должно было скрыть его радость, — но это будет получше... Неужели это вы, Томми? Живой и невредим!..

— Да, я сам, — прошептал репортер. — Правда, голова ужасно болит и — чорт возьми! — левый большой палец...

Между тем, с Томми был стянут водолазный костюм. По левой руке его тянулся широкий красный шрам, похожий на ожог; это был след обморожения. Рана вызывала боль, но не представляла опасности. Американец скоро настолько пришел в себя, что смог даже подняться.

Глаза его вопросительно смотрели то на одного, то на другого, затем его широкое лицо расплылось в страдальческую улыбку:

— Оол райт! Очень рад видеть вас всех снова. Где мы?

Несокрушимый человек снова стал на ноги.

— Как поживаете?

— Мы теперь на Луне — сказал Аnderль. — Видите, вот сейчас получишь свиное ребрышко... Наешься и, пожалуй, во второй раз не захочешь пуститься в такое

приключение. Ах ты, дурень! — прибавил он дружески.

Он помчался на кухню, чтобы приготовить вкусный завтрак, насколько это позволяли посгрававшие запасы «Виланда».

— Только не увлекайся слишком, — крикнул ему вдогонку Гардт. — Кто знает, сколько придется нам здесь сидеть!..

В то время, как Алекс тщательно перевязывал рану Томми, Ганс Гардт смотрел на него, покачивая головой.

— Пожалуй, это было самое необычайное приключение, когда-либо ком-либо пережитое, мистер Бигхед.

Томми утвердительно кивнул головой.

— Да, это займет целую первую полосу «Вечерней почты». Надо будет дать хороший заголовок: «Живой метеор», или еще лучше: «Путешествие Томми Бигхеда в мировое пространство. Конкуренты лопнут от зависти!.. А мистер Тиллер — от гордости, что лучший репортер штата Мичиган работает в его газете. Что я говорю — Мичиган, — нет, всей Земли, всего мира!

Гардт рассмеялся.

— Вам обеспечено звание мирового чемпиона, мистер Бигхед. Но расскажите все-таки, как вы попали на эту планетку.

— Чрезвычайно просто! Я решил избавить вас от моей, слишком много весящей персоны и пустился в путь на свой риск и страх. Захватив с собой кислород и патроны, я отправился в путь, не имея представления, куда именно направляюсь. Дорога унылая, холодная... Я немного уснул. Когда проснулся, заметил, что ко мне сбоку приближается какое-то большое, светлое тело. Я пустил в ход свой реактивный револьвер и выпустил почти все патроны. Похоже было на охоту на слонов. Наконец, я упал и ухватился за какой-то выступ. Рука еще до сих пор болит от толчка, который я тогда получил. Я куда-то влез и постарался устроиться на почлег. Дальнейшее вам, вероятно, известно лучше, чем мне.

— Это поистине чудо! — сказал задумчиво Ганс Гардт. — То, что ваш путь пересекла планетка не столь удиви-

тельно, как то, что вы очутились там как раз в тот момент, когда планетка прошла ту же точку. Это с чистое совпадение, и на такой шанс я бы не поставил копейки против миллиона! Сколько патронов вы выпустили при встрече?

— Точно не помню, кажется около ста штук.

— Гм, каждый патрон меняет скорость одного человека на 150 сантиметров в секунду. Сто патронов дали вам возможность ускорить или замедлить ваше движение на 150 метров в секунду.

Он задумался, а потом воскликнул:

— Рассчет верен! Различие скоростей вашей и спутника не могло превышать 170 метров в секунду. Тут ничего чудесного нет! Ваше спасение может быть объяснено математически. И однако же это чудо!

— Все это будет мною использовано в моей статье «Путешествие Томми в пустоту». Ладно! Когда мы отправляемся?

— Куда?

— Домой, конечно.

— Или через десять суток, или...

— Или?

— Или никогда, — сказал серьезно Гардт.

— Пока Солнце сидет, — продолжал инженер, — тут можно будет продержаться. Так как солнце не достигло еще зенита, то в этой местности ночь наступит не так скоро. День на Луне продолжается две земных недели. Но когда наступит долгая, двухнедельная лунная ночь, мы будем лишены тепла и погибнем здесь от холода.

— Значит, нам необходимо убраться отсюда заблаговременно.

— Мы все такого мнения, мистер Бигхед, но наши запасы горючего исчерпаны. Если не удастся тут добыть какого-либо горючего для нашей ракеты, то нам нет возврата, и та пустыня, где мы находимся, станет нашей могилой.

ГЛАВА 25

В неведомом мире

За завтраком беседовали о том, что необходимо предпринять в ближайшем будущем.

— Раньше, чем мы решимся оставить «Виланд», — сказал Гардт, — мы должны точно узнать, где мы находимся.

— На Луне, — вмешался Томми, — разве можно еще сомневаться в этом?

— Это безусловно, но ведь Луна не математическая точка, а мировое тело, имеющее более 10 000 километров в окружности. На ее поверхности свободно могла бы поместиться вся Америка.

— Гм, меня крайне занимает вопрос, каким образом вы сумеете установить, на каком именно месте этого мирового тела мы сейчас находимся.

— Это совсем не трудно, если только мы видим Землю. Если наша родная планета отсюда видна, то мы находимся на той половине Луны, которая обращена к Земле и которая поэтому лучше всего изучена.

Три пары глаз устремились к окну.

— Если этот металлический серп там наверху — то наша Земля, — воскликнул Томми, показывая рукой на одно из верхних окошек, — то я облизуюсь за всю свою жизнь не написать больше ни одной строчки!

На темном, почти черном небе, висел огромный, бледный полусерп, значительно превышающий своими разме-

рами солнце. Очертания Европы и части Азии были так ясны даже невооруженному глазу, что обет Томми не представлял собою ничего ужасного¹.

Гардт взял секстант и стал измерять высоту земного диска, сперва одного, затем противоположного края. Среднее из этих двух измерений давало высоту центра Земли над лунным горизонтом.

— 83 градуса 40 минут, — сказал Гардт. — Значит, мы находимся очень близко к центру лунного диска, потому что в центре высота Земли равняется 90 градусам: она стоит в зените. Наше расстояние от этого центра равняется $6\frac{1}{2}$ градусов.

Инженер разложил большую карту Луны и начертил вокруг центра круг, радиусом в $6\frac{1}{2}$ градусов.

— Вот в этом круге мы и находимся, — объяснил он своим заинтересованным спутникам. — Как вы видите, это место находится близко от большого цирка Ретикус, прорезывающего Гиппарх, касается кратера Гершеля и Маклорена, пробегает далее большое расстояние по равнине и, наконец, проходит посредине вот этого кратера, Три-скекера.

— Замечательно! — сказал восхищенный дядя Алекс. — Выбор, однако, достаточно большой.

— Терпение! Мы можем определить наше место и другим способом: измерением высоты Полярной звезды. К счастью, на черном лунном небе можно и днем видеть наиболее яркие звезды. Поищите-ка семизвездье Малой Медведицы, которое вы все знаете.

— Кроме меня, — честно сознался Томми.

— Последняя звезда на хвосте Малой Медведицы есть Полярная; она стоит над северным полюсом Земли. Мы можем надежно ориентироваться по этой звезде и на Луне. Маленькую разницу не трудно будет исправить путем вычислений.

¹ Сомнительно, чтобы, наблюдая Землю с Луны, можно было различать очертания материков: земная атмосфера отбрасывает солнечные лучи в таком изобилии, что планета наша при наблюдении извне должна казаться окутанной светящимся туманом.

Не мало времени прошло, пока Айдерлю удалось найти звезду, мерцавшую на горизонте над гребнем гор.

— Мне кажется, — сказал Гардт, — четыре градуса тридцать минут высоты.

— Как можно использовать это измерение?

— На основании следующих расчетов: для северного полюса Луны высота полюса равняется 90 градусам, для расположенного между полюсами экваториального круга — нулю. Измеренная высота полюса представляет собою, таким образом, угловое расстояние нашего пункта от экватора. Если мы на расстоянии $4\frac{1}{2}$ градусов проведем параллельную экватору линию через северное полушарие, то наше положение должно оказаться на этой линии.

— А эта линия пересечет круг в двух точках, — закончил Алекс. — В одной из этих точек и должно быть место, где мы находимся. Не так ли?

— Совершенно верно! Посмотрим. Западная точка лежит где-то на равнине. Через окна ракеты мы видим недалеко расположенные высокие горы. Таким образом, речь может ити лишь о другом, возвышенном месте, и посмотрите-ка, оно лежит вне сомнений в кратере Триснекера.

— Что? — воскликнул изумленный Томми. — Мы находимся внутри лунного кратера? Это невозможно! Равнина совершенно непохожа на углубление кратера.

— Почему же нет? Лунные кратеры ведь имеют мало общего с знакомыми нам по Земле вулканическими кратерами. В большинстве случаев эти, так называемые, кратеры не представляют собою воронки; это плоские, часто широко раскинутые равнины, со всех сторон окруженные высоким валом. Посмотрите кругом: весь горизонт представляет собою непрерывную горную гряду. Нет сомнения, мы находимся в кратере Триснекера, и это очень отрадно.

— Никак не пойму, что здесь отрадного, — проворчал Томми. — Я бы хотел видеть, как мы выберемся из этой дыры...

— Это место представляет для нас двойное удобство, мистер Бигхед. Прежде всего, кратер нам довольно хорошо известен; в лунном атласе мы найдем снимки этих мест,

которые заменят нам карты генерального межевания. Ошибки совершенно исключаются. А во-вторых... Да вот посмотрите!

Репортер покачал головой, не понимая, почему Гардт с такой радостью показывает на одно из многочисленных делений на распределительной доске.

— Прочтите, пожалуйста...

— 80 миллиметров...

— Вы все еще не понимаете?

— Нет!

— Видите ли, эта стрелка показывают состояние внешнего барометра. Давление снаружи равно 80 миллиметров.

— Так что ж? — спросил Томми.

— Неужели вы не понимаете, какое огромное значение это имеет для нас? Это значит, что снаружи есть воздух, мистер Бигхед! Правда, он вдесятеро разреженнее воздуха на земной поверхности. Но все же это воздух, быть может, кислород!

— Так что мы можем выйти из ракеты без водолазных костюмов? — спросил неуверенно Андерль.

— Нет, этого нельзя сделать. Давление слишком слабое, слабее, чем то, при каком может жить человек. Наша кровеносные сосуды лопнули бы, если бы нормальное давление на Земле уменьшилось хотя бы на одну треть. Но мы имеем полную возможность накачать внутрь нашей ракеты столько воздуха, сколько нам заблагорассудится, сможем набрать необходимые для возвращения запасы живого воздуха. Это кое-что значит! Там, где имеется воздух, может быть найдена и вода, и вероятно какая-нибудь возможность жить...

— Но ведь это противоречит всему тому, что мы знаем со школьной скамьи о спутнике Земли! До сих пор считалось установленным, что на Луне нет атмосферы.

— Безусловно, дядя, Луна давно уже не имеет настоящей атмосферы, иначе мы почувствовали бы ее при нашем спуске. Но это не исключает того, что на дне какого-нибудь кратера сохранились остатки воздуха. Во всяком случае, тут, в нашем кратере Триснекера, воздух безу-

словно имеется. Ты сам в этом убедился. Я надеюсь, что мы сделаем тут совершенно необычайные открытия¹.

Очередная и самая срочная задача — изучить ближайшие окрестности. Первое обследование совершенно неизвестной местности и столь же неизвестных условий представляло не мало опасностей, и потому все пожелали принять в этом деле участие.

— Нецелесообразно выйти всем сразу, — категорически заявил Гардт. — Четверо увидят не больше, чем двое. Кроме того, необходимо оставить надежную охрану у ракеты. Никто не знает, какие сюрпризы готовит нам старушка Луна.

Алекс заявил, что он согласен остаться с легко раненым Томми на ракете.

— Мы будем в отсутствии не больше двух часов, — заявил Гардт, натягивая на себя водолазный костюм и забирая с собой раз ичные приборы. — Ты можешь пока заняться фотографическими снимками. Но ни под каким видом не покидайте ракеты.

— Ладно! — сказал Томми, который все еще продолжал жевать свиное ребрышко. — Я пока прилягу...

Гардт и Андерль выбрались из ракеты и спустились вниз по веревочной лестнице.

¹ Возможность существования воздуха на дно какого-нибудь лунного кратера при отсутствии у Луны вообще газовой оболочки — противоречит законам физики. Это допущение романиста совершенно фантастично.

ГЛАВА 26

Л е д

«Виланд» прислонили к почти отвесно возвышающейся стене небольшого горного конуса, который вместе с дюжи-
ной других подобных «сахарных голов» образовал совер-
шенно изолированную группу гор.

— Как только мы вернемся, — сказал Гардт по телево-
фону, которым он был связан с Андерлем, — мы возьмемся
за внимательный осмотр «Виланда» и за исправление течи.
Но у нас пока имеются более важные дела.

Он зажег спичку. Она вспыхнула и сразу же потухла.
По этого было достаточно, чтобы убедиться в наличии
кислорода, — иначе спичка вообще не могла бы воспла-
мениться.

Почва, на которой Гардт и Андерль находились, состояла
изо льда, кристаллического льда, который казался темно-
ватым. Вся котловина, казалось, состояла из того же
материала. По долине тянулось много узких, но очень
глубоких расщелин, похожих на извилины глетчера. Более
светлые, почти белые места были, словно пылью, осыпаны
и неем, а макушки отдаленных горных хребтов были
покрыты вечным снегом.

Гардт стоял некоторое время погруженный в раздумье
и смотрел на сказочный ландшафт.

Андерль, которому на Земле приходилось уже видеть
места, покрытые вечным льдом, и высокие горы, чувствовал
себя, как дома.

— Совсем как на Земле, на снежных вершинах, — заметил Андерль. — Чем выше подниматься, тем темнее небо и тем светлее покрытые льдом вершины гор. Но нигде это не выглядит так восхитительно, как здесь.

— Ты совершенно прав. Все дело в том, что небо становится всегда темнее, чем тоньше воздушный слой над наблюдателем. Для нас, летчиков, в этом нет ничего нового. Вот что, Андерль, попробуй сделать сильный прыжок. Начинай!..

Андерль рассмеялся, согнулся колени и вскочил с такой силой, которая на Земле подняла бы его метра на два; но тут он достиг рекорда: подпрыгнул так высоко, что достиг крыши четырехэтажного здания. А через четыре секунды он снова очутился на льду.

— Браво, Андерль! Если бы ты продемонстрировал такой прыжок твоим товарищам в Фридрихсгафене, то без сомнения получил бы звание чемпиона мира.

— Когда я вновь получу свои 170 фунтов весу, дело так не пойдет! Интересно, сколько во мне весу здесь, на Луне?

— Ровно шестая часть нормального веса на Земле. И несмотря на это, мы здесь являемся могучими титанами.

Длинными десятиметровыми прыжками оба земных жителя стали быстро передвигаться по ледяной равнине. Они перескакивали расщелины шириной в семь-восемь метров с такой же легкостью, с какой горожанин переходит лужу.

— Ледяной покров кажется невероятной толщины, — сказал Гардт разочарованным тоном. — Нельзя определить, как глубоко под ними находятся каменные породы. А они-то интересуют меня гораздо больше, чем лед.

Варуг он остановился, пораженный, и указал на маленько темное пятно.

— Вода, Андерль! Безусловно, вода! Совершенно невероятно!..

Андерль никак не мог понять, почему обыкновенная вода кажется такой невероятной Гардту, и пошел было вперед. Но инженер схватил его за руку.

— Медленнее, как можно медленнее! — приказал он и осторожно пополз к краю лужи.

Гардг вынул из кармана большое выпуклое стекло, подержал его против солнца и затем направил фокус к неподвижной зеркальной поверхности воды. Через и сколько секунд, под влиянием лучей, вода закипела. Пошел пар. Аnderль несколько отступил назад.

— Ты можешь здесь спокойно стоять, — заметил Гардт, улыбаясь.

— Но ведь вода кипит...

— Конечно, кипит. Посмотри-ка на термометр: 47 градусов по Цельсию. Вряд ли можно тут обжечься.

Пар стал улетучиваться и превращаться в иней; скоро вся лужа исчезла, превратилась в лед.

— Поразительная штука, — пробормотал Аnderль, — кипятая вода кипит!..

— Кипит и тут же замерзает — прибавил Гардт. — Это кажется поразительным, но весьма легко объяснимо. При слабом давлении вода закипает не при 100 градусах, как мы к этому привыкли, но при значительно нижней температуре, здесь — при сорока семи градусах.

— Меня удивляет, — заметил задумчиво Аnderль, — что солнце не может растопить эти ледяные массы. Оно сияет тут непрерывно в течение двух недель, и его тепло не залоняется никакими облаками. Казалось бы, тут должно было быть более жарко, чем в Камеруне ¹.

— По мере того, как солнце поднимается, повышается и температура в долине нашего кратера, но я все же сомневаюсь, чтобы тут могло быть очень тепло ². Луна не имеет воздушной оболочки и потому не защищена от излучения тепла в мировое пространство. У нас на Земле средняя годовая температура упала бы на 70 градусов, если бы Земля лишилась своего воздушного покрова, и тогда на нашей планете ничего, кроме снега и льда не было бы. Излучение солнца ничего не изменило бы в этом отношении. Планета должна использовать дары, которые

¹ Камерун — бывшая германская колония в Африке.

² Инженер ошибался: температура поверхности Луны может подниматься выше 100°.

она получает от солнца, должна сохранять полученнюю тепло. Наша Земля, по счастливой случайности, находится в особо благоприятных условиях, благодаря плотному слою воздуха.

Некоторое время они молча смотрели во все стороны. Всюду был один и тот же лед.

Глыбы, расщелины, глетчеры, горы льда, льдины, напоминавшие своим видом сталакиты. Но нигде ни единого пятнышка, которое напоминало бы твердую землю, и никакого следа растительного или животного мира.

Никак нельзя было установить, вся ли поверхность Луны находится под ледяным покровом, или нет.

Не долго, однако, оба путника находились под впечатлением того очарования, которое произвел на них этот скальный мир. Жалкий стебелек, даже обломок камня были бы для Гардга важнее, чем эта поразительная красота ледяных глетчеров.

— Очевидно, придется примириться с этим льдом, — сказал Гардг, осматриваясь кругом и прикрывая ладонью очки, чтобы защититься от ослепительных лучей солнца. — Придется строить все наши расчеты и надежды на льде и все.

— С ума можно сойти при одной мысли о том, — проговорил Андерль, — что мы находимся рядом с необходимыми для нас веществами и не в состоянии до них добраться!..

— Да, Андерль, тут имеется лед в неограниченном количестве. Лед — замерзшая вода, а вода — это химическое соединение кислорода и водорода, т. е. как раз то, в чем мы теперь больше всего нуждаемся. Если нам удастся разложить его, мы получим необходимую для нашей ракеты энергию, и тогда нет ничего легче, как выбраться из этого негостепримного мира.

— Об этом нечего и думать!..

— Нет, Андерль, именно об этом и надо думать. Лед — наша единственная надежда. Необходимо изыскать пути и средства превратить этот лед в гремучий газ. Думай постоянно об этом, Андерль. Наша жизнь зависит всецело от решения этой задачи.

— Электролизом это было бы весьма легко осуществить, а наша электрическая машина на «Виланде» сумела бы при полном ходе наполнить все наши баки необходимыми запасами в течение одной недели. Весь вопрос в том, как пустить нашу машину в ход?

Андерль крепко задумался.

— А что, если пустить ее ручным способом?

— Гм, даже если мы все будем, как каторжники, работать по 14 часов в сутки, пройдут месяцы пока, при наших ограниченных силах, нам удастся таким образом добить необходимое количество энергии. Но мы не в столинии так долго ждать. Ровно через десять дней наступит ночь. Если к тому времени мы будем еще здесь, то безусловно замерзнем, не говоря уже о том, что при самой строгой экономии нам хватит продовольствия лишь на 14 дней.

— Неужели в этом странном месте нет никаких источников энергии, например, угля?

Гардт пожал плечами.

— Может быть! Но где именно? И как сможем мы за короткое время добыть необходимое его количество?

— Да, пожалуй это невозможно, — согласился Андерль. — Впрочем, один источник энергии тут имеется, даже огромный, безграничный...

Андерль вопросительно посмотрел сквозь стекла шлема на инженера, но ничего не увидел на его лице.

— Я имею в виду солнце...

— Солнце? Верно, ведь оно светит тут беспрерывно и гораздо сильнее, чем на Земле. Дело!

— Терпение! Это не так просто! Надо обдумать каждый шаг. Для концентрирования солнечных лучей мы сумеем использовать то большое вогнутое телескопическое зеркало, которое до сих пор служило нам в качестве объектива. У нас имеются еще круги из серебренной жести, из которой можно будет сделать зеркала. Если потребуется, мы отвинтим все объективы от наших телескопов и обратим их в собирательные линзы. Все это мы используем для того, чтобы уловить с их помощью солнечное тепло и направить его на одну точку.

— Великолепно! Там будет кипеть вода, как в котле! — с восторгом воскликнул Аnderль. — Мы используем для этого бомбу из-под кислорода, она выдержит давление пара.

Совершенно верно! Пока все в порядке. Теперь остается еще превратить добытый пар в механическую энергию. Нам необходима паровая турбина...

— Если бы мы могли переделать газовый мотор нашей осветительной установки в паровой... — сказал Аnderль, раздумывая над тем, найдутся ли в его мастерской необходимые для этой работы инструменты.

— Придется во всяком случае попытаться, Аnderль. Вот тебе задача: покажи, что может в таких условиях сделать такой механик, как ты. Кроме того, лучше хоть что-нибудь делать, чем сидеть сложа руки.

— Ладно!

Аnderль так глубоко задумался над разрешением своей задачи, что не слышал дальнейших слов Гардта.

— Если нам удастся добыть посредством зеркал достаточно пара, чтобы пустить мотор, мы получим электрический ток и тогда нам удастся разложить воду. Но тут возникает новое затруднение...

— Стой, стой! — закричал вдруг Аnderль в телефон.

Оба путника между тем достигли группы гор, без особых труда прошли первую цепь этих фантастических образований и вдруг очутились на краю пропасти. Ганс Гардт чуть было не скатился туда. К величайшему изумлению, он заметил, что группа гор окружает воронкообразное углубление, нечто вроде маленького кратера в большой долине кратера Триспекер.

Эта котловина имела около трехсот метров в диаметре. Ледяные стены круто спускались на неизмеримую глубину, куда не проникал ни один луч низко стоящего солнца.

Внутри царила глубокая тьма; дна совершенно не было видно.

Из глубины поднимался тонкий, беловатый туман.

— Если эта яма простирается ниже ледяного слоя, — сказал Гардт после некоторого раздумья, — то мы имеем

перед собой дверь, через которую сможем проникнуть до твердого покрова. Это было бы находкой для дяди. Как ты думаешь, мы сможем туда добраться?

— Конечно, помощью кирки и каната мы в два счета справимся с этой стеной. Мне приходилось проделывать худшие вещи. Долго мы тут не будем возиться, но там внизу вряд ли очень уютно...

— Через три дня солнце будет стоять в зените, тогда солнечные лучи проникнут, вероятно, и в эту пещеру. А пока придется подождать.

Гардт прошелся несколько раз вокруг почти круглого края этой неприветливой пещеры и сказал:

— Нам нужно вернуться на «Виланд». Предстоит много работы, и мы не должны терять ни минуты.

ГЛАВА 27

Силовая установка

Маленькая колония на Луне принялась лихорадочно за работу.

Все энергично работали над сооружением солнечной силовой установки; никто не думал о сне, который всем был столь необходим.

Наблюдательная кабина на «Виланде» была очищена и превращена в мастерскую. Андерль работал там все время, — подтаскивал, подпиливал и прилаживал отдельные части разобранного мотора электрической машины, чтобы превратить его в паровой двигатель. Под его ловкими руками металл и трубы принимали форму, согласно чертежам инженера.

Даже Гардт изумлялся мастерству своего механика, от искусства которого зависела жизнь всех путников.

Томми Бигхед, который не проявлял особых технических талантов, работал теперь, как подручный. Кроме того, он принял на себя все заботы по кухне. Дядя Алекс и Гардт возились на открытом воздухе во льду. Раньше всего исправлены были все мелкие повреждения на «Виланде», затем была законопачена щель бака. После этого у горы, к которой прислонился «Виланд», было установлено параболическое зеркало таким образом, чтобы оно собирало солнечные лучи.

В фокусе, где были сконцентрированы солнечные лучи, Гардт установил большую стальную бомбу, в которой

прежде сохранялся кислород. Бомба была достаточно прочна, чтобы в качестве парового котла выдержать необходимое внутреннее давление.

Трубопровод между «котлом» и ротором установить было не трудно. В сложном машинном отделении «Виланда» было достаточно частей, которые можно было теперь временно перемонтировать.

Неописуемая радость овладела всеми, когда после дюжины часов напряженной работы Андерль сообщил, что можно испытать работу сооруженной им паровой турбины.

Благодаря слабой тяжести, не трудно было вытащить машину наружу. Сооруженная на спех из блоков и канатов дорога заменила подъемный кран, и скоро турбина вместе с динамомашиной оказалась на фундаменте около парового котла.

Не так легко было наладить доставку воды. Правда, неподалеку находились лужи, но Томми никак не удавалось принести хотя бы ведро столь нужной воды: пока он шел, вода или превращалась в пар, или замерзала.

Ничего не оставалось, как притащить паровой котел к какой-нибудь луже и там с величайшей осторожностью наполнить его. Не беда, если бы даже на обратном пути вода замерзла в котле: зеркало могло бы растопить этот лед.

Гардт установил собирательное зеркало, Андерль включил паровую трубу и открыл вентиль.

Четыре человека, одетые в водолазные костюмы и соединенные телефоном, с величайшим напряжением ожидали результата. Всем было ясно, что их жизнь и сасение всецело зависят от успеха этого опыта.

Стальная бомба ярко блеснула в свете направленных на нее солнечных лучей. Через несколько минут в клапане показалось беловатое облачко — водяной пар, который сейчас же замерз и мелким иилем упал вниз.

Гардт многозначительно посмотрел на Андерля, но тот не отрывал взора от манометра.

Образование паров усилилось. Андерль открыл кран трубопровода, и пар устремился к турбине. Наблюдатели ничего не могли слышать, но видели, как турбина стала работать.

— Удача! — закричал Томми с воодушевлением.
Андерль покачал головой.

— Мотор работает теперь вхолостую, — сказал Андерль, — но это еще ничего не говорит о том, как он будет работать при полной нагрузке.

Он внимательно следил за ходом машины.

Вдруг показался белый луч, турбина завертелась и вспомиг остановилась.

— Кацут? — спросил в ужасе Алекс.

Гардт остановил приток пара.

— Соединительная труба лопнула, нужно установить новую...

— Удастся ли?

— Я думаю, в ракете найдется что-нибудь подходящее. Во всяком случае, мы можем быть вполне удовлетворены первым опытом. Он удался даже лучше, чем я мог ожидать. Если мы дадим Андерлю еще несколько часов, он соорудит машину на-славу. На этой практической работе он врезошел меня.

— Значит, мы спасены?

— Слишком сильно сказано! Мы получим энергию, которая нам даст электрический ток. Но теперь придется преодолеть новую трудность, над которой я давно уже ломаю голову. Мы должны этим током разложить воду.

— Что же ты намерен сделать?

— Придется что-нибудь предпринять...

— В чем ты еще сомневаешься?

— Видите ли, я не сомневаюсь, что нам удастся добыть кислород и водород... Трудно сказать еще, в каком именно количестве, но если мы даже получим неограниченное количество и наполним все наши баки, все же этого будет далеко недостаточно, чтобы ползти с Луны и обеспечить благополучный спуск на Землю.

— Этого я уж совсем не понимаю, — заметил для Алекс. — Ведь мы не можем иметь газов больше, чем помещается в твоих баках?

— Ничего подобного, — улыбнулся Гардт. — Нам необходимо их иметь больше, значительно больше...

— Чепуха! — грубо отрезал Алекс.

— Послушай: нам важен не об'ем газов, но количество химической энергии, заключающейся в них, т.-е. их масса. Ты прекрасно знаешь, что газы не имеют определенного объема. Один кубометр может иметь массу в несколько граммов и несколько килограммов, в зависимости от давления, под которым газ находится. Если даже наши баки будут полны, то это ровно ничего не значит. При слабом давлении газ чрезвычайно малой плотности может и наполнить все наши баки. Мы, поэтому не только должны добывать газ, но и сгустить его, даже обратить его в жидкость. Вот как обстоит дело.

— Извини, пожалуйста, Ганс,—сказал доктор,— я вижу, что ты совершенно прав. Добытый газ нужно будет наполнять в баки, чтобы его сжать...

— Если мы были бы не на Луне, а в нашей мастерской Фридрихсгафена, это было бы просто и легко. Но тут нет самых необходимых приспособлений. Наши насосы слишком слабы для этой цели. Ничего не остается, как наполнять газ в замкнутую систему котлов, труб и баков. Тогда газ будет уплотняться в ограниченном пространстве, по лишь до тех пор, пока какое-нибудь место этой системы не лопнет под возрастающим давлением.

— Баки сдадут?

— Нет, этого опасаться нечего. Они рассчитаны на высокое давление. Но я боюсь, что трубы и особенно места соединений могут разорваться раньше, чем газ будет достаточно сгущен. Тогда всю работу придется начать сначала.

Разговаривая, оба гуляли вокруг ракеты, которая на этом фантастическом ландшафте казалась допотопным чудом.

Гардт еще раз осмотрел заплату, наложенную на щель,

— Выдержит!..

— Ганс! воскликнул вдруг Алькс,— у меня возникла мысль; только, пожалуйста, не смейся, если она опять окажется глупой...

— Говори же, иногда какая-нибудь мелочь приводит к замечательным результатам.

— Что случилось бы, если бы разложение воды происходило не в котлах, а непосредственно в баках «Ви-

ланда»? Тогда можно было бы не считаться со слабыми трубами..

Пораженный, Ганс некоторое время молча смотрел на своего дядю, затем он привскочил:

— Ты прав! — воскликнул он, — яйцо Колумба! Для Алекс, я расщеплю бы тебя, если бы шлем позволил мне это сделать!..

Тот факт, что археолог оказался в чисто техническом вопросе изобретательнее, чем главный конструктор «Ви-ланда», вызвал в маленькой колонии большой интерес.

Блестящая идея Александра Гардта затмила на некоторое время успехи Андерля, и доктор стал «героем дня».

Гардт немедленно распорядился включить в баки электроды из серебряной жести, и вся колония, за исключением Андерля, который все еще возился с турбиной, занялась доставкой воды в стальных бутылях.

К счастью, солнце посыпало свои лучи прямо на зачерненную сторону «Ви-ланда», так что не приходилось опасаться, что вода замерзнет. Через два часа тяжелой работы баки были наполнены водой. Андерль к тому же времени закончил ремонт турбины.

Солнечный двигатель заработал. Пар, добытый сконцентрированными солнечными лучами, двигал турбину, турбина, в свою очередь,—генератор, который был связан с внутренностью ракеты.

Но Андерль, к своему ужасу, заметил, что динамомашина работает вхолостую и не дает тока. Усталые и измученные долгой работой, все стояли, точно пораженные громом.

Но Ганс Гардт расхохотался:

— Конечно, — крикнул он нервно,— как мы могли забыть, что вода тут химически чиста, а совершенно чистая вода не проводит тока! Живей, мистер Бигхед, тащите всю поваренную соль в баки. Придется довольствоваться пищевой без соли.

Вскоре вся соль была брошена в бак: стрелка на амперометре начала подниматься, а в баках заклокотали пузыри газа—кислород и водород, драгоценные вещества, сулившие жизнь и спасение.



Более 24 часов протекло с тех пор, как «Виланд» сел на Луну. Целый земной день и целая земная ночь, — время полное забот и трудов для тех четырех человек, которые оказались отрезанными от земного мира. Теперь для них наступило спокойное, пожалуй, слишком спокойное, время.

Сооружение, пущенное в ход, работало, не требуя почти никакого труда. Приходилось только регулировать зеркало сообразно медленному перемещению солнца по небу, и наблюдать за постепенно увеличивающимся давлением газа в баках.

Солнечный свет в течение восьми дней был к услугам путников, и количество газов, добытое за первые часы работы, давало полное основание надеяться, что за восемь дней баки наполняются достаточно: возвращение на Землю будет обеспечено. Конечно, при условии, что ракета освободится от всего лишнего балласта и что турбина будет работать без перебоев.

Установлено было постоянное дежурство. Один из путников должен был неотлучно находиться при сооружении, остальные могли в это время спать или заниматься, чем угодно. Но Гардт не разрешал дальних прогулок, так как это требовало много кислорода. Было решено лишь пройти две обследовательские экскурсии. Как только солнце станет близ зенита, надо будет попытаться проникнуть вглубь кратера у края конусообразной горы, а затем — подняться на гребень горной цепи, откуда открылся бы вид на всю горную страну, и взглянуть на открывающейся оттуда вид.

Пока нечего было делать, запертые в тесном помещении «Виланда» скучали. Алекс изучал все то, что можно было вить из окна «Виланда»; Томми исписал целые горы бумаги, и сколько ни старался, не мог ничего припомнить такого, что заслуживало бы еще описания. Что же касается Ганса Гардта и Андрия, то они очень сожалели, что не могут открыть никаких эффектов на «Виланде», ремонт которого мог бы занять их свободное время.

ГЛАВА 28

В кратере

На четвертый день пребывания на луне Гардт, Алекс и Андерль отправились в глубокую яму у конусообразной горы. Они захватили с собой запасные баллоны с воздухом, канаты и кирки. Они не взяли пищи, ибо это было бы совершенно бесполезным: в водолазных костюмах и шлемах они не могли ничего взять в рот.

Томми Бигхед, к своему величайшему сожалению, остался на карауле у «Виланда» и у силовой станции. Не помогли все его энергичные наставления.

— Кто-нибудь должен оставаться при «Виланде», — решительно заявил Гардт. — А вы, мистер Бигхед, сейчас же в состоянии пойти в такую экскурсию, которая требует сильного физического напряжения.

Томми капризничал:

— Я совершенно здоров; этот маленький рубец на левой руке — вздор; я чувствую себя настолько сильным, что мог бы задушить льва.

— В чем вряд ли будет необходимость, — расхохотался инженер и прибавил более серьезно: — Когда в ближайшее время мы поднимемся на вершину горы, вы тоже, конечно, пойдете с нами, но сегодня убедительно прошу вас исполнить обязанности часового.

Томми ничего не оставалось, как подчиниться, но он с завистью смотрел на Андерля и Алекса.

— Вы прекрасно знаете, мистер Бигхед, — сказал Гардт, который не мог видеть расстроенного лица американца: — что нам всем грозит смерть, если силовая станция перестанет работать. Надеюсь, поэтому, что вы прекрасно сознаете ответственность, которую на себя берете на время нашего отсутствия.

У Томми опять промелькнула мысль о каком-нибудь сепаратном выступлении, но серьезное предупреждение инженера возымело свое действие, и сознание ответственности преодолело его бунтарские страсти.

Томми покорно подчинился своей судьбе, уселся в наблюдательной камере «Виланда» и следил в бинокль за тем, как три человека в своих смешных костюмах делают огромные шаги, похожие на прыжки, по освещенному солнцем льду. Постепенно отдавшиеся путники становились все меньше, пока совсем не исчезли из виду.

Солнце жгло невыносимо, и репортер, который убийственно скучал, слонялся без цели по внутренним помещениям «Виланда». Случайно он открыл в складках ракеты забытую коробку сигар. Его скверное настроение рассеялось в густых облаках дыма, который он беспрерывно выпускал изо рта и носа..

Между тем, исследователи достигли края кратера.

Алекс с ужасом смотрел на бесконечную пропасть; круто спускающиеся ледяные стены котловины тонули глубоко внизу в синеватом тумане, наполнившем пропасть.

— Кажется, — заметил озабоченно Андерль, — эта огнедышащая гора каждую минуту готова начать действовать...

— Ошибаешься, Андерль, если принимаешь ты этот кратер за вулканический, — возразил Ганс Гардт. — Таких не бывает на мертвой Луне.

— Да, это неудачное слово «кратер» часто ведет к грубым ошибкам, — согласился и Алекс. — Целесообразнее придерживаться истинного значения греческого слова «кратер», которое обозначает кубок.

— Что за туман стелется внизу? — спросил Андерль, указывая на глубину кратера.

— Водяные пары. Воздух в кратере, повидимому, плотнее, чем наверху, и к тому же там внизу тепло. Как раз теперь солнечные лучи падают почти отвесно и нагревают так, что лед тает, и вода превращается в пар. Пары поднимаются вверх, пока достигают разреженных слоев воздуха, где и превращаются в тонкие льдинки, которые, вследствие своей тяжести, опять падают вниз. Получается постоянный круговорот воды, порождаемый и поддерживаемый солнечной энергией. В сущности, такое же явление происходит и у нас на Земле, лишь в большем масштабе. Для нас этот туман, во всяком случае, не представляет никакой опасности. Наши защитные костюмы предохраняют нас от этих газов, да и, к тому же, этот пар не горяч. Итак, вперед!

Три человека, обвязав себя крепкими веревками, начали спускаться. Первым переступил край кратера доктор, в некотором расстоянии от него шел Ганс Гардт; шествие замыкал Аnderль, который, как наиболее крепкий и опытный, имел задание удерживать своих товарищей за веревку, если они поскользнутся.

Стены были покрыты таким множеством трещин, что, несмотря на свою обрывистость, не представляли особых трудностей для спуска.

Никогда в жизни Алекс не взбирался на высокие горы, поэтому, если бы он сохранил свой земной вес, такая прогулка была бы сопряжена для него с большими опасностями. Но тут вес каждого едва достигал 12 кило, и потому если кто-нибудь из спускающихся поскользнется бы, он не рухнул бы с такой силой вниз, как было бы на Земле, но падал бы плавно, имея возможность ухватиться за какой-нибудь выступ.

Двести метров путники наши проделали скользя, прыгая и в тая, пока не достигли слоя тумана. Водолазные костюмы, покрылись льдинками, и бесформенные раздутые фигуры казались вылепленными из снега.

Ледяные стены были чуть влажны и скользки. Туман становился все гуще и, наконец, исследователи достигли такого мрака, который делал дальнейшее продвижение весьма опасным.

Гардт высказал мнение, что, пожалуй, разумно будет немедленно повернуть обратно. Но для Алекс и слышать не хотел об этом.

— Я уверен, что мы недалеко от дна. Нам уж немногого осталось пройти.

Они опять пустились в путь. У одного из выступов археолог остановился и стал ощупывать лед.

— Иди-ка сюда, Ганс, — крикнул он в телефон. — Мне кажется, мы, наконец, нашли кусок почвы.

Лед стал попадаться реже, отовсюду стекала вода.

Через четверть часа исследователи достигли дна кратера. Поскольку туман давал возможность разглядывать, все окружающее представляло собою обломки скал, ледяных глыб и шумящую воду.

Веревки оказались теперь лишними; они были свернуты. Андерль, словно ребенок, стал прыгать по камням. Для Алекс с большим рвением собирал образцы и нералов в мешок, который он захватил с собой, а Гардт задумчиво смотрел вверх на слабо освещенный туман, который закрывал вид на край кратера.

— Вероятно какой-нибудь гигантский метеорит, — сказал он задумчиво, — пробил эту громадную дыру на поверхности Луны.

— Такие падения метеоритов происходят и на Земле, — заметил археолог, не прерывая своего коллекционирования. — Самый большой камень, какой нам известен, упал в 1905 году в Сибири, в Енисейской губернии. Воронка этой космической гранаты была открыта лишь несколько лет назад¹.

Он вдруг остановился, словно пораженный каким-то совершившимся неожиданным явлением.

— Чего с тобой? Ты поперхнулся что ли, для Алекс?

— Гляди, гляди!..

Он заговорил тише, хотя ни один звук не мог проникнуть из-под шлема.

— Это темная поверхность... Растение!.. Похоже на папоротник...

¹ Речь идет о тунгусском метеорите, разыскиваемом Л. А. Кулаком.

— Я был почти уверен, что тут удастся найти, какое-нибудь растение, — спокойно заметил инженер.

— Что-то шевельнулось в листве... Вот опять...

Возбужденный археолог сделал несколько шагов по направлению к папоротнику.

— Стой! Ни с места! — крикнул Ганс, также заметивший это движение. — Мы можем говорить сколько угодно, проволока нема для внешнего мира, но ни малейшего движения...

Трава вновь заколыхалась, и вслед затем показалось светло-серое пресмыкающееся, которое направлялось к наблюдателям.

— Змей! Живое существо!.. Значит, не все еще вымерло на Луне...

Пресмыкающееся остановилось на минуту перед исследователями без движения.

— Нечто напоминающее амфибию, — прошептал Алекс. — Почти без цвета и без глаз, как протеи, которые ютятся в вечной тьме подземных пещер Далмации. Это лунное животное имеет чуть не два метра в длину!

Когда Алекс нагнулся, чтобы ближе рассмотреть гигантское пресмыкающееся, оно приподняло переднюю часть своего туловища почти отвесно, закачало головой и стало разевать огромную пасть.

— Это пресмыкающееся имеет, повидимому, какое-то чье, заменяющее ему глаза и дающее ему возможность чувствовать наше присутствие, — сказал Гардт, схватившись невольно за кирку.

В этот момент ящерица уларила своим острым хвостом по земле и помчалась вверх. Сильный прыжок неожиданно отнес ее далеко вверх. Изумленные исследователи смотрели, как это удивительное существо исчезло в тумане.

— Мы должны были поймать его, — сказал в отчаянии Алекс. — Это был бы замечательный экспонат для зоологического музея. Помилуйте, лунная ящерица, доставленная доктором Александром Гардтом! Замечательно, неправда ли?

— Куда делся Аnderль, — спросил озабоченно Гардт. — Повидимому, его кабель оборвался, иначе он вмешался бы в наш разговор. Аnderль, где ты?

Ответа не последовало.

— Что-то неладно,—заметил Алекс, но желая успокоить инженера, он прибавил: — но я все же не думаю, чтобы такая ящерица могла представлять опасность для человека, особенно для такого крепыша, как Аnderль.

— Ты прав, но имей в виду, что наша способность защиты весьма ограничена уязвимостью наших костюмов. Едва наш резиновый костюм где-либо прорвется, мы не можем противостоять задушению, если до этого наши кровеносные сосуды не лопнут от понижения наружного давления. Боюсь, что Аnderль слишком положился на силу своих мускулов и забыл о необходимой осторожности.

К сожалению, наши исследователи не захватили с собой барометра и не могли определить давления атмосферы в этом ущельи; во всяком случае его было недостаточно, чтобы человек мог продержаться здесь без искусственного дыхания.

— Давай, поищем его, — сказал Алекс, не забыв, однако, предварительно оторвать стебель папоротника.

— Идем вслед за кабелем, тогда мы скоро найдем Аnderля.

Проволока лежала кривыми линиями на земле и показывала дорогу, по которой направлялся Аnderль. Двигаясь вперед, Гардт наматывал проволоку.

Пройдя сотню метров, они очутились у конца проволоки, и Гардт заметил выключатель.

— Вот легкомысленный парень! — проворчал он, — Сам отключит себя от нас.

— Очевидно, он заметил что-то особо интересное, проволока мешала ему, и он решил отправиться туда один.

В густом тумане уже на расстоянии десяти метров ничего не было видно. И так как никакие крики и зовы были немыслимы в их шлемах, обоим Гардтам ничего не оставалось, как продвигаться вперед на-авось.

Они пошли было дальше по прежнему направлению, но вскоре натолкнулись на высоко поднимающуюся степу.

Они решили разойтись в разные стороны, но не дальше, чем позволял соединяющий их шнур.

Гардт пошел направо и держался в некотором отдалении от стены. Алекс же направился влево. Слабая тяжесть позволяла им без труда перескакивать через встречавшиеся по пути обломки и иные препятствия.

Они все время говорили в микрофон, поддерживая постоянную связь между собою.

Гардт несколько раз хватался за льдины, которые он в тумане принимал за Андерля, но каждый раз разочарованно сообщал своему спутнику:

— Опять ничего, дядя...

Вдруг Гардт услышал в телефоне, что дядя стал пыхтеть и задыхаться.

— Что случилось? — спросил он в испуге.

Ответ был отрывистый, ужасный:

— Он здесь... ох!.. Ужас!.. Скорее!.. Я... тьфу прощасты!.. Эти гады с ума сошли!..

Гардт помчался вдоль проволоки. Он даже не счел нужным наматывать ее.

Через 20 секунд он был уже рядом с дядей. Перед его глазами открылась страшная картина.

Посреди поля, покрытого растениями цвета ржавчины, катался по земле Андерль. Его тело было покрыто многочисленными бледными липкими ящерицами разной величины. Андерль с отчаянием размахивал руками и ногами, желая освободиться от отвратительных гадов, присосавшихся к нему.

Мелких гадов ему удалось раздавить своим тяжелым шлемом, но все же он не был хозяином положения. Казалось, что-то сильно мешает ему двигаться. Его левая рука судорожно ухватилась за складку брюк.

Алекс, который хотел было освободить товарища, тоже был окружен белыми ящерицами, и ему самому приходилось бороться с ними.

Что делать? Ножом и киркой нельзя поразить гадов, не поранив при этом самого Андерля... Что делать?

Гардт осторожно стал приближаться к движущемуся клубку, но Андерль сделал ему предостерегающий знак, указав рукой на колено, от которого он не отнимал другой руки.

Инженер ужаснулся. Он сразу понял все. Защитный костюм Аnderля был прорван ящерицей, и Аnderль крепко прикрывал теперь дыру на колене, чтобы не выпустить оттуда воздуха.

Что делать?

Если он сам подвергнет себя такой же опасности, все трое погибнут.

Гардг некоторое время стоял растерянный, но затем счастливая мысль блеснула у него в голове.

— Кислород!

Он быстро схватил запасные баллоны и открыл один из них. Сильная струя вырвалась оттуда. Всюду, куда эта струя звонкала, образовывался ужасный холод, и Гардг рассчитывал, что таким путем ему удастся разогнать ящериц. Этот холод не мог повредить его тонким, так как водолазные костюмы служили достаточной защитой.

Он направил струю на Аnderля, который больше всех нуждался в помощи. Гады почуяли опасность и оторвали свои головы от Аnderля, готовые броситься на нового врага.

Но в леденящей струе животные быстро коченели и падали вниз.

Аnderль ожила. Свободной рукой он без труда сбрасывал с себя окоченевшие тела ящериц. Алекс тоже скоро избавился от своих врагов.

— Прялые гаденыши! — сказал Аnderль, когда все трое опять связались проволокой. — Они буквально хотели меня задушить... Если бы это были земные гады, они растерзали бы меня, но у лунных нет столько сил. Однако, это могло кончиться очень плохо.

— Живей, предупредил Гардг, — живей уберемся отсюда, а то они опять нападут. Они могут ожить. Едва ли они подошли: ведь они приспособлены к холоду лунных вочек.

Аnderль прихрамывал, так как все время не отнимал руки от колена.

— Как велика дыра? — озабоченно спросил инженер.

— Не больше дробинки. Хорошо еще, что я сразу заметил ее и что эти проклятые гады не порвали костюма еще в другом месте. Тогда был бы, пожалуй, конец мне.

— Живей! — Ящерицы начинают двигаться.

Изо всех сил они бросились бежать к противоположной степени кратера. Андерлю было трудно самому передвигаться, и поэтому его привязали к веревке. Ганс и Алекс поднимались немножко вверх, затем тянули за собой Андерля и таким образом, все с большим трудом добрались до ледяной зоны.

Тут уже нечего было бояться ящериц. Кругом был светлый день.

На одной галлерее они остановились.

— Покажи-ка свое колено, — сказал Гардт Андерлю, — авось, удастся кое-как перевязать поврежденное место костюма.

Он обхватил резину вокруг лыры и крепко связал куском проволоки. Осторожно опустив руку, он к величайшему удовольствию заметил, что повязка не пропускает воздуха.

Таким образом Андерль опять получил свободу передвижения, и это было весьма кстати, так как во время борьбы со змеями они потеряли много воздуха при усиленном дыхании, и должны были теперь спешить изо всех сил к «Виланлу», прежде чем иссякнет весь воздух.

Сейчас Андерль шел впереди всех.

Доктор задержался на минуту. Ему хотелось собрать все то, что удалось ему найти в кратере.

— Для Алекс, что ты там возишься? — крикнул Ганс.

— Неужели ты думаешь, что я отсюда вернусь с пустыми руками? — ответил ученый, перебрасывая через плечо мешок.

Оказывается, он захватил с собой одну окоченевшую ящерицу.

— Замечательный экземпляр, длиной в два метра! — Ученый теперь был озабочен лишь тем, как бы не повредить это ценнейшее животное при подъеме.

Поразительно, что ящерица погеряла свой белый цвет. Под влиянием ярких солнечных лучей ее кожа, повидимому, весьма чувствительная к свету, покрылась спиневато-черными и ржавокоричневыми пятнами. Только те части тела, которые оставались в тени, сохранили свой белый цвет.

Так как воздух здесь был более разреженный, а потому и более холодный, чем в пещере, то Алексу нечего было опасаться, что ящерица вернется к жизни.

Через полчаса экскурсанты находились уже у «Виланда».

Томми вигде не было видно, а окна наблюдательной камеры были почему-то непрозрачны.

Гардт открыл входную дверь и заметил, как из клапана устремился дым. Открыв внутреннюю дверь, он обнаружил, что вся камера наполнена густым дымом. Инженер не без опаски снял с себя шлем.

— Здравствуйте, мистер Гардт! — послышался откуда-то голос Томми, но его самого нигде не было видно.

— Милый человек, неужели вы не задохлись здесь! — воскликнул инженер. — Ведь тут хуже, чем на дне кратера...

Он поспешил открыть верхний клапан, чтобы выпустить дым, и пустил в ход генератор воздуха. Сразу стало светлее.

— Как видите, я не задохся, — сказал репортер, затягиваясь снова сигарой. — Наоборот, тут было очень уютно, хотя и ужасно скучно. Очень рад, что вы вернулись.

— Мы привезли с собою кое-что приятное, — сказал Алекс, который зашел в кабину и сбросил с себя тяжелый костюм. — Замечательно интересный музейный экспонат, редкую лунную ящерицу. Вы будете поражены!

Он осторожно снял свою ношу с плеч.

— Лунная ящерица! Понятия не имею, что это за штука, но во всяком случае вижу, что это весьма не аппетитная тварь.

Недовольное выражение, которое появилось на лице археолога в тот момент, когда он стал осматривать свою добычу, и отвращение, с которым он отшвырнул, «замечательный экспонат», вызвали бурный хохот.

Дело в том, что в разреженном воздухе, вне кратера, ящерица лопнула, и драгоценный экспонат превратился в отвратительную слизистую массу.

ГЛАВА 29

Ночная тень на Луне

Удивительные приключения в кратере служили в течение ближайших дней темой для разговоров четырех человек, очутившихся на Луне. Томми Бигхед очень жалел, что не принял участия в этой заочательной экскурсии.

— Вашу борьбу с этими гигантскими ящерицами следовало бы сфотографировать, — твердил он все время, — а то у нас нет никаких доказательств; на слово нам никто не поверит.

— Факт нахождения на Луне живых существ — сказал Ганс Гардт, — ействительно, вызовет среди ученых большие сомнения, — и он посмотрел при этом на археолога.

— В сущности — сказал археолог, — это открытие не так уж невероятно. Никто, пожалуй, не станет серьезно возражать против того, что некогда Луна, точно так же, как и наша Земля, давала приют живым существам, что на ее поверхности находились леса и животные, поскольку на Луне были благоприятные условия для существования. Но с того времени, как Луна потеряла свою атмосферу, все живое удалилось в глубину кратеров. Оставшиеся экземпляры флоры и фауны могли сохраниться лишь в самых глубоких пещерах, и там, находясь в полном уединении, они смогли развиваться в своеобразных формах. Я убежден, что эти ящерицы не единственные живые существа, населяющие в настоящее время Луну. Несколько лет на-

зад американский астроном Пикеринг заметил в одном из лунных кратеров коричневые движущиеся пятна, которые он принял за стаи насекомых. В других кратерах могут находиться и другие виды животного царства. Все эти отдельные живые гнезда не имеют никакой связи между собой.

— Совершенно верно! — сострил Томми. — Судьбу, которая ждет живое существо кратера, как только оно оставит свое царство, мы ясно видели на вашем редкостном музейном экспонате.

— Мы должны были бы поместить эту ящерицу в спирт, в совершенно закрытый сосуд, — проворчал огорченный археолог. — Хоть бы скелет от нее остался! Эта противная ящерица совсем без костей.

— Зато вы будете долголыны подарком, который я припесу вам из моей ближайшей прогулки, доктор, — сказал великодушно Томми, и хлопнул ученого по плечу.

Но и Томми не повсегда...

Во время экскурсии по горной цепи, в которой Томми принял участие, решительно ничего интересного не случилось.

Благодаря незначительной тяжести, подъем на высокие горы не представлял никаких трудностей, хотя путникам пришлось подниматься на огромные высоты.

Вид на поверхность Луны, который открылся их взору, был исключителен.

Внизу, словно застывшее, скованное льдом море, растягивалась пустыня и ярко блестевшие холмы, изрезанные темными кратерами различной величины.

Ослепительные лучи низко стоящего солнца заливали все пространство, отбрасывая синевато-черные тени. На южном горизонте поднимался гигантский ярко-белый массив цирка Ретикус. А высоко над головами, среди ярко сверкающих звезд можно было видеть диск далекой Земли.

Точно загипнотизированные, путешественники не могли оторвать глаз от этого диска, и каждый думал одну и ту же луну:

«Доведется ли снова ступить на ее почву, увидеть цветущую весну и синее небо, говорить с другими людьми?..

— Я ничего бы не имел против того, чтобы снова сидеть на берегу Боденского озера и поудить в нем рыбу,— сказал Аnderль, и никто не улыбнулся при этом простодушном заявлении.

Все прекрасно понимали и вполне сочувствовали его стремлению возвратиться на родину. Там, на Земле, вероятно, в этот момент люди с тоской смотрят на полный диск Луны точно так же, как Гардт и его спутники, не отрываясь, глядели на далекую Землю. Где-нибудь в мировом пространстве должны встретиться эти взоры, полные страстной тоски...

Через четырнадцать часов усталые, голодные путники вернулись на «Виланд». Алекс, который на этот раз охранил ракету, подготовил им хороший ужин.

— Последний ужин,— сказал он с печальной улыбкой, открывая последнюю коробку сардин.— Отныне придется довольствоваться одними сухарями, если и их хватит...

На следующий день Гардт и Алекс исследовали те минералы, которые Алекс захватил с собой в пещере ящериц. Некоторые из них оказались сильно радиоактивными.

Тени гор становились все длиннее; широкая полоса тени, которая окутала подошву горной цепи, становилась все шире и шире. Казалось, через несколько часов тень достигнет и «Виланда».

Но Гардт не хотел дожидаться этого момента: если бы вода в баках замерзла, то без непосредственного воздействия солнца не было бы возможности превратить этот лед в жидкость; пришлось бы этот балласт взять с собою.

Гардт вынужден был, скрепя сердце, ускорить старт на один день, не ожидая полного захода солнца.

— Через четыре часа мы должны стартовать,— сказал он и распорядился очистить ракету.

Все вещи, без которых можно было обойтись, были выброшены наружу,— в первую очередь все кухонные принадлежности, электрический очаг, горшки, столы, стулья.

— У нас все равно остались олии лишь сухари, а их мы сумеем есть и без кухни,— объяснил Алекс репор-

теру, который пытался было возразить против этих мероприятий.

За кухней последовали ящики и пакеты со складов, пустые бутыли кислорода, запасные водолазные костюмы, инструменты из мастерской. Лишь аптечка и самые необходимые костюмы избегли общей участи — стать добычей Луны.

Гардт испытывал почти физическую боль, когда ему пришлось присутствовать к отвинчиванию драгоценных оптических инструментов. Но дело шло о жизни четырех человек, и пришлось жертвовать вещами.

Вскоре вокруг «Виланда» образовался целый склад лодок, который все увеличивался. С «Виланда» выгружались также лишние гамаки, одеяла, бухты с канатами и т. п.

Томми Бигхед больше всего опасался за судьбу своих рукописей. Он наполнил все карманы исписанной бумагой, чтобы хоть таким образом спасти их от гибели.

— Бедная птица, — сказал Аnderль, — вынося клетку капарейки. — Хорошо еще, что ты во время умерла...

Ганс Гардт вычисывал количество с мых необходимых припасов, питьевой воды, пищи и жидкого воздуха для вдыхания.

— Если нам удастся осуществить наш спуск по намеченному плану, то нам нужно для путешествия всего четырех дней. Если же не удастся, то безразлично, придется ли нам погибнуть днем раньше или позднее. Итак, долой все лишнее!

Силовая установка между тем продолжала работать не прерывно. Она должна была действовать до последней минуты, чтобы выработать как можно больше драгоценного горючего.

За полчаса до старта очистка ракеты была закончена, и капитан созвал всех на борт.

— Считаю с осей облизанностью, — сказал он серьезно, — поделитесь с вами о наших шансах на спасенье.

В глубоком молчании спутники окружили Гардта. Всем было тяжело и грустно.

— Для преодоления силы притяжения Луны нам необходимо иметь скорость 2400 метров в секунду, — начал



Гардт. — Таков минимум, необходимый для того, чтобы покинуть Луну. Это нам во всяком случае удастся осуществить. Для свободного полета нам ничего не нужно, Земля сама притянет нас к себе, а как только мы перешагнем границу притяжения, мы будем падать с возрастающей скоростью и достигнем в конце скорости 11 000 метров в секунду. При высадке эту скорость необходимо свести к нулю. Таким образом, чтобы обеспечить себе благополучное возвращение на Землю, нам необходимо иметь про запас скорость в 2 400 плюс 11 200, т. е. 13 600 метров в секунду¹. Наших запасов хватит только на 10 600 метров. За два дня наша солнечная силовая установка дала бы нам необходимое количество энергии, но мы не можем больше ждать. В двух метрах от нас расстилается уже тень, ледяной вестник мертвящей лунной ночи.

— В таком случае, ничего не выйдет из моей серии статей в «Вечерней почте», — сказал опечаленный Томми.

— Дело кажется хуже, чем в действительности, — возразил инженер, стараясь рассеять уныние своих спутников. — Прежде всего, мы значительно облегчили нашу ракету. К сожалению, я лишен возможности сделать точный расчет, — ведь мы не взвесили выброшенный балласт. Кроме того, нам, может быть, удастся использовать сопротивление атмосферы прежде, чем корпус нашей ракеты начнет плавиться. А на самый худой конец в нашем распоряжении остаются еще спасательные шары. Повторю: спуск на Землю опасен, но у нас достаточно шансов на усечь, и опускать головы нет оснований.

Ганс Гардт, который теперь опять стал полноправным капитаном, приказал Андерлю отключить от ракеты кабель силовой установки и выплыть изразложеннную воду.

— А мотор? — спросил Алекс.

— Остается на Луне. Нам теперь не нужны, ни свет ни тепло.

— Мотор?.. — спросил изумленный Алекс. — Неужели и он тут останется?

¹ Так принято вести расчет в теории звездоплавания.

— Ничего не поделаешь, дядя Алекс. Выбора нет.

— Ведь «Виланд» не может же остаться без руля и без ветрил, подумай об этом, Ганс!

— Поверь, что я об этом думал. Мы обойдемся и без мотора. А теперь — долой куртки и марш в гамаки! Сейчас начнется отяжеление. Мы уже успели отвыкнуть от тяжести.

Андерль вернулся, спаял свой водолазный костюм и отрапортовал:

— «Виланд» готов к старту!

Он тщательно закрыл дверцы шлюза и лег в гамак.

В последний раз путешественники взглянули через окошко на долину кратеров, на которой они пробыли десять дней и которая могла стать их могилой, а затем Ганс Гардт взялся за рычаг.

Насосы заработали.

— Глубоко дышать! — приказал капитан, и отвел рычаг.

Тотчас же все почувствовали отяжеление.

«Виланд» скользнул вдоль отвесной стены, промелькнув мимо конусообразных гор и ринулся пылающей молнией во вселенную.

Через минуту холодный, черный мрак окутал брошенные ящики, инструменты и машины, и начал свою мертвящую работу.

ГЛАВА 30

На родину

Дюзам «Виланда» пришлось действовать всего сто секунд, — и скорость в 2400 метров, необходимая для преодоления притяжения Луны, была достигнута. Ганс Гардт немедленно прекратил доступ горючего к дюзам, и для путешественников наступило хорошо им знакомое состояние невесомости.

Стремительно промчалась ракета через царство Луны, пересекла через шесть часов нейтральную зону, а затем стала падать с медленно нарастающей скоростью на Землю, притягиваемая огромной силой тяжести родной планеты.

— В течение 70 часов мы будем так падать, — сказал Гардт, — без затраты энергии и без помощи руля. Земля сама притягивает и увлекает нас. Все это время нам нечего будет делать; придется лишь посредством угломера определять расстояние от Земли и следить за правильной работой воздушного генератора внутри ракеты. Я предлагаю установить вахту в шесть часов. Пока один будет нести вахту, другие смогут спать.

— Спать 18 часов в сутки? Это искусство, к которому не всякий способен, — возразил Томми Бигхед.

Инжир рассмеялся:

— Потеря веса облегчает вам эту работу, мистер Бигхед. Для нас самое лучшее много спать. Прежде всего, такой долгий отдых облегчит нам трудности спуска на

Землю. Затем во время сна человеку нужно меньше кислорода и меньше пищи.

Так и сделали. Бросили жребий, кому первому стать на вахту.

За десять дней, которые путешественники провели на Луне, последняя прошла лишь треть своего пути вокруг Земли; поэтому «Виланд» приближался теперь к освещенной солнцем стороне Земли, и все время пути путешественники имели перед собой три четверти освещенного диска земли.

К концу второго дня полета родная планета широко расстилалась под ракетой в форме художественно выполненного гигантского глобуса.

Легко было отличить светлую сушу от темных морей; высокие горы были видны даже неооруженным глазом.

Андерль все время держал в руках единственную зрительную трубу, которую Гардт оставил на ракете, воротил ее по направлению к гребню Альпийских гор, надеясь разыскать Боденское озеро. Но сгустившиеся сумерки окутали родину, и все его труды оказались тщетными.

Он хотел было направить трубу на Америку, которая находилась сейчас в зоне ясного дня, как вдруг заметил в районе темных Альп мерцающий свет. С интересом стал он смотреть туда.

Светящаяся точка появилась, исчезла и вновь заскрилась, хотя слабо, но достаточно заметно. Вспышки были не одинаковы. Короткие сменялись более продолжительными. Ясно, что это не могло быть случайностью.

Неужели это знаки Морзе, направленные к «Виланду»? Неужели приближение «Виланда» уже замечено?

Продолжая отмечать точки и линии, он громко позвал капитана. Этот факт казался ему более важным, чем вахта.

Крик Андерля испугал не только Ганса Гардта, но и Алекса и Томми; скоро все собрались в наблюдательной камере.

— Земля посыпает нам известия! — заявил Андерль, не отнимая глаз от стекла.

Томми Бигхед тут же пустился в негритянский танец.

— Необходимо послать ответ, — торжествовал он. — Немедленно послать телеграмму! Просить, чтобы через час мои сообщения были расклеены на всех углах Детройта!.. Первый отчет Томми Бигхеда о полете на Луну Ганса Гардта... Живой метеор... Борьба с лунными лицеди-ци-да-ми...

Он поперхнулся и закашлялся.

— Успокойтесь, мистер Бигхед, — стал успокаивать Гардт обезумевшегося репортера.

Гардт начал расшифровывать знаки, которые отметил Аnderль.

— В-и-л-а-и-д! В-и-л-а-и-д!..

— Без сомнения, это относится к нам, — сказал Томми.

— Все одно и то же слово! Неужели эти идиоты не могут придумать чего-нибудь другого!

— Вполне достаточно, чтобы показать, что нас заметили, — возразил Аnderль. — Неужели ты надеешься, что тебе сообщат новые цены на пиво!..

— Откуда эти знаки идут? — спросил Алекс.

— Вероятно, директор Кампгенкель поднял на ноги все обсерватории, чтобы они следили за нами, и все прожектора Германии, чтобы они направляли на нас свои лучи. Очень важно было бы послать туда кое-какие сообщения. Но у нас, к сожалению, нет ни света, ни зеркал.

Целых пять минут световое пятно посыпало во вселенную слово «Виланд», а затем стали поступать другие знаки, и Алекс жадно их расшифровывал:

— В-с-е о-б-с-е-р-в-а-т-о-р-и-и с-х-е-д-я-т. В-с-е п-а-р-о-х-о-д-ы и-з-в-е-щ-е-и-и. В-е-с-ь м-и-р в-о-з-б-у-ж-д-е-и. В-о в-с-е-х г-о-с-у-д-а-р-с-т-в-а-х м-и-р а в-ы н-а-й-д-о-т-о п-о-м-о-щ-ь.

Эти слова повторялись до тех пор, пока Средняя Европа не исчезла из поля зрения ракеты.

Ганс Гардт был очень обрадован этим сообщением.

— Великолепно! — сказал он. — Старый Кампгенкель все это прекрасно устроил. Мы совершенно не в состоянии сейчас определить, на какую точку Земли мы опустимся, ибо наша ракета не подчиняется теперь рулю. Очень приятно узрать, что нас всюду ждет хорошая встреча,

Нет сомнения, что большие обсерватории будут теперь следить за нашим полетом и будут повсюду сообщать свои наблюдения. Если в обсерваториях сидят опытные люди, они сумеют в последние часы перед нашим спуском определить приблизительно место, где мы спустимся, и нам смогут оказать помощь, если только мы не упадем в Сахаре или в Гренландии. Одной заботой меньше. Жаль, что мы никак не можем послать Кампгенкелю ответ и поблагодарить его.

— Да, ужасно неприятно, — проворчал Томми разочарованным голосом, и занял место Андерля, так как наступило время смены.

Ближайшие часы протекли без особых событий. Земной шар все более и более раскрывался во тьме мирового пространства, в то самое время как луна сжималась в серебристо-блестящий серп.

Когда дядя Алекс сменил репортера, он испугался, заметив гигантский шар, висящий на небе. Этот шар увеличивался с невероятной быстротой и катился к «Вильанду».

Он отчаянно разбудил капитана. Тот немедленно вскочил.

— Что случилось? — спросил он.

— Мы уже очень близки к Земле. Пора кое-что предпринять.

Гардт быстро ориентировался и измерил угол, под которым видна Земля.

— У нас остается еще четыре часа, и только тогда нам придется заняться маневрами спуска, — сказал он спокойно. — Но, конечно, лучше быть готовым на час раньше, чем на секунду позже.

Капитан остался теперь на посту. Алекс также не обнаруживал никакого желания опять пойти спать, и остался с племянником.

— Мы спускаемся на западный край Земли, Гардт. — Это очень хорошо.

— Чем хорошо?

— Потому, что мы направляемся не против вращения Земли, а по тому же направлению. Наша скорость по отно-

шению к поверхности Земли, таким образом будет на несколько сот метров меньше, чем если бы мы легли вдоль восточного края. А это для нашего теперешнего «Виланда» весьма важно.

— Где по-твоему мы спустимся?..

— Трудно предугадать. Ведь Земля вращается; кроме того, сопротивление воздуха величина неизвестная. Во всяком случае, мы спустимся на северном полушарии. Больше я, к сожалению, предсказать ничего не могу.

Когда Земля настолько приблизилась, что перестала казаться блуждающим в пространстве небесным телом, а стала твердой почвой, над которой на огромной высоте летала ракета, Ганс Гардт распорядился разбудить обоих спящих. Экипаж «Виланда» приготовился к последним маневрам.

Наступил самый трудный момент путешествия, — спуск на Землю с недостаточным запасом горючего.

ГЛАВА 31

Спуск

Прежде всего, Гардт распорядился выбросить за борт водолазные костюмы.

— Они нам уже не нужны, — сказал он, — а выбросив их, мы все же облегчим ракету на 3 центнера.

Большое затруднение заключалось в том, что не было мотора, который мог бы пустить в ход рулевой гироскоп. Пришлось пускать его в ход руками. Потребовалась напряженная работа двух человек в течение 15 минут, чтобы направить конец дюзы к восточному краю Земли.

— Как только мы проникнем во внешние слои атмосферы, — утешал Гардт своих товарищ, — к кашим услугам будут другие средства.

Андерль, как самый крепкий из всех пассажиров, остался при гироскопе, остальные заняли свои места в гамаках капитанской рубки.

Еще три минуты продолжалось свободное падение ракеты по направлению к Земле. Алекс установил, что путь «Виланда» идет от снежной Аляски на юг. Он закрыл глаза. Тяжесть давала себя чувствовать, и ему казалось, что на грудь навалилась огромная тяжесть.

В течение одной минуты Ганс Гардт дал возможность дюзам работать с ускорением 35 метров, а затем остановил их работу.

В результате торможения, параболическая скорость ракеты уменьшилась на 2000 метров в секунду.

— Мы достигли теперь, так называемой, орбитальной скорости, — сказал Ганс Гардт. — Теперь «Виланд» ни в коем случае не может потеряться в мировом пространстве. Он кружит около Земли на высоте 800 километр. и вечно кружил бы на этой высоте, если бы у нас не было больше горючего.

Перерыв в маневрировании был использован для того, чтобы корректировать отклонение дюз от надлежащего направления. Ракета была установлена параллельно поверхности Земли, дюзами вперед, носовой частью — назад.

Так как для поворота ракеты потребовалось продолжительное время, то капитан вторично пустил в действие дюзы с целью затормозить полет. Ракета оказалась близ восточных берегов Америки.

В течение двух минут огненные потоки, тормозящие мчащуюся ракету, понизили скорость до 4000 метров в секунду. Путь ракеты шел теперь по кривой, под углом к поверхности Земли. Можно было надеяться, что ракета направится к западным берегам Европы.

— Мы проникли уже в сферу верхних разреженных слоев атмосферы, — сказал Гардт американцу. — Теперь сопротивление воздуха несколько затормозит нашу скорость, даже в том случае, если дюзы будут бездействовать.

— Великолепно! Мы сэкономим энергию.

— У нас в баках имеется еще запас горючего на 2400 метров скорости. Но скорость «Виланда» достигает теперь почти 3500 метров. Эту разницу должно заполнить сопротивление воздуха, если...

Он не кончил фразы и указал на термометр.

— Теперь все зависит от того, не расплавится ли наша ракета. Внешняя оболочка ее уже сейчас нагрелась до 50° по Цельсию, и нагревание усиливается с каждой минутой. Придется опять тормозить, ибо если мы врежемся с этой космической скоростью в нижние слои воздуха, то «Виланд» воспламенится, как спичка.

— Но при торможении мы упадем в море. Нельзя сказать, чтобы это была приятная перспектива...

— Ничего не поделаешь, дядя. Мы вообще должны будем благодарить судьбу, если нам удастся доставить «Виланд» на землю невредимым.

Следующее торможение вызвало дальнейшее уменьшение скорости на 1 400 метров.

Гардт развелал висевшие над кабиной капитана спасательные шары и стал освобождать веревочные лестницы. При этом ему помогал Томми.

— Все готово! — крикнул инженер, который уже не мог скрыть своего лихорадочного возбуждения и крайне нервного состояния. — Теперь немедленно все в спасательные шары! Не терять ни минуты! Живо!

— А ты, Ганс? — спросил доктор.

— Никаких возражений! — крикнул капитан резко. — Пока дюзы еще работают, я...

— Готово?

— Все в порядке, — раздался спокойный голос Андерля.

— Тогда пусти последнюю порцию горючего, — сказал инженер, стиснув зубы, и в ту же минуту ухватился за рычаг.

В последний раз вырвались пылающие газовые струи из отходных труб «Виланда» и растеклись по гладкому корпусу ракеты.

Когда Гардт убедился, что дюзы работают правильно, он оставил свое капитанское место и полез по веревочной лестнице наверх. Огненное пламя было так сильно, что он без помощи подбежавшего к нему Андерля не в состоянии был бы достигнуть люка со спасательными шарами.

Все четыре пассажира, тяжело дыша, пробрались в тесное пространство. Андерль закрыл дверцы люка, который слабо освещался единственным окошком.

Ясно слышен был рев дюз, — значит, «Виланд» проник в плотные слои воздуха, которые хорошо передают звуки. Если бы «Виланд» обладал планами обычного типа, он мог бы теперь спокойно скользить и лететь вниз, как аэроплан.

— Как только дюзы замолкнут, сразу тяни веревку, — простонал Ганс Гардт.

— Есть!

Веревка выходила через небольшое отверстие наружу к выключателю на верхнюю часть ракеты. Андерль держал веревку в руке.

Все молча прислушивались к шуму, который доносился снизу. Секунды казались часами.

— Быть может, энергии хватит?.. — спросил дядя Алекс.

— Нет, безусловно нет, — сурово ответил инженер и в его хриплом голосе послышалось отчаяние. — «Виланд» погиб, ему нет спасенья!

— Что? «Виланд» погиб? — закричал Томми Бигхел. — Почему вы мне раньше этого не сказали? Мои рукописи! Ведь они остались внизу, в спальне. Стой, стой! Я должен захватить их!..

И он с криком бросился к двери.

— Вы с ума сошли! — загремел Ганс Гардт. — Еще звук, и я застрелю вас на месте.

Ошеломленный репортер замолчал. Гардт сразу пришел в себя и раскался в своей резкости. Сознание, что его великолепная ракета неминуемо обречена на гибель, так потрясло капитана, что он перестал владеть собою. Но ему стало жалко убитого горем американца.

Гардт готов был подойти, извиниться перед американцем, но слова замерли у него на устах: дюзы замолчали, баки опустели.

В ту же секунду Андерль потянул веревку. Вся верхняя часть ракеты широко раскрылась перед ними. Канаты натянулись и с бешеною силой сорвали спасательные шары вместе с четырьмя пассажирами ракеты.

Гардт посмотрел в нижнее окошко. Далеко внизу бушевали волны Атлантического океана, воды которого с шумом и грохотом разверзлись, поглотив «Виланд» ма-всегда.

От ракеты не осталось ничего.

Шары также падали вниз с ужасающей быстротой. Нижний — один из трех — лопнул под давлением воздуха, но два других удержались и падали по направлению, которое вполне совпадало с расчетами Ганса Гардта.

Шары спускались последние сотни метров плавно, подобно мыльным пузырям, ударились в воду, и ринули на два метра в воду и появились снова на поверхности.

Они плавали, как пробка, по волнам океана.

Гигантские шары прыгали по ветру, пока не промокли насекомые и не остались лежать на воде, в виде огромных желтых пузырей.

Таким образом вернулись путешественники из далеких миров на родину. Кроме своей жизни, они ничего не спасли.

ГЛАВА 32

Заключение

Великолепно оборудованный итальянский пароход «Клеопатра» шел из Рио-де-Жанейро к Канарским островам. Он прошел 20° широты, когда из наблюдательного поста сообщили: «Виден аэроплан».

Встречи с пароходами или аэропланами были довольно частым явлением, но скучающие пассажиры рады были всякому незначительному происшествию, которое нарушало монотонность и скуку пароходной жизни.

Были вынуты бинокли, и сотни глаз устремились на северо-восток, где высоко над горизонтом показалась какая-то темная точка.

Капитан на своем мостике не отводил глаз от подзорной трубы.

— Почтовый аэроплан Азорской линии? — вопросительно сказал один из рулевых.

— Не думаю, курс не совпадает. Позовите немедленно радиста.

Тот сразу же явился.

— Что было в той странной радиограмме, которую мы вчера получили?

Радист вытащил из кармана бумажку и прочел ее: «Всем находящимся в пути пароходам! В течение ближайших 48 часов ожидается возвращение немецкой ракеты «Виланд» с Луны. Неизвестно, в каком именно месте

земного шара ракета спустится, поэтому все курсирующие пароходы должны установить самое тщательное наблюдение и немедленно явиться на помощь ракете, едва она окажется в поле зрения.

«Международное пароходное управление лиги наций».

— Странная история, — пробормотал старый моряк, который не был уверен в том, что радиограмма не является мистификацией. — Пассажиры знают об этом?

— Нет, капитан.

— Ладно, сохраните в строгой тайне, — приказал капитан. — Если это любопытное стадо узнает о телеграмме, — сказал он, сделав презрительный жест по адресу пассажиров, — они начнут штурмовать капитанский мостик.

В эту минуту толпа на палубе заволновалась. Все закричали и побежали в разные стороны.

— Несчастье! Взрыв!

И руки потянулись к небу.

От темной точки оторвалось беловатое облачко.

— Совершенно невероятно, — сказал про себя капитан. — Это безусловно они! — и он распорядился немедленно приготовить моторные лодки.

Темная точка, в которой пассажиры признали сгоревший аэроплан, быстро исчезла за горизонтом. Светлое облачко спускалось медленнее и в течение некоторого времени оставалась видимым на вечернем небе, а затем и оно достигло поверхности воды и сразу же исчезло.

Пароход немедленно остановился. Две моторные лодки устремились к северо-востоку, по направлению к месту катастрофы и быстро исчезли из взоров пассажиров парохода, который теперь медленно двинулся вслед за лодками.

Капитан и офицеры не могли спасти от натиска любопытных пассажиров, и моряки были нескончально рады, когда через час вернулись моторные лодки, отвлекшие все внимание пассажиров.

Первым вступил на лестницу Ганс Гардт. Тяжело, опустив голову, он медленно поднялся наверх.

За ним следовал Алекс, потом Томми Бигхед, а замыкал шествие Андерль. Отвыкшие от земного притяжения,

они с трудом несли тяжесть своего тела и едва удерживались на ногах.

Осмотревшись, они заметили перед собой множество людей, не отрывавших от них любопытных глаз.

Особенное внимание вызвали кожаные брюки Андерля.

— Это наверное немцы или австрийцы, — сказала какая-то худощавая путешественница своему соседу-американцу, но тот не ответил ей. Он смотрел, как на привидение, на Томми Бигхеда, который локтями прочищал себе дорогу сквозь толпу пассажиров.

— Томми, Томми Бигхед! — воскликнул он. — Неужели вы? Возможно ли?!

Репортер обернулся, и на его усталом лице показалась слабая улыбка, когда он узнал своего знакомого из Детройта.

— Оол райт, — ответил Томми. — Холли, в pari, что это действительно я?

— Но как вы попали сюда?

Томми показал рукой на небо и, таинственно улыбаясь, сказал:

— С Луны.

Этот ответ вызвал страшный шум среди пассажиров, но американец стоял, словно пораженный громом.

— Что-о-о-о-о-о? — воскликнул он и от удивления не мог закрыть рта.

Повидимому, у него в эту минуту произошел вывих челюсти, ибо он продолжал стоять с открытым ртом даже тогда, когда «Клеопатра» давно уже пустилась в путь, унося лунных путешественников на родину.

Конец.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Главы	Стр.
Предисловие	3
I. Двенадцать часов семь минут	13
II. Бутылка шива	17
III. Дыра в небе	22
IV. Ф 2001	27
V. Тайна Ганса Гардта	29
VI. Аnderль	37
VII. Прыжок через океан	40
VIII. Проект	47
IX. Карусель	57
X. Стар ^т	63
XI. Под'ем	73
XII. Над Землей	80
XIII. В мировом пространстве	86
XIV. В состоянии новесомости	91
XV. Четвертый пассажир	97
XVI. Солнце на ночном небе	102
XVII. Свобода	107
XVIII. Загадочное открытие	113
XIX. Томми действует	118
XX. Близ Луны	122
XXI. Таинственный спутник	129
XXII. На луне Луны	136
XXIII. Падение	138
XXIV. Сюрприз	141
XXV. В неведомом мире	146
XXVI. Лед	151
XXVII. Силовая установка	158
XXVIII. В кратере	165
XXIX. Ночная тень на Луне	175
XXX. На родину	182
XXXI. Спуск	187
XXXII. Заключение	192

2-я часть

2-я часть

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

ВЫШЛА И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ

К. ШЕЛАВИН

АВАНГАРДНЫЕ БОИ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

ОЧЕРКИ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1918—19 гг.

Стр. 288 ————— Цена 1 р. 50 к.

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ ранее вышедшая книга

К. ШЕЛАВИН

АВАНГАРДНЫЕ БОИ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Стр. 207 ————— Цена 1 р. 80 к.

ПРОДАЖА ВЕЗДЕ

ЗАКАЗЫ и ДЕНЬГИ (переводы) направлять: Ленинград, 2.

Фонтанка, 57. Высылка наложенным платежом

2-я часть

2-я часть

Приложение к журналу „Вокруг Света“